

CREATIVE
WRITING
SCHOOL

ПАШНЯ

Creative Writing School

Пашня. Альманах. Выпуск 3

«Издательские решения»

Creative Writing School

Пашня. Альманах. Выпуск 3 / Creative Writing School —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938910-7

В третий выпуск Альманаха «Пашня» включены лучшие работы участников Литературных мастерских Creative Writing School за год с июня 2017 по июль 2018 года. В сборник вошли тексты из двух десятков мастерских, как очных, так и в онлайн формате, как для тех, кто делает первые шаги в литературном творчестве, так и тех, кто уже имеет некоторый опыт, но хотел бы продолжить под руководством признанных мастеров совершенствоваться в этом сложном, но увлекательном занятии. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938910-7

© Creative Writing School
© Издательские решения

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	7
Рассыпая семена	12
Мастерская Майи Кучерской «Выше стропила, плотники: как построить сюжет»	14
Галина Бабурова	15
Человек второго сорта	15
Варвара Глебова	17
Малина-чили	17
Ольга Каверзнева	20
Блины	20
Татьяна Маркова	23
Ранняя Пасха	23
Анастасия Фрыгина	25
Под водой	25
Мастерская Ольги Славниковой «Проза для начинающих»	27
Марина Буткевич	28
«Я знаю маленькую девушку»	28
1	29
2	31
3	32
Марина Кузькина	33
Клава	33
Елена Леванова	39
Чужой мужчина в моем доме	39
Юлия Лисицына	46
Билет до Риги	46
Александра Натарова	49
Лунная пыль пахнет порохом	49
1	50
2	52
3	53
4	55
Егор Сычугов	56
Мимоза	56
Александр Чернавский	62
Нужный череп	62
Мария Штаут	64
Время без мобильных телефонов	64
Выездная мастерская Марины Вишневецкой и Максима Амелина в Праге	68
Кристина Маиловская	69
«А на черной скамье...»	69
Дуня Молчанова	73
Albo dies notanda lapillo	73
Арина Остромина	77
Злая сказка о Праге	77

Мария Соловьёва	80
О целебных свойствах мопсов и пончиков	80
Мастерская Алисы Ганиевой « Как делать прозу»	83
Глеб Буланников	84
Розочка	84
Дионисио Гарсиа	86
Огонь и пламя любви	86
Алиса Голованова	91
Нормальный человек	91
Ольга Дерюгина	93
Кто меня не любит	93
Вероника Янковская	95
Это не моя война	95
Мастерская интервью Ольги Орловой	97
Анна Валуйских	98
Преподаватель спрашивает: «Какая иностранка, где?»	98
Анна Пестерева	102
Тюрьма меняет сознание	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пашня Альманах. Выпуск 3

Creative Writing School

под ред. Майи Кучерской и Елены Холмогоровой

художественное оформление, обложка Елена Авинова
выпускающий редактор Юлия Виноградова

© Creative Writing School, 2018

© Елена Авинова, художественное оформление, обложка, 2018

ISBN 978-5-4493-8910-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

Майя Кучерская. Рассыпая семена

Мастерская Майи Кучерской «Выше стропила, плотники: как построить сюжет» (лето 2017)

Галина Бабурова. Человек второго сорта

Варвара Глебова. Малина-чили

Ольга Каверзнева. Блины

Татьяна Маркова. Ранняя Пасха

Анастасия Фрыгина. Под водой

Мастерская Ольги Славниковой «Проза для начинающих» (осень 2017)

Марина Буткевич. «Я знаю маленькую девушку»

Марина Кузькина. Клава

Елена Леванова. Чужой мужчина в моем доме

Юлия Лисицына. Билет до Риги

Александра Натарова. Лунная пыль пахнет порохом

Егор Сычугов. Мимоза

Александр Чернавский. Нужный череп

Мария Штаут. Время без мобильных телефонов

Выездная мастерская Марины Вишневецкой и Максима Амелина в Праге «Город как текст» (декабрь 2017)

Кристина Маиловская. «А на черной скамье...»

Дуня Молчанова. *Albo dies notanda lapillo*

Арина Остромина. Злая сказка о Праге

Мария Соловьёва. О целебных свойствах мопсов и пончиков

Мастерская Алисы Ганиевой «Как делать прозу» (весна 2018)

Глеб Буланников. Розочка

Дионисио Гарсиа. Огонь и пламя любви.

Алиса Голованова. Нормальный человек

Ольга Дерюгина. Кто меня не любит

Вероника Янковская. Это не моя война

Мастерская интервью Ольги Орловой (весна 2018)

Анна Валуйских. «Преподаватель спрашивает: «Какая иностранка, где» (Интервью с Эмилией Вуйчич)

Анна Пестерева. Тюрьма меняет сознание (Интервью с Алексеем Федяровым)

Мастерская Ольги Славниковой «Проза для начинающих» (весна 2018)

София Грухина. Паром

Оксана Гурина. Огонь революции

Анастасия Иванова. Слой за слоем

Анна Когтева. Лиза и дом

Ксения Крушинская. Красные апельсины для мадам Царевой

Николай Лутковский. Пароход Женева-Вене

Ева Резван. Dikke Dirx

Мастерская Олега Дормана «Драматургия кино» (весна 2018)

Екатерина Гликман. Авария.

Сто лет одиночества. (*Трансформация классического сюжета*)

Мария Комарова. Белоснежь-ка! (*Семейная комедия (Трансформация классического сюжета. Заявка на фильм)*)

Мария Маноцкова. Ночной звонок

Мастерская Ольги Славниковой «Проза для продолжающих» (весна 2018)

Татьяна Золочевская. Фестиваль бабы Насти

Мария Зяблова. Сорвите стоп-кран

Екатерина Оськина. Малыш

Мастерская Майи Кучерской «Как рассказать историю?»

(летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Алина Котович. Тетрадки со стихами

Андрей Федоров. Рождение

Мастерская Елены Холмогоровой «Лучшие слова в лучшем порядке» (летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Ольга Птицева. Бабариха

Саша Степанова. Человек, который думал, что он – дом

Мастерская Дмитрия Быкова «Как писать очень хорошие стихи» (летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Игорь Журуков. Coast to coast

Ольга Каверзнева. Безвременье

Татьяна Ларюшина. с краю

Михаил Либман. Первые шаги

Татьяна Маркова. Смена парадигмы

Игорь Науменко. Пути-дороги

Оксана Ошеко. Бессонница

Аркадий Тесленко. Экзерсисы

Анастасия Фатова. Поколение офф

Марат Хазиев. Три стороны одной медали

Александра Хольнова. Весна

Лана Цыпина. Угол

Владислав Шайман. «Пусть и выходит миллион почтить погибших и живых...»

Дмитрий Шишканов. Спасибо, Боже, что я не поэт

Мастерская Дмитрия Данилова «Описание города: искусство травелога» (летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Люция Журукова. В поисках башмачника

Полина Зонова. Город Королев

Юлия Митина. Город закрытых дверей

Мария Цирулёва. Неочевидное

Мастерская Марты Кетро «Как писать в Сети: правила ведения блога» (летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Александра Соколова. Дорогой мистер Альфред Уайт
Елизавета Тимофеева. «Читай для просвещения книжки»

Мастерская Марины Москвиной для подростков «Учись видеть» (летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Барвара Гончарова. Вдохновение
Юлия Дмитриева. «Where Did You Sleep Last Night...»
Евгения Кашаева. Рыжий смех
Дарья Курлаева. Фирра
Полина Леднева. Червячная Вселенная
Артём Орлов. Будущее

Мастерская киносценариев Марии Огневой для подростков (летний интенсив, 1—8 июня 2018)

Ксения Абросимова. Последняя страница
Ольга Нам. Помни прошлое?

Мастерская выходного дня Евгения Абдуллаева (июль 2018)

Андрей Евдокимов. Сказка
Ольга Огородник-Антипова. Ссора
Светлана Перельгина. Мальчики и девочки
Анна Шулина. Же мапель Гоги

Мастерская Олега Швеца для подростков (осень 2017 – весна 2018)

Серафима Волкова. Про Джона
Ксения Дудий. Где сердце успокоится
Меня как будто позвали играть
Ника Казакова. Виды помощи

Мастерская Ирины Жуковой для детей (осень 2017 – весна 2018)

Маруся Винькова, Виктория Рабинович, Саша Буянов, Сабина Гасымова. Дети о чувствах
Маруся Винькова. Семь нот
Кира Вишнепольская. Счёт
Матвей Новаков. А ты сколько прочитал?

Онлайн-курс «Внутренний подросток» (сентябрь-декабрь 2017, март-июнь 2018)

Лектор: Анна Старобинец

Мастера: Алексей Евдокимов, Ксения Рождественская, Ася Датнова, Михаил Эдельштейн, Дмитрий Самойлов, Лиза Биргер.

Вероника Андреева. Портсигар
Юлия Иванова. Риелтор
Николай Козлов. Старая карта
Екатерина Копытова. Борщ
Сергей Седов. Дверь в подвал
Алексей Сеницын. Человекообразование
Дмитрий Шишканов. Гнилая осина

Василий Юренков. Запах
Андрей Ярош. Охотник

Онлайн-курс «Язык и стиль: как писать хорошо» (январь – март 2018)

Лектор: Марина Степнова

**Мастера: Михаил Эдельштейн, Дмитрий Самойлов, Ксения Рождественская,
Роман Арбитман, Ася Датнова, Дмитрий Данилов, Лиза Биргер, Наталья Ломыкина**

Анна Болотова. Медея
Арсений Гончуков. Дедушкин ящик
Мария Карайчева. Пальто
Михаил Кузнецов. Соль-вода
Варвара Кутузова. Неуклюжая
Юлия Лысова. Нота мо
Евгения Матыкова. Самый странный день в жизни Виктора П.
Дарья Новакова. Даже не мечтай!
Гаина Подовжня. Из дневника Варвары Сергеевны
Ольга Рыбакова. Происшествие
Анна Скворцова. Золотая рыбка
Светлана Фролова. Жили они долго и счастливо и много смеялись

Онлайн-курс «Проза для продолжающих» (февраль – апрель 2018)

**Лекторы: Майя Кучерская, Людмила Улицкая, Алексей Иванов, Дмитрий Бак,
Марина Степнова, Ольга Славникова, Вячеслав Курицын, Николай Александров**

**Мастера: Дмитрий Данилов, Евгений Абдуллаев, Михаил Эдельштейн, Наталья
Ломыкина, Роман Арбитман, Роман Сенчин**

Асия Арсланова. Невеста
Анастасия Волкова. Перекопская буссоль
Андрей Гуртовенко. Фарфор
Александр Дымов. Кожаный мяч
Ирина Зайцева. Попутчики
Таня Манов. Отдай, мое!
Инесса Плескачевская. Пекинский блюз
Галина Получанкина. Задержалось
Виктория Райхер. Эстер, красный цвет
Марина Репина. «И в Летний сад гулять водил...»
Ольга Соколова. Сонный паралич
Павел Сусоев. Друг друга тяготы

Онлайн-курс «Выше стропила, плотники: как построить сюжет» (май – июль 2018)

Лектор: Майя Кучерская

**Мастер: Дмитрий Данилов, Ксения Рождественская, Михаил Эдельштейн,
Дмитрий Самойлов, Роман Арбитман, Роман Сенчин, Наталья Ломыкина**

Ольга Баринова. Остановка
Рена Жуманова. Женщина в оранжевом
Екатерина Задохина. Аттракцион
Ольга Каминка. Надежда
Мария Мандлис Дорогая
Надежда Рудик. Провинциальный городок

Михаил Серендипыткин. Пройдет десять лет, и ты станешь таким, как я
Марго Таль. Ха-Шарон,8
Артём Тихомиров. Режиссер
Марина Толстоброва. Коррекция снов
Сергей Фишбейн. Марина

Рассыпая семена

Этим летом я побывала в Тобольске, на книжном фестивале. Фестиваль проходил под открытым небом, прямо на площади у стен городского кремля. В белом шатре, поглядывая на застенчиво розовеющее солнце, медленно плывущее в Иртыши, я рассказывала что-то, кажется, про литературное образование в России, как оно появилось и в какой форме существует сейчас, упомянула и наши литературные мастерские.

В конце встречи поднялась рука. Симпатичная девушка, с длинными аккуратно расчесанными русыми волосами, явно робея, спросила, знаю ли я Ирину Жукову. Вроде бы она должна иметь отношение ко мне.

– Знаю, – удивленно ответила я. – Имеет.

– Я прочитала ее рассказ в журнале «Знамя», – продолжала девушка. – Передайте ей, пожалуйста, что я очень жду следующего. И вообще жду ее прозу. Она так хорошо пишет.

Дыханье у меня перехватило. Надо было приехать в Тобольск, чтобы встретить здесь поклонницу Иры Жуковой.

Тихая, скромная, Ира присутствовала в CWS с самого первого дня, попав в первый наш набор, в мастерскую по прозе для начинающих, которую вела я. Потом Ира поучилась во многих наших мастерских, очных, онлайн, и незаметно из начинающих превратилась в зрелого автора со своим сразу узнаваемым тембром повествовательного голоса, со своей темой. И первый же, наудачу отправленный в редакцию «Знамени» рассказ «Рассыпает семена перекапти-поле», авторитетный журнал взял без колебаний.

Похожих историй у нас не одна, не пять. Десятки. Десятки слушателей CWS, прошедших путь от нуля до бесконечности.

Понятно, когда мы с Наташей Осиповой все это придумывали, когда втыкали наш скромный саженец летом 2015 года в благословенную землю Тургеневской библиотеки в Бобровом переулке, мы и предположить не могли, каким садом цветущим все это обернется. И не просто толпой благодарных за хорошо проведенное время выпускников. Но и публикациями в лучших изданиях, журналах, сборниках. Рассказы, повести, книги, сценарии, пьесы, стихи, травелоги, колонки, эссе, переводы английских рассказов. Лонг- и шорт-листы литературных премий. Несколько лавровых венков. Все поколения, все профессии, все мелкие и крупные города. Российские, европейские, южно- и северо-американские, австралийские, китайские, корейские, африканские. На одном из наших онлайн-курсов, например, учился студент из Йоханнесбурга. А на другом из Верхней Пышмы, на третьем из Монреаля, там же из Мехико... Остановлюсь. За несколько лет три с половиной тысячи человек со всего белого света поучились в нашей очной и заочной школе. Многие из них подружались и теперь встречаются и общаются постоянно.

А наши мастера? Кто у нас еще не преподавал, не читал лекцию, не рецензировал? Таких становится все меньше. Писатели и критики, которых вы знаете, скорее всего, у нас уже побывали. Ольга Славникова, Алиса Ганиева, Марина Степнова, Дмитрий Данилов, Дмитрий Быков, Денис Драгунский, Людмила Улицкая, Олег Дорман, Роман Сенчин, Андрей Рубанов, Галина Юзефович, Наталия Ким, Марта Кетро, Роман Арбитман, Ксения Рождественская, Марина Москвина... но даже половины я не назвала. Эта книга, наш третий альманах, частично дополнит и уточнит эти сведения. Между прочим в альманах попали работы отнюдь не всех, кто у нас учился, только самые-самые, те, кого отобрал взыскательный мастер.

Этот сборник получился апологией рассказу. Хотя представлены здесь и другие жанры, но рассказов, написанных в рамках самых популярных наших мастерских по прозе, больше

всего. Читать этот сборник насквозь, наверное, сложно. А вот пригубить рассказ-другой-двадцатый в долгий вьюжный вечер, вдохнуть аромат зеленой свежести – почему бы и нет?

Я рада, что нас, тех, кто так любит вот это смешное дело – придумывать людей и их истории – так много. Рада, что проект продолжается и растет. Что все больше замечательных писателей, критиков, просто хороших людей вовлекается в его орбиту. И что выходит уже третья по счету «Пашня». «Кладу не ищи, а землю паши, и найдешь». Еще один долгий год мы пахали, и вот он наш клад, сокровищницы языка, выдумки, смысла, любоваться которыми можно отовсюду, и из Москвы, и из Йоханнесбурга, и из Тобольска.

Майя Кучерская

Мастерская Майи Кучерской «Выше стропила, плотники: как построить сюжет» (лето 2017)

Как научиться вырачивать из анекдота историю, видеть связь между типом героя и траекторией сюжета, ставить герою подножки и рифмовать сюжетные линии.

Галина Бабурова

Человек второго сорта

Его выпустили рано утром. Город был таким же акварельно прозрачным, безлюдным, каким Дамир привык видеть его с балкона общаги, когда курил последнюю перед сном сигарету. Но все ж глядеть сверху было приятнее, чем вписываться тощим телом в рассветный питерский ландшафт.

Он полез в карман за телефоном. Зарядки оставалось десять процентов. Дамир махнул рукой – подохнет, и ладно – пролистал иконки, добрался до музыки, ткнул наугад безымянный трек. «Сегодня самый отстойный день», – речитативом сообщил ему солист «Макулатуры». Дамир усмехнулся. Он-то думал, что самый отстойный день был вчера.

А все из-за нее. Даже спасибо не сказала. Можно так с живым человеком?

Дамир, бывало, зависал перед зеркалом, пытался рассмотреть, каких черт больше – материнских или отцовских. Иногда ему казалось, что физиономия у него вполне славянская, но девушка в метро явно сочла иначе.

Дамир, между прочим, тоже устал, но остаться сидеть воспитание не позволило. Он же видел, что на ней лица нет, бледная такая, да и в пакете явно что-то тяжелое. Он подскочил, садитесь, мол, пожалуйста. А она посмотрела, как на пустое место. Ни улыбки тебе, ни слова. Он остался над ней стоять, так она еще коленки отодвинула, чтоб не задеть ненароком, как будто заразный он.

Дамир сбросил рюкзак на асфальт, облокотился об ограждение, глядя на воду. Закурил.

Мать говорила: «Дамиржан, ты всегда там будешь человеком второго сорта». Может, она права? Надо было в Астане остаться? Работа была, причем по специальности – архитектором. И вообще все было. Мама, братиш мелкий рядом, девушка. Понесло его в этот Питер.

Не стоило закусываться с тем ментом, но Дамир так расстроился из-за девки в метро. Чуть не до слез, как ребенок. И ладно бы красавица была, а то вся тощая, лицо желтовато-серое, волосы сальные – обычная замученная девка в черных джинсах. Наверняка филологиня.

А это рыло свинское, ментовское хоть что-то разве понимает? Ну, закурил рядом с метро. Там все курят. Нет, он именно к Дамиру прикопался.

– Есть запрещенные средства?

Средства!

– По-русски говорить научитесь!

Зря он, конечно, так ответил. Кто ж такое стерпит от гастарбайтера. Но по той мерзкой отекающей роже с самого начала было ясно, что просто так не отпустит, так что и терять особо было нечего.

Ничего, сейчас он доберется до общаги, откроет ноут, закажет билеты на самолет. Хотя бы денег хватило. А то придется у матери занимать. Второй раз за месяц. Да и стоит только заикнуться, что магистратуру бросает, как та раскудахчется. «Я же тебе говорила». Да, говорила, и что? Должна быть у человека мечта, я вас спрашиваю?

– Дай сигарету!

Сзади стояла бомжиха в желтом дождевике, таком ярком, что Дамир прищурился, как от солнца. Полез в карман, вытащил пачку, дал две.

– Хорошего вам питерского лета! – Та ни с того ни с сего присела в книксен, разведя в стороны полы дождевика.

От неожиданности Дамир рассмеялся. А отсмеявшись, понял. Им не отнять ни этого холодного, нервного лета, ни красоты, от которой свербило в носу – вот она, на ладони,

по мановению, по щелчку пальцев, стоит только задрать голову. И вся эта красота – для него, ведь он понимает, и видит, и чувствует.

Солнце, поднявшись над крышами, щекотнуло гладь Грибоедовского канала. Дамир вскинул рюкзак на плечо и зашагал к общежитию.

Барвара Глебова

Малина-чили

Кира висит на турнике вниз головой. Детская площадка пуста и плавится от жары. Дышать все труднее, каждый вдох – это не воздух, а раскаленная пыль. Коленки, вернее, их внутренняя сторона, «коленные ямочки», как называет их Кира, стали мокрыми от пота и вот-вот соскользнут. А дальше будет так, как рассказывал папа: «Понимаешь, Кирка, нервы (проводки, по которым бежит импульс от тела к мозгу и обратно) проходят внутри позвоночника. И если вот здесь, – в большой папиной руке легко помещается Киркина шея, – разломать, то тело больше не будет слушаться мозга, будет лежать, как пустой мешок». А сейчас все зависит от коленных ямочек: если ноги разогнутся, если разогнутся... Слезы и пот потекли по лицу вверх, к бровям. Кира зажмурилась, и снова зазвучал голос Лидии: «Слабачка! Малявка! Ты, тощая курица, а ну давай живот напряги и тяни руки вверх! Слабо, что ли? Не опидайся только от напряжения. Размажешь мозги по песку – сама потом собирать будешь!»

Когда Лидия первый раз пришла на их площадку, девочки от нее млели – вся сладкая, бело-розовая, как мороженое с малиной, в юбке Барби, из множества сетчатых слоев, да к тому же большая – уже закончила первый класс. Кира ходила за ней по-щенячьи, ловя себя на желании потрогать, и распирало счастьем: «Не гонит. Не гонит!»

Лидия подпрыгнула и повисла на турнике, легко раскачиваясь.

– Я очень ловкая, – сказала она. – Смотри!

Как будто на шарнирах, подтянула колени к подбородку и уперлась ступнями в турник, потом выпрямила ноги назад, за затылок. Кира задержала дыхание, но как раз в тот момент, когда гибкие руки Лидии непременно должны были вывихнуться, она спрыгнула.

– Вот. Правда же, я ловкая? Я уже год хожу на акробатику. Раньше тренер маме всегда говорил, что я очень ловкая. – И она чинно села на лавочку, оглаживая каждый пенный юбочный слой. – Осенью я буду участвовать в соревнованиях, поэтому со следующей недели у меня ин-ди-ви-ду-альные тренировки.

– А что такое эти ...тренировки? – Кире это показалось чем-то принадлежащим сугубо миру взрослых, а потому волшебным-интересным.

Лидия не ответила. Она тоже не знала, что это, но не хотела признаваться. Подняв палочку, она стала быстро и заковыристо писать на песке. Кира наклонилась, но не смогла прочесть.

– Смотри, я писать научилась. А ты умеешь?

Кира вывела рядом с шустрými закорючками большие и угловатые «К» и «Л», а Лидия отвечала непонятно:

– Это ты печатными. А я – письменными.

Дома Кира повторяла: «А я – письменными», и звучало это нежно и прохладно.

Через неделю что-то случилось. Кира в тот день выпросила папино мороженое. Ей он дал простое, пломбир, а сам, Кира же видела упаковку, ел малиновое!

– Тебе не понравится, – сказал папа. – Это не малина, а малина-чили.

– Нет, понравится!

Папа засмеялся и протянул стаканчик. Кира жадно проглотила одну, вторую, третью ложку. Сладкое, кислое, знакомое заволокло рот и вдруг ошпарило, будто кипятком. Кира взвыла, брызнули слезы, и долго еще она запивала и заедала обжигающую обиду.

– Это чили, Кирка, – притискивая ее к себе, сказал папа. – Чилийский перец.

Утешившись, Кира высмотрела в окне Лидию и побежала ей навстречу. Но Лидия не ответила на привет, даже не взглянула.

– Во что поиграем?.. – робко спросила Кира.

Лидия постояла, перекачиваясь с ноги на ногу, потом плюхнулась на лавку, сминая жалобно затрепавшую юбку. Ей было очень плохо, внутри булькало, закипало и переливалось через край, и она будто искала, куда бы вылить это из себя. На кого бы. Посмотрела на Киру оценивающе и, удовлетворившись, сказала:

– А поиграем мы – в индивидуальные тренировки, – и резко, вдруг, во весь рот улыbnулась. Кира засмотрелась в ее широко расставленные передние зубы, во все ее молочное змеисто-раскосое лицо, и испугалась. «Лидия-чили, – подумала она. – Это не Лидия, это Лидия-чили».

Приседания, отжимания, вис на руках – все это было Кире трудно, майка неприятно липла к телу, но все же по силам, и улыбка на лице Лидии завернулась вниз. Она огляделась в поиске новых идей.

– Давай, давай теперь... Вот что! – и кивнула на самую высокую перекладину. – Залазь туда, живо!

В тот раз Киру спас папа. Площадка вся как на ладони из кухонного окна, он примчался и снял с турника рыдающую Киру. Лидии тогда уже и след простыл. «Сопля, – шепнула она на прощанье. – Папулин карапузик!»

– Зачем ты ее слушалась? Зачем лезла на турник? – спросил папа.

– Мы играли... В эти самые... тренировки, – несмотря на жару, у Киры стучали зубы и мерзли занемевшие ступни. – Как будто она дает задания, а я выполняю.

– Ничего себе игра! Ты должна была прекратить это гораздо раньше. Почему ты продолжала?

Кира опустила голову.

Но сейчас никто ее не увидит – папа на работе, мама в комнате возится с младшими, а Кира на площадке совсем одна. Повисла на слабых и скользких коленных ямочках, скоро на нее набросится пыльная твердая земля, и Кира станет пустым мешком. Папа не понял, почему она полезла на турник, когда ее заставляла Лидия. Папа тем более не поймет, почему она полезла на турник, когда ее никто не заставлял. Как объяснить ему, что от той Лидии-чили, которая поселилась у нее внутри, убежать невозможно?

– Сопливая малявка! Ты уже стала пустым мешком! – веселится она внутри Киры. – Ну же, подтянись! Перехватись руками и спрыгнешь. Но ты не сможешь, не сможешь, ты никуда не годишься, тобой только лужи вытирать! – Она запрокидывает голову и хохочет, у нее такая нежная молочная шея, а в просвет между зубами нет-нет да мелькнет тонкий раздвоенный язычок.

– Я не мешок, – сцепив зубы, говорит себе Кира. Кровь и так прилила к голове, куда уж больше, но вот, поди ж ты – эта злость, она как удар, от которого идет взрывная волна. Лопнули помидорные щеки, лопнул живот, скрючиваясь, чтоб поднять вверх больше не безвольное тело, лопаются пальцы, взмывая, вцепляясь в спасительную железку. Освобожденные ноги закидываются назад, кувырок, и Кира стоит, качаясь и пылая, а яркий-жаркий день слегка меркнет по контрасту. Пыльная и твердая земля надежно лежит под подошвами.

– Отличное сальто! – пытаюсь вложить в эти слова издевку, сказала подошедшая Лидия.

Кира обернулась и захлебнулась от восторга: «Она видела! Видела!» Привычная робость перемешалась в ней с гордостью. Может быть, теперь, когда она смогла, Лидия будет говорить с ней, как большая с большой? Но Лидия глянула злыми красными глазами и сказала:

– Ты вся потная. Иди проветришься.

Кира послушно пошла на качели. Вообще-то, она даже почувствовала облегчение – ни говорить, ни играть с Лидией ей больше не хотелось.

А Лидия смотрела ей вслед распухшими глазами. Сегодня она уже не плакала, наверное, все слезы кончились вчера. И умолять она перестала: «Мамочка, пожалуйста, пожалуйста, я не пойду на индивидуальные тренировки. Давай я буду полы всегда мыть, и убирать посуду со стола буду! Я вообще больше не пойду на акробатику!» К чему? Все равно мама снова ответит: «Брось. Ты же хочешь победить на соревнованиях? Для результата нужно потрудиться!»

– Через пять минут выезжаем! – крикнула мама, выходя из подъезда.

Приветственно пикинула сигнализацией черная машина. Лидия смотрела, как взлетает идеальным полусолнышком Кира на качелях, как взблескивают на верхних точках ее красные сандалии. Всего лишь вчера она висела вниз головой, как тряпичный клоун, которого Лидия как-то искупала в ванне, а сейчас – этот почти противоестественный кувырок... Как она смогла? Откуда взяла силы?

Машина выехала с парковки, по дому пробежали солнечные блики. Мама опустила стекло:

– Ты готова?

– Готова, – ответила Лидия, с усилием поднимая себя со скамейки.

Ольга Каверзнева

Блины

– Простите, у Вас случайно нет соды? – опускает глаза в пол мужчина с бородкой, лежащей словно банан в нижней части лица.

Ислам не позволяет открыто смотреть на чужих женщин. Тагир чеченец. Из древнего аула. Еще два года назад у него была большая семья, четверо детей и даже двое внуков. Собирались на праздники, гуляли на свадьбах. Человек по сто и больше. Его бескрайний горный мир смыло лавиной боли, и он уныло расплющился до одной палаты в брюссельской больнице. Круг общения – врачи, пара родителей с Украины и из Армении, которые по молодости называют его на русский манер дядя Толя, переводчик и пятнадцатилетний сын Эмин с диагнозом лейкемия.

Я познакомилась с Тагиром, столкнувшись тарелками на больничной кухне буквально через пару дней, как мы с дочерью оказались в детском отделении гематологии и онкологии огромного университетского госпиталя в Бельгии. Я ругнулась по-русски, а он засмеялся и заговорил. Спросил про нас и про нашу ситуацию. Еле сдерживая себя, я сухо ответила. Моя шестнадцатилетняя дочь была срочно госпитализирована с таким же диагнозом как и у Эмина – лейкемия. Рассказывать в тот момент особо было нечего. Шли doskonaльные обследования, и дни ожидания результатов превратились для моей семьи в ад. От них зависел не только тип лечения, но и его исход. Он все понял и не стал больше меня терзать распросами, а я в чужие страдания погружаться не хотела. Сил хватало только на монотонные автоматические действия – покормить, уложить, подбодрить, покормить, уложить, подбодрить. С тех пор мы лишь кивали друг другу в коридорах и скрывались в палатах детей, как в норах.

Через неделю анализы были готовы, и врач вошла к нам со словами: «Ну, дорогие мои, выдохнули. Все органы чистые, генетический анализ хороший, этот тип болезни лечится, однако предстоит нелегкий путь». Мы выдохнули, но вдохнуть полной грудью, как раньше, не сумели. Пришлось учиться дышать по-новой – мелкими неровными всполохами. И тогда возникла острая потребность делиться с кем-то таким же, разучившимся правильно дышать. Тогда-то впервые я попросила Тагира рассказать о своем горе.

Тагир с сыном в больнице уже год. Диагноз поставили еще в Чечне, но с лечением тянули и тянули. Помог друг, давно живущий в Бельгии. Собрали деньги и улетели в Брюссель, где запросили статус беженцев. Живя в лагере, Тагир скрывал болезнь сына, боялся, что депортируют. Когда Эмину стало совсем плохо, Тагир решился и сказал правду. Не прогнали, а сразу определили в больницу. Но бесценное время было упущено. Начались воспаления.

Поздно вечером, когда наши дети, изнуренные капельницами и химиотерапией, уже спят, мы сидим с Тагиром на кухонном островке мнимой свободы и разговариваем. Традиционно пьем чай. Только традиции у нас разные. Я люблю чай черный, чтобы густой, как туман, с лимоном и чайной ложкой меда. Завариваю в маленьком белом чайнике, случайно найденном в недрах кухонных полок кофейной страны. Бельгийцы, как и французы, чай не пьют. И они равнодушны к моему ритуалу. Дно и стенки тщательно ошпариваю кипятком и только потом насыпаю душистую сухую листву в разогретый до стона чайник, где они томятся и раскрываются, оживают от горячей влаги. Лью заварку щедро, почти до середины чашки, разбавляя водой лишь для объема. Тагир всегда с интересом смотрит на мое приготовление. Он пьет свой напиток. Никогда не спрашиваю, какой. Вдруг предлагает:

– Хотите наш чай попробовать, чечено-ингушский?

– А разве у вас пьют чай? – несмело шучу.

– Конечно, пьют. Мы завариваем душицу кипящей водой на треть, а потом добавляем молоко, немного соли, перца и сливочного масла. Тогда вкус получается мягкий, пикантный. У душицы, между прочим, много лечебных свойств. От бессонницы помогает. Иногда даже мне, – добавляет. – Здесь, в Европе, нашел ее аналог – орегано. Но дикая, наша, горная, конечно, не сравнить.

Пробую чеченский чай. Действительно, нежно и с пряным вкусом, словно десерт, хоть перец и чувствуется.

– Мусульмане спиртное не пьют, поэтому у нас не полагаются тосты за столом. Зато приняты душевные разговоры. Но это уже позже, ближе к чаю. До начала трапезы хозяин и гости отламывают по кусочку сискала – что-то типа хлеба из кукурузной муки, – и начинают есть. А уж потом, когда дело доходит до чая, подается десерт. Обычно это халва из орехов или из той же кукурузной муки. У нас из кукурузы много чего готовится. Кидают ее в кипящий мед и обжаривают. Очень вкусно. Жаль, угостить Вас не могу. Когда-нибудь в другой раз, когда дети поправятся, – вздыхает Тагир.

Тагир скучает по семье, особенно по четырехлетней внучке Ясмин. Она на него в обиде. Обещал ей вернуться, когда зацветет в их огороде какой-то неведомый мне цветок. Зацвел уже в конце лета. Девочка так тщательно его поливала, что цветок смилоствивился над ней. А дед не приехал. Теперь она отказывается разговаривать с ним по телефону.

– Дядя Толя, идем со мной играть, – врывается в палату к Эмину маленькая девочка Варя из Харькова. Она, как положено, в маске, на голове – розовая шапочка с принтом принцессы Бель. Варя уже больше полугода в больнице. Мамина виза закончилась. Вахту принял молодой отец.

– Ну, запрыгивай на меня, – улыбается Тагир и грузно встает на колени. Варя залезает на него: «Н-но, поехали, мой конь вороной» и заливается слегка скомканным смехом – ей неудобно смеяться. Улыбку сковывает катетер, идущий из крохотной ноздри к пакету смеси из белка и витаминов. Варя очень худа. Обычная еда не усваивается и гибнет под ядовитыми капельницами.

– Варвара – теперь моя украинская внучка, – в глазах Тагира блики бывшего счастья, – Ясмин тоже любила скакать на мне. Такая же шустрая. Знаете, умудрялась забираться мне на спину в самый неподходящий момент. Я верующий. Выполняю намаз пять раз в день. Помню, когда Ясмин была еще крохой, каждый раз, как только я становился на колени на молитвенный коврик, она подкрадывалась и запрыгивала на меня. Так и молился с маленькой разбойницей на плечах. Почему обиделась? Гордая. Вся в бабушку.

– У меня есть волшебная палочка! Загадывайте желания, я ею взмахну, и они сбудутся, – серьезно говорит Варя, затащив нас в специальную комнату для игр.

Мы с Тагиром молчим.

– Ну и что вы загадали?

– Варя, – осторожно отвечаю, – если я произнесу желание вслух, оно не сбудется.

– Можешь и не говорить. Ты загадала про свою дочку.

– Да, дорогая. И еще про одну девочку.

Огромные серые глаза на узком личике разглядывают мою душу:

– Про меня?

Эмин тоскует по маме.

– Поначалу очень убивался. Мы так надеялись, что она сможет приехать с младшим сыном как сопровождающая. Но оказалось, что донором костного мозга он стать не может.

– А просто прилететь маме никак нельзя? – мне впервые за последние недели отчаянно хочется кому-то помочь.

– Сделали визу через агентство, по рекомендации. Уже в Москве, в аэропорту позвонили из их офиса и сказали, чтобы она срочно уходила. А ведь уже ждала у выхода на посадку. Я до сих пор не понимаю, то ли виза оказалась поддельной, то ли еще что. В общем, невыездная теперь. Вернулась в село. И мы плакали от отчаяния. Но Эмин после этой истории словно повзрослел. Успокоился. Про мать почти не говорит. Только завел страничку в интернете, не помню, как называется, когда фотографии выставляют.

– Инстаграм?

– Да, точно. И там написал в этом, ну, где главная фотография?

– В профиле?

– В нем, точно, – Тагир молчит, сглатывает слюну.

– Так что написал-то?

Открывает телефон, находит страничку сына.

Читаю: «В мире много дорог, но самая лучшая дорога – к маме».

– Вам сода для чего? – спрашиваю.

Поднял-таки глаза:

– Эмин просит маминых блинов. Хочу попробовать испечь. Сода вроде нужна.

– Хорошо, – говорю, – будет, – и тороплюсь из кухни в палату – в горле комок с привкусом бикарбоната натрия.

Ночью снились чужие сны. Споткнулась о них на рассвете и погрязла в вопросах с ненужными ответами. Зеленые, словно мох, горы, белые бараны, еле видимый дымок от костра и женщина с морщинками вокруг печальных глаз в длинном темном платье и платке. Смотрела сквозь меня, будто что-то искала.

Вздыхнула и ушла. Вместе с дымком пришел запах шашлыков. Запах может сниться? А еще видела цветок в каком-то саду. Райском, наверное.

В общем, встала спозаранку. Иду на кухню, пока на ней никого нет. Два яйца, два стакана молока, стакан муки, две ложки сахара, две ложки растительного масла, щепотка соли. Да, и сода конечно.

Татьяна Маркова

Ранняя Пасха

Обезьянник, куда милицейский патруль доставил Марию, был пуст. В отделении стояла тишина, как в больнице после обеда. Время застыло, предоставив воспоминаниям полную свободу.

Вот она выходит из метро в темноту мартовского промозглого утра. Душа неподвижна, в дреме. Это подействовали две таблетки снотворного. Приняла впервые в жизни – обязательно было нужно хоть ненадолго уснуть перед воскресным дежурством в больнице. Ей удалось провалиться в серое облако сна, но с утра подташнивало. Казалось, в голове остался рыхлый клочок ваты.

Хмуро и зябко. Под ногами кое-где блестит ледок, сверху сыплется снежная вата. «Не дам снова мучить ребенка». Решение пришло так естественно, что Мария даже удивилась. Ускорив шаг, она еле слышно затянула: «Я несла свою беду по весеннему по льду...»

Электронные часы над входом в детское отделение застряли на цифре семь. В палате для тяжелобольных полумрак. Две кровати пустые, на третьей, у окна, спит, сопя через трубочку в горле, шестилетний Ромка из Новосибирска. Напротив него полулежит в подушках ее Илюша. Взгляд упирается в свекровь. Она подносит ко рту Илюши маленькую ложечку и показывает ему крашеное яйцо. Сквозь вату в голове до Марии доносится собственный голос:

– Елена Арнольдовна? Сегодня же не ваш день?

– Вон отсюда! Ты не мать, раз не даешь делать операцию, – шипит свекровь и бесцеремонно отталкивает ее от кровати...

А вот этого делать нельзя. Щелчок – и вата из головы исчезает. Что-то происходит со зрением. Оно сужается до красного китайского термоса с цветочками, стоящего на тумбочке. Хруст – вскрик – хлопанье дверью. Мария медленно кладет помятый термос на место, садится на стул и начинает спокойно кормить сына завтраком.

Невыносимо во второй раз смотреть это кино, но не в ее власти прекратить стрекотанье старенького проектора. Проектор время от времени заедает. Кадр останавливается, заставляя взгляды в свое прошлое с тупым спокойствием обреченного на казнь.

Снова измученная неизвестностью и страхом она поднимается с почти ослепшим двухлетним ребенком на руках по высокой мраморной лестнице. Видит длинный серый коридор детского отделения НИИ Нейрохирургии им. Бурденко. Инвалидную коляску в его начале, куда, устав держать на руках, она сажает своего малыша. Отчетливо слышит чей-то голос: «Не надо, не сажайте – плохая примета».

Стайка женщин с маленькими детьми на руках молчаливо дожидается обследования. Они в черных до бровей платках. Робкая надежда прячется в уголках их восточных глаз. У Марии надежды почти нет – риск потерять ребенка во время операции слишком велик.

Две белые двери. За ними – операционная. Мария ничего не чувствует, просто стоит. Стоит долго. Время провалилось. Теперь она лежит на полянке в лесу и смотрит в небо. Оно высоко, там, где кроны деревьев почти смыкаются. Около уха что-то жужжит и стрекочет. Запах красно-коричневой липучки, травы и земляники. Она жмурится от солнца и поворачивает голову. Навстречу ей бежит Илюша в голубом костюмчике в темно-синюю полоску. Мария встает на колени и протягивает к нему руки. По рукам к кончикам пальцев начинают двигаться теплые потоки. Пальцы покалывает. Она встает в полный рост. Потоки движутся все сильнее.

Пальцы так наэлектризованы, что кажется, еще немного – и между ними засверкает молния. Двери открываются. Мария понимает, что операция закончена. Ее сын жив, а значит жива и ее надежда.

Проходит год. Надежда сменяется отчаянием – злая опухоль, не удаленная полностью, снова начинает расти. Муж и свекровь требуют повторной операции. Мария противится. Врачи ничего не обещают.

Дверь обезьянника открывается, прервав поток воспоминаний. Ее ведут по длинному коридору к кабинету с табличкой: «Начальник отделения милиции полковник Шкодо Б. Г.». Пожилой мужчина с неожиданно добродушным лицом перебирает лежащие на столе бумаги.

Заявление потерпевшей, свидетельское показание мужа, медицинское заключение... легкое сотрясение мозга.

– Ну что, голубушка, – делает он паузу и поднимает глаза, – проголодалась? Вон, бери чай, кекс. Дочка принесла.

– Соленьый какой, – пытается улыбнуться Мария, пробуя сдобный духовитый кулич.

– Да не плачь ты. Таких мамаш из Бурденко часто приводят. Кого домой отправляем, кого в психушку. Уголовное дело заводить не будем. Пусть твои родственнички гражданский иск подают. Беги в больницу к сыночку своему. Пасха.

Улица встретила Марию празднично зажженными фонарями. «Христос воскрес! – поняла она и вдруг запела сильным красивым голосом, – А что я не умерла, знала голая ветла, да еще перепела с перепелками».

Анастасия Фрыгина

Под водой

*«Так мы уйдем, тихонечко скользнув за грань, как за портьеру,
И вынырнем в сияющую рань, без края, без конца и меры...»*

Он вышел из дома, огляделся и не узнал этот двор, не узнал ржавый забор и жухлый рядок из кем-то посаженных туй, эти обшарпанные пятиэтажки, подступавшие с трех сторон, эту рыжую собаку, сохнушую на проявляющемся после долгого дождя солнышке. Он как будто вынырнул из долгого и муторного сна, в котором, просыпаясь, раз за разом, начинаешь жить, а потом понимаешь, что пробуждение было мнимым и это просто еще один сон. А сейчас он проснулся.

Пару дней назад он сидел в этом самом дворе на расшатанной зеленой лавочке и думал, что же делать дальше. Дела были настолько плохи, что, казалось бы, дальше им катиться уже некуда, но они все равно катились под горку, причем, довольно стремительно. Прижимало со всех сторон: во-первых, не было денег, во-вторых – времени, а еще не было сил и, как следствие, – не было жизни.

На лавочке он досиделся, вернулась Ася. Она почти вошла в подъезд и была так увлечена своим девайсом, что прошла мимо, но, взявшись за ручку двери, все-таки заметила его краем глаза. Преувеличенно медленно обернулась и спросила:

– Ты чего здесь сидишь?

Он пожал плечами:

– Погода хорошая.

Она гадливо поморщилась:

– Погода отвратительная: сыро, пасмурно – мерзко, одним словом.

– Зато тепло.

Она хмыкнула, отвернулась и открыла подъездную дверь:

– Идем.

Он неторопливо поднялся и пошел к двери, Ася тем временем нетерпеливо взяла первый аккорд перебором длинных ногтей по гулкой железной двери. Пришлось ускориться.

Ужин прошел в молчании, Ася была явно чем-то обеспокоена, а он этого и не заметил, увлеченно перемалывая себя в труху и доводя до приступа паники, не зная, как сообщить ей свою жуткую новость.

Когда позже он размышлял об этом, пришел к выводу, что ее непривычная нервозность должна была его насторожить. Но это было потом, когда он уже держал в руках неопровержимое доказательство. А пока он тщетно боролся с подступающей паникой. Он был загнан в угол, и чувал, как черные стены, в которые он упирался лопатками, тянули его силу, давили ее капля за каплей.

Они отправились спать, Ася по обыкновению отвернулась на бок и вжалась в стенку, он постарался приобнять ее, но его одернули коротким, раздраженным:

– Не сейчас.

Он перекатился на спину, полежал пару минут, бездумно пялясь в потолок, а потом снова повернулся к Асе, кладя руки ей на плечо. Она резко обернулась, и они оказались лицом к лицу.

– Ну, вот чего тебе, я сплю?

– Ась, – прозвучало ласково и как-то жалко, она нахмурилась

– Ась, – еще ничтожнее, и в третий раз:

– Ась, меня с работы уволили.

– Как? – она вся напряглась и понизила голос.

– А вот так. Сам Вадим Арсенович к себе вызвал и сказал по собственному желанию писать, ну я и написал, что делать было.

– Как он мог? Как он мог? – Ася взвизгнула так, что он даже вздрогнул.

– Ну, ты же знаешь, он человек вспыльчивый, может, я случайно сделал что-то, что ему не по нраву. Он отойдет и возьмет меня обратно.

– Не возьмет, – выдавила Ася, всхлипнула, – ни за что не возьмет, – и зарыдала.

– Ну что ты, солнышко мое, все хорошо, все наладится, не возьмет, так новую работу себе найду.

Он постарался обнять ее, но она опять отодвинулась к стенке, вжимаясь в нее спиной. Рыдая, она прятала лицо в ладонях, потом, затихнув, подняла на него свои заплаканные глаза.

– Саша, я беременна, – сказала она почти шепотом.

– Что? – он опешил.

– Я беременна, – она повторила еще раз.

– Какой срок? – он медленно приходил в себя.

– Шесть недель.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас?

– Не была уверена и, и я не могла, у нас такое положение, я должна была убедиться, что... – она опять разрыдалась.

Он обнял ее и забормотал утешительную скороговорку, что все будет хорошо и они справятся.

И они справились, почти справились. Напряжение росло, работы не было два месяца, нервы накручивались на колки все туже и туже. Ася постепенно сходила с ума, и он всей шкуркой чувствовал, что что-то не так, что-то идет неправильно, им всегда было сложно, но они всегда справлялись вместе, всегда, но почему-то не сейчас.

И вот он уже держал в руках неопровержимое доказательство. И это было закономерно, он даже почти не удивился, где-то глубоко, на полуинтуитивном уровне он ожидал чего-то подобного. Чего-то, что расставило бы все по своим местам: объяснило тугие жгуты вины и постоянно растущего страха в глазах Аси, неувязки со сроком беременности, это странное увольнение без особой причины, ее тогдашнее полуистерическое «Как он мог?». Оно объяснило и много другое, то, что происходило задолго до памятного вечера: частые ее отлучки, странные недомолвки, растущую дистанцию между ними. А ведь он давно все видел, просто не хотел замечать, не хотел верить. Ему сейчас должно было быть горько и страшно, обидно в конце-то концов. Но не было, ему наоборот вдруг стало легко, все стало предельно просто. И не так уж важно, что он будет делать дальше, вариантов масса, и времени, чтобы принять решение тоже вдоволь, всего вдоволь, Саша улыбнулся, захотелось свежего воздуха.

Саша сидел на лавочке и заново знакомился с радостно рыжей плешивой псиной, с кривенькими упорными туями, старым забором, испещренным надписями, с вальяжными древними домами, с солнцем, он подставил ему лицо и улыбнулся, как встреченному после долгой разлуки другу. Саша вспомнил раннее детство, когда с семьей ездил на море и там, на спор, нырял как можно глубже. Когда сидишь на дне и смотришь вверх, весь мир кажется будто подернутым мутной колеблющейся пленкой, потом ты отталкиваешься от дна и стремишься вверх, прорываешь макушкой водную гладь и оказываешься в немислимо ярком и четком мире и не узнаешь его.

Мастерская Ольги Славниковой
«Проза для начинающих»
(осень 2017)

*Стартовые навыки в прозе. Ошибки первых литературных опытов
как основа будущего успеха. Техника и энергетика рассказа.*

Марина Буткевич

«Я знаю маленькую девушку»

1

Четыре произведения. На выпускном экзамене в музыкальной школе играют четыре музыкальных произведения. Между ними не хлопают, между ними так страшно. Страшно, когда тишина дышит незнакомыми людьми. А ты должен им что-то выдать.

Бах. Трехголосая инвенция фа мажор.

Потом обязательно этюд. У меня был Черни. Быстрый бешеный Черни. Опус 299. Этюд номер 33.

Гайдн. Соната ми минор.

Григ. «Я знаю маленькую девушку». Вот на Григе можно будет отдохнуть и успокоиться.

Надо держать спину, смотрят все. Потом будет фотография. Штаны широкие, ветреные, но там, где пояс, режут больно. Напополам. Моды на них совсем нет. Она придет через четырнадцать лет и ушла столько же лет назад. Но они куплены по настоянию Нины. Потому что все в «черный низ, белый верх», а я особенная. У меня вязаный жилет, заколка с бабочкой из камня и штаны с пшеницей. И сандалии, а не туфли.

Да, на штанах растут цветы и колосья огромные. Широкие взрослые штаны. Как юбка, только штаны.

Надо выйти тихими шагами, слегка и взволнованно улыбаясь, а внутри – боже, какой там страх, потом поклон верхней частью тела. Стул слишком высоко. Крутим его вниз. Зажимаем. Тело удлиненное.

Кто-то кашляет. Хочу уйти. Блестит черный. Страшно.

Между произведениями надо аккуратно снимать руки, класть на колени. И потом красиво поднимать округлые ладони с расслабленными пальцами и щипать клавиши, щипать, как будто ты забираешь у них звук. Давай. Давай. Давай.

Отца не было тогда в зале на деревянном стуле с мягким сиденьем. Мама была, рядом с мамой кто-то еще. А Нина на первом ряду среди учителей и главных. Там справа – по хору, слева – по сольфеджио. Директор. И Нина. Со своей огромной сумкой и громкими движениями, ведь она их как бы не слышит.

Нина специально приехала ночным поездом, чтобы посетить мой экзамен. Она набрызгала на мою шею и запястья утром свою воду из золотистого флакона и сказала маме про меня, что как можно ходить с такими ногтями и вокруг ногтей... Что это вообще? Ошметки. И пусть как-то уже, может, начнет спину держать.

Мне напрямую она ничего никогда не говорила.

Инвенция как-то прошла. Этюд (ненавижу) тоже. Теперь Гайдн... Для меня ты – имя над нотным станом. Только имя.

Играю этого Гайдна. Слышу Нину. Она что-то говорит. В сильный демонстративный голос.

Я останавливаюсь. Не помню. Не помню, что дальше. Стою на клавишах. Не помню, зачем щипать.

– Начни сначала! Начни сначала, – шепчет учительница Ольга Георгиевна.

Ольга Георгиевна, вы били меня по мерзлым зимним рукам, когда мне было шесть лет. Теперь мне тринадцать. И мне надо начать сначала, вы считаете?

– Начни сначала, – шепчут всякие еще.

Нина встает и громко уходит. Ужас. Говорит она. Ужас.

Я так и остаюсь сидеть с руками на клавишах. Они леденеют. По щеке течет горячая вода.

– У нее же отец пианист! Это отвратительный стыд. Я ехала ради этого? Чего останавливаться было? Мне теперь даже не хочется с вами фотографироваться. Что тут у вас вообще, за крыльцо, не выйдешь – ноги можно оставить.

Нина – мать моего отца. Нина его любит, потому что она все ему дала.

Мама побежала в магазин покупать мне коржик с орехами.

Было пыльно, сухо, и лето начиналось завтра.

Папа-пианист потом за меня попросил. Мне засчитали этот экзамен. И дали диплом об окончании. Класс фортепиано. Срок обучения: восемь лет.

Что я дальше собираюсь делать?

– Хотелось бы пойти с кем-нибудь погулять. Просто пошляться.

Потом в гостях Нина говорила, что я играла в тот день лучше всех, просто виртуозно, и пальцы так ходили быстро, что она не могла понять, как такое возможно, это в отца. Это просто «вот это талант». Вот это не зря. Она говорила, что Марго, то есть я, будет великой пианисткой. И еще же Марго поет, и она будет играть и петь. И скорее всего даже так. Да. А еще же Марго рисует и скоро закончит художественную школу. Поэтому Марго будет художницей. А еще же, боже мой, танцы. Им отдано десять лет. Будем что-то делать. А еще Марго наша пишет. Изумительно, хочу вам сказать. А в театре делает успехи просто невероятные. Все в восторге.

А еще в гостях у меня были красивые тончайшие пальцы, острый нос, губы с определенным характером, брови черные и отчетливые. А фигура! Мои сестры троюродные и одноклассницы были серые и какие-то не выразившиеся. Не то, что я.

А наедине с Ниной мы молчали. Никогда не касались друг друга. Никогда не обнимала меня она. И наедине с Ниной я была вытянутым уродцем, с волосами, которые пушились, с кривой спиной, с расцарапанным лбом, расцарапанным моими же худыми обглоданными пальцами. Бить по ним. Оторвать их! Плохие!

У меня всегда были тяжелые сумки. Тянули упасть. А нужно было бежать. В моем секундном расписании не было места для падения.

2

Сегодня Рита выезжает в Рим. Вылетает. Выходит.

Она пипеткой отплевывает в нос очень много нафтизина. Это чтобы уши дико не болели при взлете и при приземлении. Для расширения сосудов. Или что-то типа того. Так сказали делать врачи когда-то давно на очередной встрече у барокамеры, и Рита с тех пор неизменно закидывается нафтизином и именно с помощью пипетки, сидя в самолете с только что застегнутым ремнем. Она у окна. Всегда выбирает место у окна. От него идет холод. Что-то свежее и высокое.

У Риты концертный небольшой тур по Италии. Она – новая любовь музыкальных неформатных критиков и, главное, – приличной, то есть большой, части молодежной аудитории. Она становится за кулисами, когда полный зал ждет ее уже минимум час, настраивается, дышит. И начинает танцевать. Постепенно появляясь на сцене. Она рисует в воздухе руками, гнет спину, то ходит на пальцах, то лежит и барабанит по покрытию сцены, сгибает и разжимает локоть. И каждое ее движение, каждый рисунок ее тела в пространстве превращается в музыку, каждый жест – это особый звук. Когда Марго в настроении, она даже оркестр. «С чего начинается звучание, Марго? Как вы это делаете? Ведь когда вы просто идете по улице, никто не слышит вас, то есть вашей музыки. Но тут... на сцене! Когда вы сгибаете левое колено – я слышу волынку, а когда хватаете себя за горло – гобой» – «С правильных мыслей начинается», – щурит она глаза. Это нео, пост и мета. Это музыкальный моноспектакль. Это ожившая звучащая живопись. Она рисует в воздухе музыку. Много было вариантов в интернетных стильных статьях. Там среди текста на фото Рита с коротким пышным каре и длинной шеей стоит, и руки ее спокойны в карманах, тело ее спокойно. Брюки с самодельными стрелками. В них заправлена майка, на которой вышит грустный кто-то.

Рите тридцать два – так пишет википедия.

Где, интересно, Аликсандр?

Аликсандр, он хочет на подушки Ритиных пальцев слегка нажимать зубами и об ее майку свой лоб вытирать. В каждую командировку Риты он тоже командирует себя. Летит, если угадывает рейс, на одном самолете с ней, просит всех препятствующих пересечь, поменяться с ним местами. Усевшись, ведет себя тихо, слегка касаясь Риты локтем. Она уже не реагирует на него. Она знает, что где-то он есть. И даже если вдруг не летит одним рейсом с ней, значит, встретит в аэропорту, дыша своими горячими чувствами на стекло. Или в городе подойдет к ней с каким-нибудь мелким и нежным подарком. На концерты ее он больше не ходит. Он не может смотреть, как на нее смотрят. Не может и не хочет знать, что есть еще они. Но больше всего он ненавидит то, как она любит свою музыку, как закрывает глаза на сцене, как улыбается, как вздыхает, как выгибает спину и дергает плечом, как гнется, бежит, застывает, собирает ладонь в ракушку и разбрасывает волосы. Он не слышит ее музыку. Он видит только, как Рита дергает телом несколько часов подряд под сухой кашель и писк телефонов. Он не слышит звуков ее музыки. Аликсандр не глухой. Далеко нет. Он терпеливый.

Рита испугалась бы, если бы Аликсандр пропал. Она любила не его, а над ним смеяться. Ее особенно забавляло, что за все время тепла к ней он успел сделать своей жене трех дочек. Таких же, как он. С большими головами. И каждую новую пытался назвать именем Маргарита.

3

Одной из любимых ее коллекций были вафельные полотенца. Для кухни. На каждом изображено животное. Такие пускали в продажу в конце октября, в ноябре. Зверь был, сейчас вы поймете, каждый год разный. Змея, лошадь, овца. Это новогоднее полотенце, очень яркое. Еще с петухом, например. Следующая по важности коллекция – обертки от шоколада. Она их складывала в альбомы для фотографий. Сам шоколад не ела, боялась, что у нее сахарный диабет, а отдавала попрошайкам под белой церковью на перекрестке.

Еще: коробки от лекарств с надписями маркером (от чего помогают, и что было исключительного после их приема), крышки от банок, ручки шариковые и стержни, листочки, порезанные мелко для маленьких записок, лампочки, сдохшие по очереди над ее головой, талончики, оторванные объявления, что, как клавиши, преследовали ее на каждом фонаре и столбе. Марго останавливалась, снимала перчатки и отрывала, как палец от руки, одну клавишу и клала себе в карман. Когда рвешь палец, это значит – он плох.

Раньше она не могла решить, что купить, и покупала все, сейчас не может решить, что выбросить. Это ее иллюзия богатства. Королева должна быть богата. В ее квартире трудно перемещаться. Трудно дышать и смотреть. Везде вещи.

Марго притворялась сама себе, что у нее плохой слух всегда, когда стучали, звонили или кричали, чтобы она открыла.

Она говорила сама с собой в голос.

Марго всегда носила неработающие часы на правой руке. И поправляла их движением, ставшим нервным тиком. Всегда была напудрена смуглой пудрой. Блузку дома носила нарядную, подпоясывала ее узорным поясом из кожи, который купила страшные сорок пять где-то лет назад, а штаны домашние были затертые с дутыми коленями. Ноги, которые никогда не ходили по иностранной земле, домашние топтанные ноги, кончались грубыми носками.

Она пила виски «Инвер хаус». Дешевый и местный, но из-за названия думала, что лучший.

Большой монитор, который принес три года назад сын друга юности, не выключала. Там постоянно кто-то что-то вытворял. И Марго делала вид, что не замечает их, и только иногда бросала небрежную фразу о том, что, мол, хватит меня разглядывать вашим широким взглядом.

У нее было четкое расписание дня. Чтобы все успеть. В 6:30 закапываю, 7:00 шаркаю, 8:00 планирую, 8:30 каша, 9:00 цвет, 11:00 пишу, 12:30 режу, 13:00 еда, 14:30 мою Гайдна, 15:00 делаю образ, 16:00 гамлет, 19:00 играю концерт.

Это все дома. Тут, на двухметровом клочке незаваленного пространства.

Гайдн – не собака. Гайдн – инструмент. Пианино.

Ну, например. В 19:00 по расписанию концерт. Она садилась рядом с Гайдном. Поднимала руки и начинала играть.

Просто нажимала на клавиши в хаотичном порядке. Но так двигалась и закрывала глаза, выгибала спину, как будто издавала стройную музыку. Потом вступал ее голос, выдумывая страшную одинокую песню на ходу.

Сосед бил ее стену. Потом ее дверь.

Марина Кузькина

Клава

Материнской ласки Клава не помнила, только свято хранила в памяти рассказ родни о том, как мать перед смертью просила позаботиться о ней:

– Клавку сберегите, обещайте, что выживет. А если голод... пусть Шурка умрет.

Мать Клавы ушла рано, пытаясь избавиться от очередной беременности. Отец вскоре женился снова, и девять детей остались практически сиротами. Заботу о них взяла на себя бабушка, и пока она была жива, дети были сыты и одеты. Клава, младшая, родилась в сибирской глубинке за восемь лет до начала Великой Отечественной войны, назвали ее в честь бабушки.

Выжили трое: старший мальчик Георгий и погодки Клава и Шура.

Не по годам смышленная, шустрая, озорная, тоненькая, с шапкой густых, вьющихся волос, падавших крупными кудряшками на смуглое личико с любопытными глазками и носиком-пуговкой, Клава заметно выделялась среди своих сестер и братьев не только выразительной внешностью, но и какой-то особой энергией. Чувствовалась удивительная сила и жизнестойкость в каждом движении этой маленькой девочки: уверенном, ловком и одновременно мягком.

Беззаботное детство закончилось в три года от роду, в день смерти матери. На кладбище Клава прикладывала губы к ямке, вырытой пальчиком на могильном холмике, и нараспев кричала:

– Мааааама, мааааама, вставай! Зачем ты там прячешься?

И немедленно прижималась к ямке ухом, старательно вслушивалась и недоумевала, почему мать не отзывается. Она делала это снова и снова, пока кто-то из родни не увел ее подальше от могилы.

Клава отчетливо помнила себя лет с шести. В доме все держалось на бабушке, она была еще крепкой, основательной, статной и казалась моложе своих лет. Дед же, напротив, выглядел намного старше бабушки, сильно хромал, ходил с палкой, и хоть во всем помогал ей, был совершенно обескуражен такой оравой детей, свалившейся на них под старость.

– Столько ртов прокормить, – хмуро говорил он, уронив большие руки с узловатыми пальцами на широкий деревянный стол.

– Ничего, Прохор Петрович, сдюжим, – бабушка внимательно глядела в его, вдруг потемневшие, глаза.

Выросшее в одночасье семейство смахивало на муравейник. Прямо с утра в доме закипала работа. Мальчишки под строгим присмотром деда чинили крышу, кололи дрова, косили сено. Часто рыбачили, получая удовольствие и одновременно ощущая себя добытчиками. Старшие девочки обстирывали всю семью. Летом огородничали: сажали картошку, свеклу, репу да брюкву. Урожай помогали выживать суровыми сибирскими зимами. Раз в неделю скоблили до белизны доски некрашеного пола, которые сначала подметали младшие – Клавка да Шурка, поделив его пополам. Шурка мела медленно и аккуратно, побрызгав доски водой, чтобы не поднималась пыль. Клавка быстро справлялась со своей половиной, любовалась, как чисто у нее получилось, и принималась помогать Шурке.

Потом девочки дружно отправлялись присмотреть за курами. Клава строго разговаривала с ними, изображая бабушку, рассказывала, где им разрешается бегать, ругала за бестолковость. Шурка весело хохотала, держась за живот. Тихая, покладистая, голубоглазая, с русой косой, она была рослой и выглядела почти вдвое крупнее Клавы, но слушалась ее беспрекословно. Шурка каким-то непостижимым образом была привязана к Клаве – не как к млад-

шей сестре, а как к чему-то большому, сильному и безоговорочно истинному, угадывая в ней свою защитницу. Клава часто затевала игру в дочери-матери, где она была обязательно мамой и щедро изливала на дочку-Шуру всю свою ласку, любовь и заботу, заложенную природой в каждой девочке, даже если она была лишена материнской любви или ее не помнила. Клава укладывала Шуру головой себе на колени, обнимала, укачивала, как младенца, приговаривая:

*– Спи, Шурка-мурка на печи —
дам тебе я калачи,
Не слезай с печи пока
и получишь молока.*

Шура, довольная, будто наевшаяся обещанных Клавой калачей, подыгрывала сестре, громко чмокала губами и время от времени тихонько хныкала, с интересом ожидая, что придумает Клава, чтобы утешить свою дочку.

– Чи-чи-чи, не вяньгай, Шура! – Клава, вытянув губы трубочкой и скроив заботливую мордашку, принималась трясти голову Шуры, раскачиваясь взад и вперед, до тех пор, пока сестра не изображала успокоившуюся, сладко спящую дитятю.

Шура хорошо помнила, как Клава спасла ее от соседского мальчишки, рыжего, веснушчатого драчуна. Клава однажды назвала его Рыжемордом, с тех пор его только так и звали.

Клава опроретью летела через всю улицу, увидев, как Шурку толкнул Рыжеморд. Подскочила к нему, изловчилась, подпрыгнула, ухватила за огненный чуб и потянула к себе. Мальчишка взвизгнул, присел на корточки и, зло глядя на Клаву, сжал кулаки.

– Бежим, Клавка! – закричала Шурка и пустилась наутек.

– Только попробуй! – грозно прошипела Клава Рыжеморду, сощурился для убедительности глаза.

Мальчишка, не ожидавший от маленькой Клавы таких решительных действий, драться передумал. Высвободился, сгреб в пригоршню мелкие камешки вперемешку с дорожной пылью и, метнув все это в Клаву, отправился восвояси.

Клава нашла Шурку, нахохлившимся цыпленком сидевшую в углу комнаты, прямо под образами. Сконфуженная из-за своего трусливого бегства, она виновато поглядывала на Клаву.

– Ты чо, Шурка, надулась, как пузырь? Гляди, а то лопнешь! Завтра за ягодами пойдем, бабушка сказала, – протараторила Клава, уже забыв о потасовке.

Собирать ягоды Клава любила. Она волчком крутилась по поляне, быстро наполняла корзинку, в несколько прыжков перемещалась на другое место, падала на колени, деловито осматривалась по сторонам и торопливо принималась срывать ягоды. Спешила она неспроста: если раньше всех высыпать ягоды из своей корзинки в большую бабушкину, то можно заслужить одобрение.

Всего несколько ласковых слов. Клава так сильно ждала их, так трогательно, по-щенячьи, радовалась им, что строгая бабушка смягчалась.

– Кланька-то наша, ловкая какая, ох и шустра девка вырастет! – эта скупая бабушкина похвала подсвечивала смуглую кожу Клавы алым румянцем, она украдкой смотрела на бабушку счастливыми глазами, брала ее руку и смущенно утыкалась лицом в грубую ладонь, пряча нечаянно выкатившуюся слезинку.

– Ну что ты, дуреха, ладно тебе, – говорила нараспев бабушка, прижимая к себе ее кудрявую голову.

Вскоре к обязанностям Клавы добавилось мытье посуды и покупка хлеба, и то и другое она понимала, как награду.

Тяжелый чугунок с густой похлебкой ставился прямо на стол, и бабушка чинно разливала варево по большим деревянным чашкам, начиная с деда. Еще каждому едоку полагался кусок

хлеба. Если в чугушке оставалось немного похлебки и можно было надеяться на добавку, дети, толкаясь, тянули свои чашки. Клава же демонстративно отказывалась.

– А я не хочу, наелась уже, – заявляла она.

– Кляшка-малоежка, носилась весь день, приткая девка, а поди ж ты, уже и наелась, – говорил дед, ухмыляясь в бороду.

За глупое притворство приходилось дорого расплачиваться постоянным ощущением голода, но желание похвалы было неистребимым. Во время мытья посуды Клава старательно сметала со стола самые маленькие, никем не подобранные крошки хлеба и мусолила их во рту, пока они не растворялись сами собой. Она тщательно вылизывала чашки из-под похлебки, а уж потом споласкивала их водой. Эти размусоленные во рту крошки хлеба, вкус похлебки с вылизанных чашек да пара ложек гущи, добытой со дна котелка, как ни странно, давали ощущение сытости.

Когда приходило время идти за хлебом, бабушка доставала деньги, завернутые в чистую тряпицу, вздыхала, долго отсчитывала и отдавала Клаве со словами:

– Смотри, Кланька, в оба, не потеряй, а то без хлеба вся еда пустая. Да рот-то там не разевай, поспешай.

Клава кивала в знак согласия, дожидалась, когда оставшиеся деньги будут аккуратно завернуты и возвращены на место, важно брала холщовую сумку, вешала себе на плечо и отправлялась в магазин.

В первый раз, оказавшись в магазине, она заворуженно рассматривала никогда не виданные раньше сладости: конфеты, пряники, сдобные булки, коврижки и еще всякое, чему она и названия-то не знала. Спрятав хлеб в сумку, Клава прикрывала глаза и тянула носом упоительный запах необыкновенных лакомств. Затем снова разглядывала эти немислимые вкусности, поминутно слгатывая слюну, и представляла, как продавщица насыпает в один большой бумажный кулек все самое лучшее и ласково так говорит бабушкиным голосом:

– Бери, Кланька, ешь сколько хочешь, ты помощница справная, да еще и малоежка – одна с тебя польза!

Она так и стояла, погрузившись в свои фантазии, с блаженной улыбкой на лице, пока продавщица, перегнувшись через прилавок, не тыкала ее пальцем в плечо:

– Ты чего застыла, а ну дуй домой, заждались тебя, небось.

Клава выскакивала из магазина и долго бежала, больно ударяясь о хлеб, мотавшийся в сумке. Устав, переходила на шаг, продолжая думать о конфетах, завернутых в рисунчатые обертки.

Запах хлеба и мысли о конфетах и пряниках делали свое дело: сосало под ложечкой, липкая тошнота подкатывала к горлу, темнело в глазах. Клава падала на коленки, запускала руку в сумку, пыталась отломить немного корочки, но слабые пальцы не слушались. Тогда, поднеся буханку к лицу, она впивалась в хлеб зубами, выдирала кусочек и сосала его, как воображаемую конфету. Тошнота отступала, и Клава шла дальше.

Хлеб буквально таял во рту, а рука сама тянулась за следующим маленьким кусочком. Клава, боясь съесть слишком много, ускоряла шаг, срывалась с места и бежала до самого дома. Прибежав, громко кричала:

– Бабушка забери скорее, я уже не могу! – и в глазах ее стояли слезы.

Бабушка, зная, что донести хлеб нетронутым еще никому из детей не удавалось, Клаву не ругала, но строго брала обещание, что в следующий раз она постарается. Клава старалась, но тщетно.

Жизнь Клавы изменилась с тех пор, как она впервые отправилась за хлебом. Мысли о сладостях, никогда раньше не пробованных ею, не оставляли ни на минуту. Теперь ей каждую ночь снилось, как она покупает конфеты, несет их домой в большущем бумажном кульке, высыпает на старый кованный сундук, стоящий в углу комнаты, и делит на всех поровну. И такое тут

начинается веселье! Все большое семейство жует конфеты да нахваливает Клаву! И бабушка жует и ласково так говорит:

– Хорошо ты это придумала, Кланька, как же мы раньше-то не догадались?

Клава просыпалась довольная и притихшая, носила в себе это ощущение счастья до самого вечера, боясь расплескать.

– Ты, Клава, не заболела ли часом, чудная стала, – удивлялась бабушка.

– Присмирела егоза, оно и к лучшему, – одобрял дед.

– Бабулюшка, надо бы нам конфет купить, или сластей каких, а то все хлеб да хлеб, – говорила Клава, глядя на бабушку доверчивыми, полными трогательного ожидания глазами.

– Далась тебе эти конфеты, скоро за ягодами пойдем, лучше всяких сластей будет, – отмахивалась бабушка.

«Как же ягоды могут быть лучше конфет?» – сомневалась Клава. Бабушка сама-то вон как рада была, когда конфеты ела, забыла, наверное!

Сны вдруг открыли для Клавы другую сторону жизни, радостную и беззаботную, насытили ее красками праздника. Живая, необузданная Клавина натура жаждала этого праздника. Только раз на ее памяти вся семья от души веселилась, тогда радость переполняла ее так же, как теперь во сне.

Была зима, темнота наступала быстро и рано загоняла ребятишек на печку. Они возились, прижимаясь друг к другу теснее, пытаясь завернуться в остатки старого тулупа да в большие, прохудившиеся платки. За окном люто завывал ветер, то и дело швыряя снегом в окна. Кешка, вихрастый крепыш девяти лет, выдумщик и озорник, шмыгал веснушчатым курносым носом и рассказывал байки про всякую нечисть.

– Домовой-то и привидеться может, когда чует, что недоброе будет в доме, – убедительно говорил он.

– И какой он? – спрашивала Клава.

– Да вон он, вишь, лезет?! – Кешка тыкал пальцем туда, где слабый свет керосинки едва дотягивался до бревенчатых стен и что-то причудливое, казалось, шевелилось в полутьме. Девчонки пищали, замирая от страха.

– Хватит, не надо больше! – Шура, чуть дыша, зажмурилась.

– Слышишь, воет как? – Кешка перешел на зловещий шепот, не обращая внимание на просьбу.

– А ну цыц, угомонитесь уже! – прикрикнул дед.

– А если домовый воет, то покойник в доме будет, хоть лопни, – сдавленно прошептал Кешка, выпучив глаза.

Девочки повизгивали, зажимая себе рты обеими ладошками, чтобы не сердить деда.

– Вот я вам сейчас, вы у меня попляшете, – беззлобно пригрозил дед.

Он поковылял к сундуку и, порывшись в нем, вытащил что-то, заматанное в холщовое полотенце. Бабушка неодобрительно покачала головой. Детвора притихла, внимательно наблюдая за дедом. Положив сверток на стол, ближе к свету, дед торжественно кашлянул, будто собрался говорить речь, и развернул ткань. На столе лежала балалайка. Дед хмыкнул, вспоминая, наверное, когда в последний раз ее доставал, погладил любовно, провел заскорузлым пальцем по струнам и тихо запел:

*Нет у бабы курицы.
Пришла баба с улицы,
Села баба на гнездо —
Снести родному яйцу.
День сидела, два сидела.
А на третий улетела.*

*Больше бабу не видали,
Дюже много бабе дали.*

Детвора прыснула.

– Тьфу ты! Уймись, окаянный, сдурел, что ли! – испугано заворчала бабушка.

Дед продолжал:

*Эх, милка моя —
Хуже лихорадки!
Щи варила, пролила,
Обварила пятки.*

После третьей частушки с печки, как горох посыпались ребятишки, обступили деда кружком и принялись плясать, лихо выделывая коленца. В середину круга прошмыгнула Клава и, подбоченившись, дробно затопотала босыми ногами, отбивая ритм. Закружилась, легко подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, подхватив полы длинной рубахи. Она размахивала над головой выхваченным из рук Шуры платком, надвигалась на деда, как будто собиралась его таранить, а, подойдя почти вплотную, всплескивала руками так близко от его носа, что деду приходилось зажмуриваться на мгновение, потом пятилась, выделывая ногами замысловатые кренделя.

Лицо Клавы раскраснелось, выбившиеся кудряшки прилипли ко взмокшему лбу и щекам, глаза блестели отчаянным весельем.

– Эх, ладно пляшет, чертова кукла, – кричал довольный дед, мотая бородой.

Клава часто вспоминала это внезапное веселье, мечтая снова очутиться в потоке безудержной радости. И вдруг ей все стало совершенно понятно, решение пришло само собой, и на душе сделалось легко. Выждав, когда все старшие дети и дед с бабкой занялись работой во дворе, она юркнула в дом, без труда вытянула из заветного места тряпицу с деньгами и, озираясь, вышла на крыльцо. Шурка, везде ходившая за Клавой по пятам, опять было увязалась за ней, но Клава ее остановила:

– Прячься Шурка, и сиди там, пока я тебя не найду, если вылезешь раньше – не будет тебе гостинца!

– Не врешь про гостинец? – недоверчиво спросила Шура.

– Не-а, беги прячься, а то передумаю, – пригрозила Клава. Шурка метнулась за угол дома, а Клава в это время уже бежала совсем в другую сторону.

Запахавшись, она влетела в магазин и, не в силах вымолвить ни слова, вытряхнула из тряпицы все деньги. Потом принялась тыкать пальцем в разные лакомства, показывая понятливой продавщице, что ей нужно.

– Где твоя сумка-то, не унесешь ведь? – заботливо поинтересовалась продавщица.

Клава молча сгрэбла с прилавка три больших кулька и бережно понесла к выходу. Отойдя в сторонку от магазина, устроившись в ближайших от дороги кустах можжевельника, она села на корточки и принялась уплетать содержимое кульков. Клава не смогла остановиться, даже когда нестерпимо захотелось пить, во рту сделалось липко, а живот надулся, как барабан.

К тому моменту, когда Клава, надкусив очередную конфету, помусолив кусочек, не смогла его проглотить и, высунув язык, вытерла его тыльной стороной ладони, два из трех кульков были пустые. Она поочередно запустила руку в каждый, пошарила для верности, осоловелыми глазами посмотрела на третий, полный, хорошо упакованный, и обняв его двумя руками, повалилась на бок.

Вечерело. Клава проснулась, судорожно нащупала рядом с собой кулек и, облегченно вздохнув, поднялась на ноги. Есть не хотелось. Тревога медленно наваливалась на нее,

и она нехотя поплелась домой. Клава смутно догадывалась, что бабушка может рассердиться, и вообще все получилось не так, как она задумала.

«А ну как бабушка спросит, где еще два кулька?» – думала Клава, поеживаясь. Страх густым туманом опускался на нее, проникая в самую душу, в животе похолодело, сердечко трепыхалось, как бабочка в ладошках, руки стали ватными. Клава выронила кулек, перешагнула через него и пошла дальше.

Когда выяснилась правда, бабушка взяла ремень, зажала голову Клавы между своих ног и била, била, била...

Крик Клавы сменился истошным визгом, потом кричать уже не было сил.

Спасла Клаву тетка Нина. Она случайно зашла в дом за какой-то надобностью. Увиденное на несколько секунд парализовало ее, лишив способности двигаться. Очнувшись, она мгновенно оказалась рядом с бабушкой и с силой схватилась за ремень. Бабушка посмотрела на тетку пустыми, ничего не видящими глазами. Не сопротивляясь, выпустила из рук ремень и грузно опустилась на лавку.

Нина в ужасе смотрела на истерзанное маленькое тельце, распластавшееся на полу. Она наклонилась над Клавой, не зная, как подступить. Казалось, любое прикосновение снова причинит ей неминуемую боль.

– Да что же это... – растерянно проговорила она.

Бабушка медленно, неловким движением, стащила с головы платок, машинально вытерла пот с покрасневшегося лица, затем уткнулась в этот платок и беззвучно зарыдала.

Клава выжила. Три дня у нее был сильный жар, через неделю она уже могла ходить.

Первый урок выживания был пройден.

Елена Леванова

Чужой мужчина в моем доме

День не задался с самого утра. Мама ушла на работу очень рано, и будить Таню заявился этот Валерий. Его она считала чужим человеком и предпочитала делать вид, что его не существует. Поэтому все слова, мол, надо вставать, нельзя опаздывать, Таня пропустила мимо ушей.

Она окончательно проснулась, когда, на часах была половина девятого и первый урок в школе уже начался. Быстро натянула синие узкие джинсы, вязаную голубую кофту и подошла к зеркалу. Там отражалась высокая, худая, кареглазая девушка-подросток. Каштановые волосы на прошлой неделе были подстрижены в стильное каре. Пухлые губы, прямой нос и маленькая родинка на правой щеке нравились Тане больше всего.

Таня привыкла быть всегда лучшей. Отличница, самая красивая девочка в классе, дружит с парнем – старостой, спортсменом. У нее модные вещи и золотые украшения. Недавно папа подарил серьги с бриллиантами, которые Таня теперь не снимает. Все было хорошо в ее жизни, пока не появился – он, ненавистный чужак.

Валерий гремел посудой на кухне, поэтому завтракать Таня не стала. Выгребла из копилки в кошелек последние карманные деньги, решила, что купит что-нибудь в школьном буфете.

На дворе середина октября, и для этого месяца погода стоит холодная. Но Таня продолжает носить короткую черную кожаную куртку. Шапку она не надевает принципиально, не собирается портить укладку. Мать давно перестала уговаривать Таню одеться потеплее. Дочь только дерзит: я большая, мне лучше знать.

Год назад мать привела в дом этого Валерия и сказала, что он будет жить с ними. Таня эти слова не восприняла всерьез. Как такое возможно? Это дом ее, мамы и папы. Чужого дядьки здесь быть не должно. Мама – еще красивая, худенькая, хрупкая, пышноволосая, сероглазая, кандидат медицинских наук. Что у нее общего с этим типом, который даже высшего образования не имеет?

Тане Валерий казался громилой. Корявым, неповоротливым, с огромными волосатыми руками. У него вообще волос на теле было как у неандертальца. Шевелюра черная, густая, и еще усы. И он курил. Работал мастером на заводе. Да разве это профессия для настоящего мужчины?

Вот папа был совершенно другим: подтянутым, стройным. У него своя компания по продаже строительного крепежа. Папа никогда в жизни не носил усов. Зачем они вообще нужны человеку – чтобы пачкать их во время еды?

Первое, что не понравилось Тане в Валерии – это соус на усах во время совместного ужина. Мама засмеялась и убрала своей салфеткой жирный потек. А Таню от вида этого безобразия чуть не вырвало.

Хорошо, что сегодня из школы Таню забирает папа. Она любила проводить с ним время. Папа с мамой временно разъехались, но от этого они не перестали быть одной семьей. Раньше они все вместе ходили в зоопарк, в цирк, в кино, с каждым годом все реже и реже, но все-таки. Когда появился этот Валерий, мама с папой уже никуда вместе не ходили.

Сегодня папа был какой-то нервный. Не спросил, как обычно, что нового в школе. Не щелкнул Таню по носу и не ущипнул, любя, за щеку. Все время оглядывался по сторонам, словно ждал кого-то. Тане было все равно. Она перед кино решила перекусить в любимом кафе.

В глубине души Таня мечтала, чтобы мама с папой снова стали жить вместе. Она давно уже не верила в Деда Мороза, но, если бы была хоть малейшая вероятность его существования, девочка написала бы сотни писем с просьбой, чтобы ее семья вновь стала полной.

Когда папа вдруг перестал ночевать дома, мама сказала, что он уехал в командировку. Но Таня понимала, что это не так. Каждый раз из командировки папа привозил дочке подарок и магнитик. А в тот раз магнитика не было. А подарок был дорогой, даже слишком дорогой.

Позже родители сообщили Тане, что папа устроился на хорошую высокооплачиваемую работу, но ему нужны тишина и покой. Поэтому он поживет отдельно, но по первому звонку будет приходить к Тане. И действительно, всякий раз, когда Таня болела или у нее возникали проблемы в школе, папа прибегал. Сначала Тане даже понравился такой новый распорядок. Раньше родители часто ссорились, и Таня в свои одиннадцать понимала, что крики и взаимные обвинения ни к чему хорошему не приведут. А теперь дома стало тихо. Все было хорошо. Втайне Таня мечтала, что папа заработает много денег и вернется. А тут появился этот Валерий и испортил всю ее жизнь.

После основного блюда Таня заказала себе шоколадные пирожные. Это мама следила за правильным питанием, а папа баловал свою дочурку и позволял ей многое. Но тут к столу подошла незнакомая женщина. Папа вскочил, подал ей руку. Незнакомка была высокая, темноволосая, совершенно не похожая на маму. Таня поперхнулась куском пирожного и сильно закашлялась. Папа испуганно отпрянул от женщины и бросился к Тане, принялся стучать по ее спине слабым кулаком.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – приговаривал он.

Прокашлявшись, Таня искоса глянула на женщину. Заметила округлившийся живот. Не от сладкого, точно. Столько сладкого не съесть.

– Познакомься Таня, это Марина. Марина, это моя дочь Танюша, – заговорил отец с натянутой улыбкой.

Таня переводила взгляд то на папу, то на женщину с большим животом и все ждала, когда же они скажут: шутка, мы пошутили. Но они продолжали молчать и улыбаться. Тогда она, не сказав ни слова, схватила свою куртку и бросилась к выходу.

Дома Таня попыталась скрыться в своей комнате, но в прихожей ее уже ждали мама и этот Валерий. Мама выглядела растерянной, а Валерий крепко держал ее за руку. В черных растянутых трениках и мятой майке навывпуск, он показался Тане еще более неуклюжим и отстойным.

– Это ты, это ты во всем виноват! – выкрикнула Таня в лицо чужому дядьке. – Мама с папой были бы вместе, если бы не ты!

Мама уже знала, что случилось в кафе: отец звонил ей несколько минут назад.

– Танюш, нам надо поговорить, – произнесла она мягко, осторожно подбирая слова. – Папа от нас ушел давно. Это был его выбор.

Таня еле сдерживала слезы.

– Неправда. Папа не уходил, он просто жил отдельно, потому что у него работа нервная. Мама оглянулась на Валерия, ища у поддержки.

– Да, мы так тебе сказали. Но у папы давно другая семья.

– Неправда, ты все врешь!

– Татьяна, ты должна выслушать мать... – вмешался Валерий. Он редко заговаривал с Таней, только по самой большой необходимости или в присутствии мамы, чтобы поддержать беседу. Сейчас по голосу его Таня поняла, что у него заканчивается терпение. – Мама желает тебе добра...

– Если бы желала, то тебя бы здесь не было! – выпалила Таня. – Убирайся, видеть тебя здесь не хочу!

– Он здесь живет и будет жить, – мама выглядела испуганной, но говорила твердо. – Я боялась сделать тебе больно, избегала конфликтов. Да, я создала тебе иллюзию, что у нас с папой все хорошо. Но одна ложь тянет за собой другую. Я надеялась, что ты повзрослеешь, поймешь. Танюша, тебе уже пятнадцать лет! Мы с Валерой вместе, и мы счастливы. Пора смириться.

Таню затрясло.

– Пока этот здесь, – Таня ткнула указательным в сторону чужака, – ноги моей в этом доме не будет!

Она выскочила на лестничную площадку и изо всех сил грохнула дверь квартиры.

Таня почти бежала по улице. В груди бушевал гнев. Ей хотелось кричать во весь голос и крушить все, что попадает на пути. Она зло пнула валявшуюся на тротуаре стеклянную бутылку из-под кока-колы, бутылка отлетела к бордюру и разбилась на острые осколки. «Вот так разбилась моя мечта о воссоединении семьи», – подумала Таня.

До нее вдруг дошло, что не все ее желания будут исполняться. Однажды она смотрела на Ютубе ролик известного психолога, который учил правильно мечтать. Он предлагал загадать желание и вспоминать его каждый вечер перед сном. А потом представлять, что желание уже исполнилось, и жить с этим, как с данностью. Таня упражнялась целый месяц. Воображала, что у нее снова полная семья. Теперь она горько подумала, что мечта сбылась в двойном объеме. Стало целых две полные семьи: отдельно мамина и отдельно папина.

Почему взрослые такие эгоистичные? Почему они думают только о себе? Зачем женились и заводили детей, если затем разводятся?

Таня шла долго, пока не поняла, что ноги окончательно промокли. Темнело, дождь все не кончался. Надо было отыскать какое-нибудь пристанище. Таня и раньше подумывала уйти из дома, но на этот случай она всегда представляла, что будет жить у папы. А мама начнет искать, придет за ней и останется навсегда. И снова они будут крепкой дружной семьей. Но теперь путь к отцу закрыт. Перед глазами Тани стояла беременная женщина, совершенно не похожая на маму.

К подружкам тоже нельзя: у них родители будут искать Таню в первую очередь. К своему парню не пойдешь – они встречаются меньше месяца. Как объяснить его родным, что делает чужая девочка в их доме?

Глупо получилось. Угроздило сбежать из дома без денег и без четкого плана действий. «И почему я не пошла в сторону метро, там торговый центр, хоть бы отогрелась», – корила себя Таня.

Но на пути попадались только жилые дома и детские площадки. Потом Таня долго брела по парку, который казался ей голым. Листья давно облетели, и мокрые ветви мерзли, качались под ветром.

Выйдя из парка, Таня уперлась в деревянный забор, огораживавший какую-то плохо освещенную территорию. На стенде значилось: «Дом под снос».

Таня остановилась. «Надеюсь ночью этот дом не будут взрывать», – подумала она.

Забор только с виду казался крепким, на деле доски шатались, и пролезть на территорию не составило труда. Старая панельная пятиэтажка доживала последние дни среди мусора и изувеченных кустов. Измазанная глиной деревянная плаха вела в разбитое окно первого этажа. Таня приставными шажками поднялась по этому шаткому мостку и спрыгнула в комнату.

Внутри было темно и пахло тухлятиной и сыростью. По стенам ветвились трещины. Тут и там свисали отяжелевшие куски рваных обоев, с потолков сыпалась побелка. Таня не стала подниматься выше первого этажа. Вдруг дом обрушится, и она не успеет спастись. А здесь, внизу, многие окна разбиты, можно выбраться наружу, даже если завалит входную дверь.

Таня шла медленно, делая маленькие шаги. Под ногами то и дело скрипели доски, скрежетали битые стекла, в промокших ботинках хлюпало. Таню пробирала дрожь, не то от холода, не то от страха.

Остановилась Таня в комнате, которая раньше служила детской. Сломанная деревянная кровать, изрисованные обои с мультяшными персонажами, в дальнем углу сдвинутый мяч. Здесь было немного теплее, чем в других помещениях. Батареи, конечно, давно отключили, но, по крайней мере, не дуло. Оконное стекло пересекала толстая радужная трещина, но кто-то заслонил ее фанерой и подложил тряпок. От этого в комнате было темно, но и тепло.

Таня не осознавала, сколько времени прошло с тех пор, как она попала в заброшенный дом. Заряд на телефоне показывал тридцать процентов, и постоянно включать фонарик было нельзя. В темноте Таня сняла мокрые ботинки и носки, а на ступни натянула кожаные перчатки. Было неудобно, зато сухо. Ладони Таня прятала в карманы джинсов и очень жалела, что не надела куртку подлиннее.

В углу комнаты Таня нашла заскорузлое тряпье и собрала его в одну большую кучу. Зарывшись в тряпки, она немного согрелась, зубы перестали выбивать дробь. Поколебавшись, она включила телефон. На дисплее высветилось тридцать девять пропущенных вызовов от мамы, тридцать вызовов от папы и еще пятьдесят звонков с незнакомых номеров. Таня горько ухмыльнулась: «Пусть теперь переживают, раз раньше не ценили».

Чтобы как-то скоротать время, Таня стала фантазировать. Заброшенный дом представлялся ей заколдованным стариком. Он был дряхлым, больным и покинутым. Давно, когда его только построили, он радовал людей. В нем хотели жить, за ним ухаживали, берегли. Но с годами силы покидали дом, хозяева меняли его на лучшие условия, забывали, уезжали. Брошенный дом, как брошенный человек, умирает тогда, когда о нем забывают.

Вдруг послышался шорох.

Таня вскочила на ноги. Включила фонарик в телефоне и направила на источник шума. В дверном проеме стоял страшный мужик в оборванной одежде, заросший дикой бородой до узких маленьких глаз. Нельзя было определить, сколько ему лет. Таня знала, что бомжи могут выглядеть на семьдесят, а по паспорту, если он есть, окажется сорок или около того. От человека пахло, как от мусорного ведра. В любой другой ситуации Таня за километр не подошла бы к этому существу. Но куда ей идти на ночь глядя? Сколько еще таких людей она встретит на улице?

– Уходи отсюда! – крикнула Таня, стараясь, чтобы голос прозвучал требовательно, без дрожи. – Я первая нашла этот дом. Он мой!

Человек шмякнул на пол какие-то неопрятные пакеты и, не глядя, на Таню, пробурчал:

– Когда на свой дом заработаешь, вот тогда и будешь командовать. А пока ты в любом доме гостья. Заткнись и забейся в угол, чтобы я тебя не слышал. А то выгоню на улицу под дождь.

Таня замолчала. В доме, где почти все окна были разбиты, ясно слышались порывы бешеного ветра и тяжелый шум ливня. При мысли вновь оказаться под открытым небом Тане стало зябко. Она съежилась и обхватила руками колени. Так было немного теплее.

Бомж, почесываясь, вышел и через минуту вернулся, волоча железную бочку, закопченную и пропахшую гарью. Поставив странное сооружение на середину комнаты, он накидал в нее веток, обломков мебели, вытащил откуда-то из глубин своей вонючей одежды спичечный коробок. Скоро в бочке заплясали языки, от огня пошел едкий розовый жар.

– Иди к костру, грейся, – хрипло позвал бомж.

Таня не хотела приближаться к противному соседу и его бочке, но очень было холодно. Переступив через гордость, Таня поднялась на затекшие ноги, медленно подошла и протянула ладони к огню.

– Почему ты не выгоняешь меня? – спросила она.

В ответе бомжа не прозвучало ни злости, ни гнева. Скорее, усталое равнодушие:

– Ты видела, что на улице творится? Да в такую погоду даже паршивую собаку на улицу не гонят.

Тане стало не по себе. Ведь именно сегодня она хотела выгнать Валерия из дома, и ей было все равно, какая погода за окном.

Бомж покопался в своих пакетах, один целлофановый постелил на пол и на него стал выкладывать свою сегодняшнюю добычу. Полусгнившие бананы, надкусанное зеленое яблоко, мятая банка горошка и почти целая пачка дешевого печенья. Сам он вцепился зубами в кусок ветчины, заедая ее засохшим батонном. Затем бомж зыркнул на Таню и предложил:

– Будешь?

Таня брезгливо покосилась на помойную провизию. Живот предательски заурчал. Есть хотелось сильно, но Таня решила, что скорее умрет, чем проглотит что-то из предложенного.

– Спасибо, я не голодная.

Мужчина пожал плечами и продолжил уплетать свою ветчину:

– Мне больше достанется.

Они больше полчаса просидели в тишине. Мужчина поел, остатки пищи спрятал в пакет и стал считать пустые стеклянные бутылки, принесенные в черной тряпичной сумке. Таня не знала, что ей делать дальше. До утра еще очень долго. Закрывать глаза было страшно: неизвестно, чего ждать от незнакомого человека в грязной одежде.

– Как вас зовут? – спросила она, наконец, не выдержав долгого молчания.

Бомж, продолжая брякать стеклотарой, буркнул:

– Чинарь.

– А меня Таня.

– А мне все равно, – отозвался бомж, укладывая сосчитанные бутылки обратно в черную сумку.

– По имени вас как? – Таня попыталась поддержать разговор.

– Я же сказал: Чинарь, – с раздражением бросил грязный мужик.

– А по паспорту?

– Паспорта у меня нет, поэтому имени другого нет, – грубо оборвал ее бомж и поволок свои сумки вон из комнаты.

Таня больше ничего не спрашивала. Она погрузилась в мысли о себе, о маме, о папе. Как же она не замечала, что родители много ругались, когда жили вместе? Плохие воспоминания стерлись из детской памяти, остались лишь хорошие, где они были втроем. Но таких было очень мало, а Тане хотелось, чтобы их стало больше. Может, именно из-за этого она мечтала,

чтобы папа с мамой вновь стали жить вместе. Ей не хотелось верить, что ее семья неполноценная. Что она сама часть чего-то неполноценного.

Незаметно Таня задремала. Глаза ее почти закрылись. Но вдруг резкий деревянный скрежет заставил ее вздрогнуть всем телом. Бомж, стоя к ней спиной, доламывал детскую кроватку.

– Не трогайте! – закричала Таня, вскакивая на ноги.

Она сама испугалась звука своего голоса. Чинарь замер с вывороченным обломком в темной лапе. Таня сама не понимала, что на нее нашло. Вид грязного мужика, крушившего кроватку ребенка, вызвал у нее жуткое чувство.

– Почему? Греться чем будем? – прохрипел Чинарь, недовольный тем, что его напугала приبلудная девчонка. – Или ты пойдешь на улицу за досками в такой дождь?

Таня замялась.

– А в других комнатах ничего нет?

– Иди поищи сама, – отозвался Чинарь, с треском ломая через колено перила кроватки.

Таня съежилась. Ей вновь стало холодно и страшно.

– Почему вы живете в этой развалюхе? – спросила она.

Еще недавно она дала себе слово не заговаривать больше с этим диким человеком, от которого ужасно пахло. И вот опять пытается вступить с ним в диалог.

– А где мне жить? – Чинарь, не глядя на Таню, криво ухмыльнулся.

– У себя дома.

– А если у меня его нет?

– У всех есть дом.

– Так почему ты сейчас не у себя? – с издевкой спросил Чинарь, покосившись на Танины ноги, похожие в перчатках на лапы обезьяны.

– Я там лишняя. Мое место заняли, – печально ответила Таня и вдруг поняла, почему так невзлюбила этого Валерия с первой же минуты.

Валерий пришел, чтобы забрать внимание мамы, предназначенное только для Тани. Даже когда мама и папа жили вместе, Таня знала, что она номер один, центр их общего мира. А теперь появился кто-то, претендующий на отдельное место в мамином сердце. Таня не собиралась ни с кем делить свою собственную маму. Так же, как не готова была делить любовь папы с будущим братом или сестрой. Да, Таня хочет быть первой всегда, лучшей во всем, и даже больше – она хочет быть единственной. Единственной для мамы, единственной для папы, центром вселенной для своих родных, чтобы там была она одна и никого больше.

Тане стало стыдно. А может, стыдиться нечего? Все говорят, что эгоисткой быть плохо. Но что, если этот эгоизм – часть твоего «я»? Ты не можешь измениться. Либо принимаешь и любишь себя целиком, либо обманываешь всех и себя в первую очередь, пытаешься казаться другим человеком.

Бомж, не склонный к душевным разговорам, доломал перила кроватки в щепу и бросил дрова в остывающую бочку. Огонь вновь разгорелся, жар прошел по комнате волной. Потом Чинарь нагреб с пола тряпья и картонок, по-звериному зарылся в этот мусор, и скоро из кучи послышался клекочущий храп. Остаток ночи Таня просидела, глядя то на костер, где, казалось, догорали последние обломки ее детства, то на грязного мужика без своего дома и имени. Она так и не узнала, почему Чинарь живет в заброшенном доме, а он так и не услышал, почему Таня эту ночь провела не в своей постели.

С первыми лучами солнца Таня выбралась из своего ночного укрытия. Дождь прекратился, но сырость была повсюду. Ботинки и носки так и не просохли. Таня мечтала побыстрее

переобуться и погреть ноги в горячей воде. Выпить теплого чая, забраться с головой под одеяло и забыть этот жуткий заброшенный дом.

По дороге домой Таня несколько раз повторила про себя то, что она скажет маме и Валерии. Мать обрадуется, а что почувствует Валерий, Таню по-прежнему не волновало. Но если мама счастлива рядом с этим мужчиной, Таня будет терпеть.

Таня дернула входную дверь – она была не заперта.

В квартире стояла неестественная тишина. Хотя все шторы на окнах были раскрыты, казалось, будто наступили сумерки. Мать сидела одна. Глаза ее опухли, на белом лице проступили красные пятна. Таня хотела что-то сказать, даже открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Мама посмотрела на нее без всякого выражения и хрипло произнесла:

– Теперь это твой дом. Его больше нет, как ты и хотела.

Юлия Лисицына

Билет до Риги

Поезд из Санкт-Петербурга пришел в Ригу точно по расписанию: в половине девятого утра.

Сперва раздался гудок – как всегда, неожиданный и резкий. Сопrotивляясь, заскрежегали тормозные колодки, и, плавно подкатив к перрону, поезд со свистом выпустил воздух, а потом и пассажиров, среди которых был Владимир Ильич – приятной наружности джентльмен лет семидесяти. В Санкт-Петербурге никто бы не подумал назвать Владимира Ильича джентльменом, но сам он о себе мыслил именно так и старался всем поведением и видом соответствовать. Вот и сейчас он стоял на перроне прямой и поджарый, в твидовом темно-синем пальто, с изящно повязанным шарфом, уже совсем седой. Казалось, он не обращал внимания на дождь, от которого почти не спасала узкая крыша перрона. Одной рукой он держался за чемодан, другой – пытался достать из карманов пальто перчатки. Рука предательски дрожала – то ли зябкость октябрьского утра, то ли волнение, которое овладевает даже заядлыми путешественниками в первые минуты приезда, – поди разбери. Под металлическим сиденьем, возле которого Владимир Ильич поставил чемодан, от назойливого октябрьского дождя прятался нахохлившийся воробей.

– Боишься вылезать, дружок? – вслух произнес Владимир Ильич. – Прямо как я. Но не стоять же тут вечно?

Он взял чемодан и направился к переходу. Прошел по холодным кафельным коридорам вокзала мимо киосков с журналами, увидел закуток с банкоматами, но деньги снять не решился – слишком людно. Удивился, заметив среди суеты и неряшливости вокзала фирменный магазинчик «Дзинтарс» – когда-то их духи считались настоящей роскошью, а магазин был в центре города. Перед выходом Владимир Ильич замялся, но отступить было поздно. Он увидел, как его рука в коричневой тугой перчатке толкнула дверь, и Владимир Ильич оказался на улице.

– Привет, давно не виделись, – сказал он снова вслух и огляделся по сторонам. А потом, раскрыв зонт, добавил: – Да ты, Рига, похорошела.

Рига улыбнулась ему во всю ширину трамвайных рельсов, подмигнула десятками вывесок, подбодрила звонким гудком мопеда и брызнула в лицо косым дождем – мол, старые знакомые, нам можно.

«Не бояться мне тебя, значит?» – подумал Владимир Ильич и впервые за всю дорогу улыбнулся. Он подхватил чемодан и зашагал к старому городу.

Владимир Ильич не был в Риге больше сорока лет. Если точно – сорок два с половиной года. Тогда, в мае семьдесят первого, он приехал сюда на научную конференцию, а потом как отрезало. Не раз звали латвийские коллеги, жена Саша первое время часто просила свозить ее на рижское взморье, тем более возможности были. Но Владимир Ильич твердо стоял на своем.

– Куда угодно, Саша, только не в Ригу, – говорил он спокойно, буднично, но был непрклонен, и в голосе его, глухом, с легкой хрипотцой, слышалось раз и навсегда принятое решение. Он никогда ничего не объяснял, но жена Саша интуитивно понимала: не нужно пытаться.

«Бог с ней, с Ригой», – думала Саша и, взяв дочку Нюту, летела в Болгарию на Золотые пески.

Саша умерла в прошлом году – ушла резко, не дав подготовиться. Нюта с мужем давно и, кажется, счастливо жили в Канаде, возвращаться не думали, и после смерти жены Владимир Ильич остался один в просторной квартире на Кирочной улице, в доме с большими арками и бородастыми атлантами по фасаду. Каждое утро Владимир Ильич аккуратно застилал постель, выносил мусор и шел куда глаза глядят, непременно заворачивая на обратном пути в магазин за свежим хлебом. Соседи уважали Владимира Ильича и искренне им восхищались: следит за собой, одет с иголочки, гуляет в любую погоду. Сам Владимир Ильич за сорок два года тоже научился думать про себя правильно и хорошо, но после смерти жены привычный навык стал давать сбой. То, что однажды мощным волевым усилием Владимир Ильич сузил в своем сознании до размера точки и поместил в кощевом сундуке, ожило и стало разрастаться. Когда это нечто заслонило целиком выверенную до мелочей, словно по инструкции собранную жизнь, он пошел на вокзал и купил билет до Риги.

Владимир Ильич остановился в небольшом отеле прямо у Домского собора. Не стал брать чемодан, прихватил зонт и вышел на улицу. Старый город был будто прежний, только ярче и объемнее. Он, казалось, дышал, в воздухе приятно пахло смородиной и корицей. Рестораны, бары, магазины, уличные ярмарки и современные скульптуры, которых сорок лет назад не было и в помине, попытались было сбить Владимира Ильича с толку, но безуспешно. Главное – и Владимир Ильич почувствовал это сразу, как укол, мгновенно принесший облегчение, – главное осталось без изменений: брусчатка, собор и время, тягучее, словно рижский бальзам. На углу одного из домов Владимир Ильич углядел большие песочные часы – удачную придумку молодых архитекторов. Песок в них застыл, намекая, что время в Риге остановилось.

«Что ж, за этим я сюда приехал, – подумал Владимир Ильич. – За временем, которое застыло где-то здесь, которое я замуровал в этих стенах, вбил в брусчатку, вылил в холодную Даугаву». Он рассеянно присел на мокрую скамейку – элегантный седой джентльмен под большим черным зонтом, – и начал вспоминать ту короткую поездку весной семьдесят первого, которая, будто скоба на старом рижском доме, все эти годы крепко держала его за душу.

Его звали Янис. Молодой, чуть за двадцать, он достался группе, к которой на время командировки был прикреплен Владимир Ильич, по ошибке. Кто-то спутал графики экскурсоводов, и вместо опытного гида Мирты Эдгаровны, двадцать лет водившей экскурсии по улочкам Риги и сточившей о булыжники мостовой все живые слова, товарищам Владимира Ильича выделили недавнего выпускника истфака МГУ.

Увидев, как улыбается Янис, как играют на его щеках ямочки, девушки притихли и засмутились, а старшие коллеги Владимира Ильича сразу, без объяснений, прониклись к молодому gidу симпатией. Янис водил их по известному маршруту, но не говорил привычных общих фраз, не повторял за другими экскурсоводами заезженные шутки. Неторопливо, негромко, но так, что всем было слышно, он рассказывал истории, и старый город постепенно оживал и набирал краски. Монахи, рыцари, горожане выходили под присмотром Яниса на средневековые улицы Риги. Дамы в пышных кринолиновых платьях долго раскланивались друг с другом, решая, кому же вернуться в начало узкого переулочка и уступить дорогу: вдвоем было не разойтись. Всадник скакал куда-то к реке, держа копьё наперевес, а в окне дома, где жил

палач, стояла в кувшине красная роза: знак, что скоро у горожан будет развлечение, а у палача – работа.

Владимир Ильич, тогдашний Володя, слушал Яниса чутко и внимательно и все смотрел, как двигаются его губы, как появляется и исчезает складка на лбу. В какой-то момент все происходящее показалось Володе наваждением, вздором – и этот оживший средневековый город, и молодой мужчина, и его рот.

«Чертовщина какая-то», – подумал советский человек Владимир и посмотрел на Катю, свою сослуживицу.

После экскурсии Володины коллеги пошли в кафе, а он вернулся в номер и рано лег спать – голова разболелась.

На следующий день перспективный советский ученый Владимир (как вас по бабушке?) Ильич выступал с докладом. Вопросы, дискуссия, аплодисменты, предложения сотрудничать, и как-то вчерашний морок отступил, задышалось легче, свободнее. Вечером, чтобы подумать в спокойной обстановке и разложить все услышанное на конференции по полочкам, Володя пошел на органнй концерт в Домский собор – в Риге советскому человеку было можно. Бах, Гендель, Камиль Сен-Санс, желтая программка в руках, головы, лица... И вдруг этот рот и складка на лбу – Янис сидел сбоку от Володи на деревянной скамье ближе к алтарю и слушал, как то наполняется, то словно сдувается орган, гудит, бьется, и дрожит, и обрывается.

Владимир Ильич – элегантный старик на мокрой скамейке – скривился, ссутулился под своим большим зонтом. На миг он приподнялся, будто решил встать, но снова сел и остался сидеть неподвижно, невзирая на дождь и ветер с реки.

Когда концерт закончился, Володя подошел к Янису. Ничего не сказал, только руки убрал в карманы, чтобы не тряслись. Молча они дошагали до квартиры, где жил Янис. Не включая свет, вымыли руки, и все случилось и закончилось так быстро, что Володя, казалось, задохнулся и умер, а потом зачем-то вернулся – сначала в квартиру Яниса, потом в Ригу, затем в Ленинград. Сразу по возвращении он сделал предложение бывшей однокурснице Саше, и уже через год у них была Нюта, «Жигули» и доставшаяся от Сашиных родителей квартира в доме с атлантами на Кирочной улице.

Сорок два с половиной года Владимир Ильич запрещал себе вспоминать. Он замуровал в памяти тот рот и складку на лбу, он сжал до точки один-единственный майский день, а потом Саша умерла, хватка, с которой он защищал их общую жизнь, ослабла, и точка стала расти, расплываться у него на глазах и на петербургских улицах и привела его, наконец, сюда, на мокрую деревянную скамейку, где справа собор, а позади одиночество. И он теперь старик.

Дождь шел в Риге уже четыре дня, без перерыва на завтрак или сон. Туристы прятались в музеях, грелись в барах и торговых центрах. Владимиру Ильичу дождь не мешал, он открывал свой большой зонт, потуже завязывал шарф и шел гулять. Обратный билет до Санкт-Петербурга он сдал – нужно было получше узнать Ригу. И себя, пока еще есть время.

Александра Натарова

Лунная пыль пахнет порохом

1

Мне было пятнадцать, когда я понял, что винтовка – это не мое. О винтовке мечтали все парни моего выпуска, ну, и я, конечно, тоже поначалу мечтал. Она была символом силы и успеха, на нее разве что не молились.

Но, взяв, наконец, ее в руки, я понял – это не мое оружие. Мне не понравилось, как она тяжело отдает прикладом в плечо, заставляя тебя дернуться назад, заставляя тебя подчиниться своему движению. Подчиниться себе. Винтовка была громоздкой и сложной, а жизнь обрывала удивительно легко. Ты даже толком не успеваешь прочувствовать этот момент. Ты будто был ни при чем, просто зритель. Все делала она. Может, поэтому мы так хотели именно винтовку – подсознательно стремились снять с себя ответственность за чью-то смерть.

Но это было неправильно. Это будем именно мы. И мы будем обрывать чужие жизни. И надо отдавать себе в этом отчет, осознавать каждой клеткой своего тела, а не отгораживаться от реальности механической душой.

Поэтому я выбрал нож. Одноклассники смеялись надо мной, говорили, что я идиот и сдохну первым.

Но я уже тогда знал – сами идиоты. Нож – часть руки, часть тебя. Ты ему хозяин, и он никогда тебя не подведет, если только ты сам себя не подведешь. А еще я знал: тот, кто понимает, что творит, точно выживет.

На Экзамене из нашего выпуска выжили трое. Трое из сорока семи. Очень неплохой результат, как сказал куратор. Нам дали три месяца, чтобы навестить семью перед тем, как отправиться в Корпус. Я не хотел, но поехал. Другие двое предпочли уйти в запой, и это было тоже хорошо, но я почему-то поехал домой.

Моего возвращения никто не ждал.

Первой на порог выбежала тетя. При виде меня ее лицо скривилось, и она бросилась обратно в дом, не сказав мне ни слова.

Вторым появился отец. Он неловко улыбался, глядя на меня снизу вверх. За те пять лет, что мы не виделись, он усох, а я вытянулся. Он был выше меня, когда я уезжал.

– Поздравляю, сынок! А повзрослел как! Стоишь тут, прямо как я в молодости... Я вот помню, как тоже после учебы домой вернулся...

У него перехватило дыхание, он замолчал. Маленький сухонький старичок, я совсем его не узнавал. А может, и не помнил вовсе. Его глаза бегали по моему лицу, а улыбка дрожала на губах. Он с трудом скрывал свои настоящие чувства.

Зато бабушка ничего не скрывала. Выросла за отцом как огромный шатер страшного цирка – раздавленное тело в свободной юбке, подпернутой под самые груди, распущенные седые волосы. Хмурые маленькие глазки тонули в морщинах опухшего лица. Непонятно вообще, как она смогла сохраниться такой огромной.

– Вот уж повезло, так повезло! – Она уперла руки в широкие бока. – Лишний рот вернулся, радость-то какая!

– Это же ненадолго, его потом в Корпус заберут, – отец с надеждой глянул на меня. – Заберут же?

– Заберут.

Дом внутри почти не изменился. Только мамина лежанка за ширмой стала моей.

О смерти матери отец рассказал красиво. Она лежала в заалевших простынях, будто в розах на снегу. Вся такая нежная и хрупкая, Бог знает какая еще. Взгляд безмятежный, принявший свою судьбу и простивший.

– Простивший, понимаешь? – повторил старик и начал давиться слезами.

Я ушел за ширму и спал там до полудня – все равно делать было нечего. Мерные всхлипывания убаюкали меня.

В течение трех месяцев, что я пробыл дома, моими ежедневными спутниками были волны и причитания.

Отец причитал о матери, тетя о не вернувшихся сыновьях – они были в одном выпуске со мной, – бабушка о самой себе.

Что до волн – я сидел возле них почти каждый день. Наш дом стоял на песчаной насыпи, плавно спускавшейся к суровой красоте северного моря. В нем уже давно не было никакой рыбы. Как напоминание о некогда богатых водах, вдоль берега валялись обглоданные остовы рыбацких лодок. Теперь над этим морем почти всегда клубились свинцовые облака, а если солнце и показывалось, то это было холодное, равнодушное солнце. Белые острые лучи врезались в вязкую муть серой воды и не дарили никакого тепла. Вместе с приливом в воздухе появлялся тонкий аромат зимы. Ты ловил его даже не обонянием, а скорее разумом.

Мне был близок этот запах. Так пах день Экзамена, так пах мой нож, и я знал, что так теперь всегда буду пахнуть я.

Я уехал из дома, как и полагалось, через три месяца.

Чтобы больше никогда не вернуться.

2

Жизнь сталкивала меня с разными людьми. Кто-то был в ней временным попутчиком, кто-то гостил подолгу. С кем-то было интересно, кого-то я надеялся поскорее прогнать. Но их всегда кое-что объединяло. Это были люди с жизненной позицией. Близка ли она мне была или нет – не имело значения. Главное – она была, и они ее придерживались. Так что я считаю, что с людьми по жизни мне повезло.

У меня тоже была позиция. Я выбрал ее тогда, вместе с ножом, выбрал быть рядом со смертью, на расстоянии вытянутой руки, а не дальнего выстрела. Выбрал смотреть и все помнить, ведь именно сознание все еще делало нас людьми. Так сказал один человек, с которым я ехал в поезде. Очень давно, когда меня только забрали из родительского дома на учебу. «Если не осознаешь – ты не живешь», – так он сказал.

Это давалось трудно. Особенно в Корпусе, где смерть была работой и о ней говорили, как об осадках в середине недели.

Иногда я не выдерживал. Сутками лежал на своем матрасе в общежитии, глядел в стену и прозябал в бездействии, не в силах выполнять приказы.

Потом меня отпускало, я брал в руки сначала себя, потом нож и шел нагонять упущенное.

Так бы оно и оставалось, пока Корпусу не надоели бы мои срывы и он не послал бы кого-нибудь убраться.

Но все изменилось.

Я не знал ее имени. Мы с ней даже никогда не спали.

Знал только, что в Корпусе она появилась раньше меня – на ее стене было полно газетных вырезок. Маленькая, подтянутая, с острым взглядом черных глаз.

– Мнишь себя мучеником? – не без раздражения спросила она. Я покосился в ее сторону. – Продолжишь в том же духе – скоро кончишься.

– У меня табу на самоубийство. – ответил я.

Девушка помолчала.

– Я выросла в Ясном. Это село сразу за Пустошами. Сам понимаешь, что это значит: нет еды, одни женщины, и никакой перспективы. – Она говорила, сосредоточенно ковыряя пальцем матрас, я не понимал, что она несет, но не перебивал. – В одном повезло: село стоит вдоль дороги, там часто тормозят водители фур, чтобы выспаться. С ночлега много денег не получишь, так что догадайся сам, чем женщины зарабатывают дополнительные банки консервов. – Она усмехнулась, хотя я не видел повода. – Так вот, не всем нравится. То есть, все так делают, но не все спокойно терпят. А когда не нравится, знаешь, как спасаются? Находят на потолке самое светлое пятно. И смотрят туда, пока все не кончится. Помогает, знаешь? Кругом грязь, а оно светлое.

Больше мы с ней не говорили никогда. Но это было и не нужно – она стала моим попутчиком ровно на тот отрезок жизни, на который требовалось. Пусть он и был длиной всего в пару минут.

Я нашел свое светлое пятно. Случайно. Ночью, когда без цели смотрел в окно. Черное небо, утопившее в себе бесчисленные осколки спутников и других символов ушедшего мира, которые теперь просто плыли без цели во мраке и времени. Серая бесплодная земля, за которую еще цеплялись безумные оптимисты-ученые. И полная луна. Без контекста. Просто яркая и светлая.

Недели бездействия ушли в прошлое, как и долги по заказам.

3

Луна стала моим оправданием. И моим очищением. Она светила мне, несмотря ни на что. Принимала то, что мне приходилось делать. Принимала меня.

До заданий успокаивала, после – поддерживала.

Значение и важность ее росли, как раковая опухоль. Теперь, даже если я не видел ее на небе, я знал – она во мне. Со мной и для меня. Этот маленький недоступный диск на черном небе сглаживал все углы, высветлял самые мрачные минуты. Ровный и чистый. В какой-то момент в голову даже пришло слово «непогрешимый», но оно не подходило, это было слово из прошлого мира, мира, которого у нас нет и больше никогда не будет.

Я был почти счастлив.

Мне было почти хорошо.

Ни с одной женщиной, ни в одном стакане выпитого я после не находил такого же удовлетворения и покоя, который дарила мне моя молчаливая спутница. Как я, она была во тьме. Но оставалась чистой. Мой идеал.

Я был почти влюблен!

Старики говорили, что в прошлом мире на таких нотах люди любили заканчивать истории. Тем людям хотелось верить в счастливый конец, это помогало им жить. В нашем же мире это было роскошью. И, позволив себе подобное, я будто открыл двери в прошлое, где можно было спать глубоко и безмятежно, где еда имелаась на каждом столе, где людей жило так много, что иногда они собирались на своих машинах вдоль улиц и не могли разъехаться часами.

Но кто смотрит назад, может не заметить обрыв впереди.

В этом мире, в мире настоящем, за все была плата, особенно за то, чтобы об этом самом мире не думать. И платить приходилось тем, что только у всех и оставалось: собой.

Глупо сейчас будет сказать, что я этого не понимал. Всегда понимал. Но я упивался бледным мягким лунным светом. И гнал от себя мысль о скорой расплате, как крепко выпивающий пытается не думать о неизбежном тяжелом похмелье.

В тот день я разговорился с соседом по комнате.

Мы все мало разговаривали – было особо не о чем, да и незачем. Но тут как-то мы столкнулись взглядами.

– Я думаю, нам врут, – сказал он. Его голос слегка подрагивал. Он чистил карабин, про который только глухой не знал, что это «семейная реликвия». – Я думаю, нас всех тут положат, когда мы больше будем не нужны.

– Мой отец жив до сих пор, – заметил я. – Он тоже был в Корпусе.

– Ты не знаешь, почему, – голос соседа не поменялся, но движения рук стали резче, четче, как будто кто-то нажал внутри него на кнопку ускорения. – Может, сбежал или еще что. Так он тебе и рассказал правду!

Я пожал плечами.

– Кураторы тоже когда-то проходили через Корпус.

– Так раньше было. Сейчас нас опять слишком много. – Сосед щелкнул затвором. – Опять слишком много.

Я поднял глаза к окну почти машинально. Еще только сгущались сумерки, но бледная лунная половинка уже проглядывала сквозь облака.

– Ты часто туда смотришь. – сказал вдруг сосед. – Я заметил. Я все замечаю! Нравится луна?

Я криво улыбнулся, вопрос меня и смутил, и разозлил. Какое ему было дело?

– А ты знал, что лунная пыль пахнет порохом? – вдруг спросил он.

Меня словно окатило холодной водой.

– Что?

– Это факт, – сосед закончил с карабином и поводит им перед моим носом. – Пахнет, как оружие. Это я в книге про экспедиции на Луну прочел, из старой библиотеки. Смешно, что люди тогда изучали такие вещи, да?

– Не смешно, – мой голос подвел меня, получился шепот. – Она не может так пахнуть!

– Да говорю тебе, так в книжке было написано! – нахмурился сосед. – Чего им, прошлым, врать-то?

Я не смог больше с ним говорить. Я вообще больше не смог ни с кем говорить много недель. Я снова лежал на матрасе. Отвернувшись от вероломного диска, виновато глядевшего в окно. Глядевшего сквозь слой грязи, пахнувшей, как наш подыхающий мир. Мне казалось, что меня обманули. Предали.

Каждую ночь я отчаянно надеялся не проснуться следующим утром. Покончить с собой было еще большей бессмыслицей, чем жить, поэтому я просто лежал и надеялся. Это было бы так уместно: история идиота, закончившаяся полным растворением во тьме и грязи.

Это было бы очень современно.

4

Я проснулся, когда мне исполнилось тридцать пять. Во сне я делал только то, что велели. Просто делал, не анализируя, не обращая внимания на собственные мысли. Один замкнутый сам в себе и длинный, очень длинный, сонный день. И если думать о прошедшем, как о сутках, то моя жена появилась около пяти пополудни.

Мы не любили друг друга. Однажды она просто пришла и осталась.

Молча, особо не тревожа мой сон. Поэтому мы просто жили.

Детей не было. Ни я, ни тем более она на этом не настаивали. Ребенок, который придет только для того, чтобы тоже стать грязным. Думаю, мы оба не хотели этого.

К тому моменту, как я проснулся в тридцать пять, я успел стать Куратором в училище, которое окончил сам много лет назад. Детей там было мало – всего двенадцать. Зря сосед переживал, подумал я.

Дети были совсем не такими, как я и мои одноклассники. Никто уже не грезил оружием и не обсуждал в священном трепете предстоящий Экзамен. Они были покорными и тихими, шли за мной, как стадо за пастухом, ведущим его на убой.

Я проснулся, когда ко мне подошел один из учеников.

– Вы на нас так смотрите, вам нас жалко?

Жалость. Слово из прошлого всколыхнуло туман, который обволакивал меня так долго. Я смотрел на мальчика, в его большие глаза, и сначала увидел в них только пустоту. Но постепенно, по мере того, как вглядывался, увидел и другое. Знакомый мягкий свет.

– Забудь это слово. – вырвалось у меня. Вышло так грубо, что на лице мальчика появилось недоумение. Но он справился с ним.

– Мне кажется, в этом-то и беда. Я бы делал по-другому.

– Что по-другому? – спросил я.

– Я бы не убивал, – прямо и честно сказал мальчик. – Я бы жалел.

– И сдох бы первым! – заорали моим голосом мои одноклассники. – Жалость – путь в могилу. Забудь эту глупость, – одноклассников поддержали сослуживцы из Корпуса.

– А разница? – пожал плечами мальчик. – Все равно все будем в могиле. Просто как-то странно выходит. Жить, будучи мертвым, – хорошо. А умереть, оставаясь живым, – почему-то глупость.

Я не знал, что ему ответить. Я смотрел в его глаза, свет которых становился все ярче. Мгла вокруг меня рассеивалась, а я стоял и молчал.

– Ты знал, что луна пахнет порохом? – спросил я, наконец. – Ну, пахнет как оружие.

– И что? – мальчик вдруг улыбнулся. – Она от этого луной быть не перестает.

Егор Сычугов

Мимоза

Что отдал – то твое.

Шота Руставели

Шел дождь. Анна Андреевна проснулась и посмотрела в окно, не поднимая головы с подушки. По ледяному стеклу бежали капли, и казалось, будто оно вот-вот растает, впуслав холодный осенний ветер в спальню. В комнате было тихо, и от мысли, что за окном стоит шум города, становилось чуть уютнее. Белые шторы казались грязными и пропускали сонный свет.

Она не сразу вспомнила, что живет одна: занимала половину кровати и ждала, когда плеча коснется рука. Поднявшись, Анна Андреевна накинула тяжелый халат и вышла в кухню, чтобы поставить чайник.

Миновал месяц с похорон. Квартира опустела и посерела, хотя все было, как прежде: тапочки мужа валялись под кроватью, пульт от телевизора лежал на диване; открытые книги на дубовом столе в кабинете иногда перелистывал сквозняк, а в раковине стояли две грязные чашки. За четыре недели Анна Андреевна пожелтела, лицо ее покрылось густой паутиной морщин, отяжелело в равнодушно-печальном трауре. Она не ела ничего, кроме хлеба, и пила только воду – немолодое тело скрутилось, как сухой лист, и каждое движение сопровождала грузная боль, вынуждавшая ее губы дрожать. В глазах воцарилась беспросветная пустота, как в облачную ночь.

Когда чайник вскипел, Анна Андреевна долила немного горячей воды в крохотную пластиковую лейку. Она медленно подошла к окну: на подоконнике росла мимоза, маленький домашний цветок с зелеными перышками листьев. Такое растение, похожее на папоротник, смотрелось тщедушно без цветов, и листиков на нем было не больше двадцати. Раньше Анна Андреевна ждала появления солнечных шариков, ради которых она приютила мимозу, но с недавних пор оставила надежду, что растение когда-либо зацветет. Однако поливать его никогда не забывала.

Послышался звон ключей, и входная дверь со скрипом открылась. Анна Андреевна не отреагировала.

– Мам, я пришла, – донеслось из прихожей.

В кухню вошла высокая девушка с тусклыми темными волосами. Встав в дверном проеме, она с горечью посмотрела в раковину и, не поднимая глаз, тихо произнесла:

– Я уберусь и уйду.

Пыль Анне Андреевне сохранить не удалось. Дочь пришла однажды ночью и вымыла квартиру, пока Анна Андреевна спала. Наутро женщина ощутила, что дышит другим воздухом, и проплакала весь день.

Они прожили с мужем двадцать три года. Это было высокое и огненное счастье, которое случается раз в эпоху – с самыми достойными. Муж с детской радостью дарил ей цветы каждую неделю, а каждую ночь обнимал. Двадцать три года они спали под одним одеялом, и ни одна ссора ни разу не помешала ему поцеловать ее на ночь. Его добрые глаза наполнялись теплотой, стоило ему только увидеть ее тонкое лицо, и до последней минуты он смотрел ей в глаза и улыбался нелепой старческой улыбкой. Она же дышала им и жила ради него, стараясь изо всех сил наполнить их существование благостью.

Сейчас Анна Андреевна сидела на стульчике в кухне и смотрела на мимозу. Конечно, первое, что она почувствовала после утраты, – желание уйти из жизни. Она боялась сознания

того, что умер не просто ее муж, – умер космос. Вселенная неподвластного никому более времени исчезла во вспышке; умерли его не похожие ни на чьи мысли, смех, отпечатки воспоминаний, а с ними и все годы, месяцы и дни счастья – все моменты, которые они пережили вместе. Не было больше их свадьбы в его мире, не было его дня рождения, вечерних ужинов за телевизором и отпусков в Ялте. Умерли их дети, населявшие его мир, и вся их семья сторе́ла, как черно-белая фотография. Умерла она, которую он любил и образ которой создавал каждый раз, видя ее перед собой, – одухотворенная любовью женщина, источающая благодарность. Умер мир – погасли все души, что его населяли. Смерть задула все свечи разом.

Поэтому Анна Андреевна так боялась за себя. Ведь жили они с мужем в одной Вселенной, и она верила, что ее мир – его спутник. В ее воспоминаниях сохранился он, живой и здоровый, любящий и счастливый – во всех тех моментах, в которых его уже нет нигде; память старой женщины стала последним прибежищем для образа лучшего человека во Вселенной. Разве память детей может сравниться с этим, думала она? Дочери и сыновья помнят о родителях всю жизнь, – ибо любовь к ним натуральна, – но бабушки и дедушки становятся лишь маленькой частью жизни внуков. Два поколения – и от человека не останется даже памяти. Чувствуя свою уязвимость, Анна Андреевна в страхе перелистывала воспоминания и чувствовала бесконечную боль, и клялась, клялась себе, что ничего не забудет, – что он будет жить.

Послышался звук закрывавшейся двери. Анна Андреевна попыталась вспомнить, когда в последний раз выходила на улицу. Вставая со стула, она носиком лейки задела перышко мимозы, – и через мгновение листочки стали медленно сворачиваться к стеблю один за другим. Через пару минут вместо перышка Анна Андреевна видела тонкую зеленую трубочку. Сначала удивившись, она вспомнила, что у нее живет стыдливая мимоза, и ей стало приятно, что, кроме нее, в квартире есть живое существо. Она отошла от окна и собралась достать сигареты, которые прятала под раковиной, но вдруг почувствовала холод.

– Чаю нальешь, Андреевна? – спросил густой женский голос.

Анна Андреевна уронила лейку, та с глухим звуком перевернулась, и вода потекла по полу.

– Кто здесь? – дрожащим голосом произнесла она и увидела за столом полупрозрачную, не то в муке, не то в белилах, толстую женщину, с бесстрастным укором смотревшую на нее. – Лукинична?

– А кто ж еще, глаза разуй, – базарно сказала Лукинична.

Лукиничной звали соседку с нижнего этажа, с которой у Анны Андреевны были хорошие отношения. То была дородная тетка с громовым голосом, всех в чем-то подозревавшая; она то преступника в доме найдет, то катастрофу предскажет, то иную несусветицу придумает. Бахвальная была и бесцеремонная, но Анну Андреевну с мужем любила и даже завидовала их счастью.

– Ты ж померла!

– Померла и померла, а сию перед тобой.

Анна Андреевна перекрестилась и попятилась обратно к окну, глядя на гостью со страшным вопросом в глазах. Старуха же подняла бровь и усмехнулась:

– Долго пялиться будешь? Да, я мертвая, – подтвердила она. – Пришла с приветом. А это, знаешь ли, не на этаж подняться.

– За мной пришла? Ты мой ангел? – в ужасе спросила Анна Андреевна.

Лукинична опустила одну бровь и подняла другую.

– А похожа? Не носи околесицы, Андреевна, – старуха отвернулась, будто обидевшись, но потом снова посмотрела на стоящую соляным столбом Анну Андреевну. – Да сядь ты!

Не отводя глаз от призрачного образа соседки, Анна Андреевна повиновалась, однако села к уголку стола и сложила руки замочком, как бывает, когда нечего сказать.

– Что, даже не спросишь, как оно? – удивилась Лукинична.

Анна Андреевна покачала головой. Она не понимала, что происходит, но тупого страха по какой-то причине не чувствовала. Она вдруг поверила, что перед ней призрак.

– Оно и лучше. Ну, как поживаешь тут? – Анна Андреевна хотела было открыть рот, но Лукинична внезапно крикнула: – В Подлунном мире? – и разразилась громовым хохотом. Сообразив, что выглядит идиоткой, она откашлялась и посерьезнела.

Анна Андреевна убрала руки со стола на колени и опустила глаза. Если приходят мертвые – надо отвечать.

– Да как живу, тихо. Воду пью, чтобы совсем не завянуть, стараюсь сохранить нажитое. Наташа вон приходит... – Анна Андреевна старалась не плакать, чтобы Лукинична ее не сожрала. – Но я жива. Я понимаю, что там ему лучше, и это законы Вселенной, и я не в силах была что-то изменить. У меня сегодня много дела, надо погулять сходить, ужин приготовить, шкафы разобрать...

– Тьфу ты! Смотреть противно, – проворчала старуха. – Ты совсем тронулась? Я же мертвая, на занятость твою оттуда гляжу!

Анна Андреевна с попыткой вызова посмотрела Лукиничне в глаза, но сразу поняла, что та права.

– Следишь за мной? – спросила она с обидой.

– А как не слежу, конечно. Всех оттуда видно.

Старуха с важным видом разглядывала свои ногти, как будто они имели какое-то значение, потом исподлобья зыркнула на Анну Андреевну и резко сказала:

– Нет, если ты молчать будешь, я уйду.

– Стой! – испугалась Анна Андреевна и вскинула руку. Затем медленно опустила ее на стол и решила спросить: – А он там... как?

– Коммерческая тайна. Мертвые не могут говорить о мертвых, – сважничала Лукинична. – Ну, о других мертвых. Раз к тебе не пришел, не должно тебе знать.

– А он что, мог?

Она вспомнила, что муж ни разу не снился ей после смерти.

– Я же пришла.

Пока хозяйка молчала, Лукинична оценивающим взглядом окинула кухню. Взгляд ее отчего-то зацепила мимоза, которую она сначала приняла за рассаду помидоров.

– Дура ты, Андреевна, – покровительственно произнесла Лукинична.

– Это почему?

– Он, может, и не приходит, потому что дура. Театр в свинарнике тут развела, чашки не моет, сигареты чужие курит. Столько лет прожили, а так и не смекнула, что за мужик тебе достался.

Анна Андреевна обиделась. Она хотела было разозлиться, но вспомнила, что Лукинична мертва.

– Ты мне нотации читать собралась? Я прекрасно знаю...

– Я прекрасно знаю, я прекрасно знаю, – передразнила старуха. – Ничего ты не знаешь, кроме того, как пыль собирать на ресницах. Тебе жить-то осталось фигу, а ты, тьфу. Мужик у тебя был мужиком, не отцом, не сыном и не братом, которых бабы получают вместо мужей. Любил безумно, только вот он любил, а ты жила так и помрешь так же. Не великомученицей, а дурой. Всю жизнь за пазухой...

– Прекрати! – хлопнула по столу Анна Андреевна. В уголках ее глаз собрались слезы.

– Потому что правду говорю. Тебе дети что предлагали, а? По миру покатались звали, а тебе ныть в затхлой квартире лучше. Про звезды бормочешь, а сама что видела? Вон че! – Лукинична показала кукиш. – Мы там все просто мертвецы. Нет загробной жизни – она на то и смерть!

Лукинична ненадолго отвернулась, ожидая ответа.

– А он и не придет к тебе, пока ты выть по ночам не перестанешь, – наконец, сказала она.

– Тебе не понять, как я его любила. Как люблю! – через боль говорила Анна Андреевна. – Если бы я только знала...

– Какое чертовое тебе дело? Никуда он от тебя не денется, тело его в земле, а душа, как это слыхано, везде. Жизнь только твоя – в п..де!

Лукинична высматривала и ждала, пока Анна Андреевна скажет что-то. Но та только жалобно и жалко сидела с прямой спиной, тратя на эту позу последние силы.

– Мертвые, Андреевна, они ведь просто так не приходят, – спокойно сказала Лукинична.

Вдруг со скрипом отворилась форточка, и в кухню влетел пробирающий ветер. Анна Андреевна испугалась, вскочила к окну, привстала на цыпочки и закрыла створку.

– Оно ведь болит, Лукинична, и я даже не знаю... – начала она, разворачиваясь и вытирая слезы, но за столом уже никого не увидела.

Анна Андреевна не хотела тратить силы на удивление и истошные крики. Если быть честной с собой, она не была потрясена и понимала, что разговаривала с привидением. Вот только не привиделось ли оно?

Она выдохнула и подняла лейку с пола, поставила ее на подоконник и выглянула в окно. Дождь кончился, и через металлическое небо пробивались лучи солнца, как будто осенняя крыша протекала летом. Анна Андреевна умылась, выпила стакан воды, походила по спальне и решила посмотреть: если вдруг она захотела бы выйти на улицу, у нее нашлось бы, что надеть? Оказалось, что тонкое сиреневое пальто как раз подходит под погоду.

– С ума бы не сойти, – сказала она глухо, втайне гадая, слышит ли это Лукинична.

Она оделась и вышла на улицу впервые за три недели. Это было не целебное действие старухиных нравоучений, скорее, внутреннее желание показать (себе или привидению, Анна Андреевна не знала), что все не так, как обсказала Лукинична. Она почувствовала запах сырой земли, и чистый воздух наполнил ее легкие. Анна Андреевна дошла до детской площадки во дворе и села на скамеечку, поодаль стоящую от остальных, – там, как толстые воробьи, сидели бабушки. Вокруг ходили мамы с колясками, в мокром песке тихо игрались дети. Она обратила внимание на темные листья, застилающие землю, и на те, что фениксовыми перьями горели в ветвях. Анна Андреевна не могла ощутить великолепия золотой осени, ибо видела в гнилых листьях пепел, оставшийся после сгоревшей птицы. Она чувствовала стремление жизни замкнуться и обойти смерть, исключить боль, но понимала, что ни деревья, ни фениксы не смогли бы жить без смерти. Так она сидела, слушала карканье ворон, наблюдала за детьми.

Один беловолосый мальчик, напомнивший ей Маленького Принца, споткнулся и упал, щекой задев палые листья. Он поднял голову, удивленно огляделся – где мама? – и снова склонился к земле. Анна Андреевна присмотрелась: мальчик с круглыми глазами обнюхивал листву. Потом он встал, поднял большой кленовый лист и побежал к маме, которая сидела на скамейке с коляской, из которой доносился сильно приглушенный детский плач. Мальчик показал женщине красное перо и улыбнулся, затем положил лист в коляску и побежал играть дальше. Мама поговорила с малышом, и плач прекратился. Анна Андреевна увидела любовь и вспомнила, что в квартире Лукиничны остались жить дочь с двумя внуками. Подумав, что не хочет никого видеть, она пошла домой.

Вечерело. После прогулки она пару часов читала Диккенса, хотя терпеть его не могла. Надев старомодный пеньюар, больше походивший на балахон, Анна Андреевна готовилась ко сну. Она вышла в кухню, подозрительно посмотрела на место, где днем сидела Лукинична, и налила себе стакан воды. Уже выключая свет, Анна Андреевна почувствовала незнакомый медовый аромат. Она посмотрела на мимозу и увидела около скрученного листика пушистый розовый шар из тонких лиловых лепестков с желтыми точками на концах. Цветок был похож на чертополох, но в нем ощущалась воздушная легкость, и казалось, что самый слабый ветерок

сдует его, как одуванчик. Она нехотя улыбнулась и выключила свет. В кровати Анна Андреевна старалась поскорее уснуть и не думать о прожитом дне.

Ее разбудили голоса. Какие-то люди что-то живо обсуждали на повышенных тонах, смеялись, вскрикивали, даже как будто плакали. Анна Андреевна слышала их сквозь беспокойный сон, но не понимала, где она и что слышит. Открыв глаза, она осознала, что лежит не в кровати и вообще не у себя в квартире – вокруг был только непроницаемый мрак. «Ну все, – подумала она, – старуха забрала». Ее окружала сплошная чернота. Анна Андреевна спустилась с одной ступеньки темноты на другую и стала вновь различать голоса. Осторожно переступив, она почувствовала холодный мокрый камень под ногами и пошла вперед. Через пару десятков шагов женщина увидела плавающие в воздухе свечи, а под ними, словно в сепии, длинный стол, за которым сидело не меньше двадцати человек в длинных тусклых одеждах, напоминающих хитоны. Они о чем-то бурно спорили, бранились, некоторые смеялись. Анна Андреевна обратила внимание, что стол стоит в воде: под ногами говорящих текла река, и никто этому не удивлялся. Вода в ней была странного вида: не то серая, не то прозрачная, но не так, как бывает обычно, а без объема, – будто бы текла сама пустота. Люди наклонялись, черпали из-под ног воду в медные чаши, пили и продолжали оживленно разговаривать. Анне Андреевне стало жутко. Она подумала, что умерла.

– Еще нет, дитя мое, – сказала существо, появившееся из дыма за спиной Анны Андреевны. Красивая тонкогубая девушка смотрела на Анну Андреевну томными глазами. Она подошла и взяла удивленную женщину под руку.

– Ты не узнала меня? – спросила девушка.

– Узнала, – призналась Анна Андреевна, – но не хочу в это верить. Не хочу снова плакать, – горько сказала она и обняла мать.

Нежный призрачный погладил ее по голове и произнес:

– Не плачь, дитя, не плачь. Все за столом.

Анна Андреевна отстранилась и посмотрела в сторону стола. Теперь она стала различать лица: там был ее отец, и были дед с бабкой, и брат – и все, кто сидел за тем столом, были ее близкими, людьми из ее мира. Они не заметили Анну Андреевну, и потому продолжали разговор.

Мать с понимающим сожалением посмотрела на дочь, которая отчаянно искала среди этих лиц самое родное.

– Где же он? – спросила Анна Андреевна, по лицу которой текли тяжелые слезы.

– Ты посмотри на эту поганку, – закричала из-за стола Лукинична, – притащилась-таки!

Ну не дура...

– Она имеет на это право! – сказал высокий мужской голос.

– Ничего она, кроме пыли на ресницах, не имеет. Тьфу!

– Оставьте ее в покое, может, скоро и к нам сядет, – прошептал кто-то.

– Я ведь к ней пошла, к ней, не к рóдным!

– Выпей лучше, бабка!

Глаза матери стали ясными и заметно потемнели. Губы сжались.

– Могу тебя к нему проводить, – спокойно сказала она.

В душе Анны Андреевны вспыхнула надежда, и она схватила мать за холодный рукав:

– Умоляю.

Лицо матери стало строгим и серьезным. Она повела дочь к воде, в сторону от стола. Делая шаги по мокрому камню, Анна Андреевна еле дышала, ожидая увидеть единственные, любящие ее глаза. Она не понимала, где находится, и не знала, что впереди, она не чувствовала себя ни живой, ни мертвой. У кромки воды мать отпустила Анну Андреевну и отошла в сторону. Сидящие за столом замолкли, их глаза потускнели. Мать жестом велела ступить в реку.

Когда зыбкая вода коснулась поджатых пальцев Анны Андреевны, она почувствовала в груди зерно пустоты. Свет внутри нее сжался и задрожал, а по воспоминаниям пополз синий туман.

– Если нырнешь, найдешь там свою любовь, – тихо сказала мать.

Женщина сделала шаг. Туман хищно разросся.

– Но обратно *она* тебя не пустит.

Анна Андреевна заколебалась и услышала детский смех за спиной. Еще – плач и шум дождя. Она ощутила запах сырых листьев и хотела было обернуться, но воды тянули ее, как тянет медлительная истома сладострастья. Она сделала еще шаг и забыла свое имя, забыла, где жила. как выглядит дочь, забыла отпуск в Ялте... Но услышала аромат мимозы. Пузырь внутри нее лопнул, и свет разлился, как золотая краска. Она обернулась, – и тело ее превратилось в соль, а ноги приросли к земле. Свечи в воздухе разом погасли, и души умерших растворились в черной пелене, закружились вихрем и поднялись над соляной статуей.

Анна Андреевна проснулась. Она дотронулась до своего лица и поняла, что жива. Было раннее утро, и серое небо еще не посветлело. Она встала, вышла в кухню и увидела мимозу, полностью покрытую лиловыми шарами; под каждым цветком был свернутый в трубочку листик. Вся кухня пахла цветами и фруктами, и Анна Андреевна засмеялась. Она открыла окно, чтобы цветы подышали свежим воздухом, и заметила, что одно перышко осталось нетронутым – оно колыхалось на ветерке и не собиралось сворачиваться. Анна Андреевна светло улыбнулась и, сделав глубокий вдох, принялась мыть посуду.

Она знала, что это за перышко и что она в любой момент может его коснуться, – но аромата, который теперь наполнял квартиру, ей было достаточно.

Александр Чернавский

Нужный череп

Городской милиционер третьего разряда Седьмого блока Пармилей стоял на коленях и стирал тряпкой очередную загадку со стены общественного сортира. Сортир располагался в самом центре города А, поэтому был большой, на триста мужских душ, и постоянно страдал от перенаселения.

Именно в общественных сортирах все жители соревновались за выход из города в добровольном порядке. Загадки на стенах писали многие, но никто не знал ответов, поэтому вместо них писали новые загадки. Ходили слухи, что за отгаданные загадки из города могли выпустить.

«Паркуют, суки, – в очередной раз подумалось Пармилею. – Паркуют, а я выштывырываю и вытираю».

Пармилей давно вошел в возраст не-умирания, роста был выше среднего, телосложение имел широкое и рыхлое, сказывалась малоподвижная служба в сортире на протяжении уже четырех тысяч пятисот шестидесяти четырех дней. Его голова плотно вращалась в гладкие, округлые плечи, лишь слегка выдаваясь вперед бледным и вялым подбородком, что придавало всей фигуре вид виноватый и слегка пришибленный сверху. Взгляд темных, когда-то вполне живых и ярких глаз обычно был устремлен вниз, ближе к носкам сапог, поскольку Пармилей давно понял: так оно безопасней. Чем ниже он опускал взгляд, тем реже его замечало начальство. Голову венчал уставной лаковый венчик жидких и редких темных волос, форменная пилотка норвила съехать набок. Форма на Пармилее сидела плохо, постоянно сползала, как будто торопилась оказаться на хорошо знакомом диване в подсобке.

– Сложно! – окрик со стороны Главного прохода застал Пармилею на середине полустертой загадки возле третьего левого ряда писсуаров.

– Есть сложно! – отчеканил и привстал в строевую позицию Пармилей.

– Ну, Пармилей? Сколько еще это будет продолжаться? – вопрос начальника Седьмого милицейского Блока Стаха, сморщенного жизнью и службой, с пустыми белесыми глазами и упрямым взглядом, не сулил Пармилею ничего, кроме скорого горя и ночи на вахт-вахте.

– Так ведь опять паркуют, я же докладывал, товарищ Стах.

– Знаю, что докладывал, но ведь и ты здесь не боржчиб-хиб должен!

– Так есть, товарищ Стах, не боржч.

– Нах даишь? Когда крыст пажманишь и жестуешь?

– Думаю, послезавтра. Никак не могу пажнать их похместом.

– Ты... Ты вообще знаешь, чем мы здесь занимаемся? – сморщенное лицо Стаха постепенно стало наливаясь кровью и даже слегка разгладилось.

– Так есть, товарищ Стах. Сортиры загадываем, – Пармилей на всякий случай стал по стойке «сложно».

– А зачем мы их загадываем, Пармилей, твою в шкаф? – Стал подошел вплотную и теперь нависал над невысоким Пармилеем.

– Чтобы никто не отгадал. И не вышел, – голос Пармилея упал почти до шепота.

– Праааильно, твою в швабру. И как же тогда мы можем не крыст и не жестовать?

Никак есть, товарищ Стах, должны жестовать.

– Пойдем смотреть тогда, огрызок. И не дай тебе узурпатор... – Стах при помощи правого кулака осенил себя тройным Знаменем и двинулся за Пармилеем.

Пармилей и Стах прошли через сортир в подсобку. Пахло. Сильно пахло мелом, портянками, швабрами, крыстами и Пармилеем. Кроме дивана, в подсобке имелись складная койка, сейф и куча веников, швабр, тряпок и прочего казенного снаряжения для чистки сортира.

Стах огляделся.

– Гадость какая. Где у тебя здесь ничего?

– Так ведь не положено. – робко возразил Пармилей.

– Что? Тебе масть показать? – Стах потянулся к кобуре.

– Так ведь без разводящего и каражильного... – протянул Пармилей.

– Я же тебя здесь и утоплю, гнида безвкусная! – заорал Стах и расстегнул кобурку.

Пармилей молча двинулся к сейфу. Он отомкнул дверцу и встал рядом. Стах подошел ближе. Внутри сейфа было пусто. Только небольшие комочки пыли жались к темным ржавым углам.

– Ну, допустим. Никто не видел? – спросил Стах.

– Так есть, никто, – вытянулся Пармилей.

– Смотри. Если что – трибунал и на выход. На все пять сторон света. Но только череп будет твой.

– Так есть. Ничего есть. Клянусь узурпатором, – Пармилей тянулся как мог и преданно смотрел в глаза Стаху.

– Гладь, Пармилей, гладь. Прогладишь – рынду тебе в голову и перо в печень от себя лично обещаю.

Стах осенил себя одинарным Знаменем, прикрыв нос рукой, выбежал из сортира.

Пармилей вслушался в удаляющиеся звуки. Стоял он смиренно, но внутри его полного тела перекачивались волны. Ненависти и жалости к самому себе. Переждав этот внезапный и горячий прилив, слегка успокоив сердечный глухой стук, он быстро вернулся в подсобку. Под его складной койкой стояла мятая белая картонная коробочка, которую он аккуратно поставил на край старой и облезлой тумбочки.

Пармилей бережно достал из коробочки женский лакированный череп. Дрожащие белые пальцы любовно ощупали хорошо знакомые изгибы кости. Это было главное богатство Пармилея уже четыре тысячи пятьсот шестьдесят пять дней. Это был тот самый, **НУЖНЫЙ** череп, который мог позволить ему выйти из города: череп его матери. Без нужного черепа никто не мог покинуть пределов А, охрана стояла по периметру через каждые 1-зон метров. Но с таким черепом – он мог выйти через главные ворота на Стекланный тракт и не возвращаться.

Оставалось одно, самое сложное – сочинить ответ на загадку, но обязательно про пустоту. Только это давало право показать череп на выходе из города и уйти не оглядываясь. Пармилей знал Закон о Путешественниках, и знал, что пока так никто и не смог придумать правильные слова о пустоте. Но уже много лет он не оставлял попыток и часто обсуждал с посетителями сортира новые слова, которые казались ему подходящими. Он очень хотел быть путешественником, а для этого требовалось написать нужные слова на стенах этого сортира и дойти до ворот.

Пармилей убрал череп в коробочку, поставил ее под кровать и двинулся в общий зал. Начинаясь новая дневная смена.

Мария Штаут

Время без мобильных телефонов

Заметки из Атлантики

Сейчас уже сложно представить себе время без мобильных телефонов (тогда они только появлялись у немногих знакомых, которые сразу, понятное дело, приобретали статус), интернета, ноутбуков. Доступны нам были записи вручную, телефонные звонки в оговоренное время близким, письма через общий электронный ящик. Полтора месяца в Атлантическом океане.

Академия наук к этому времени существовала в интересной нищете. Интересной, потому что детали той нищеты можно описывать дня три, они не пугающие, скорее какие-то нелепые: пока не столкнешься, просто невозможно поверить. Но наша история не про устройство больших бюрократических систем, история будет про рыб, океанические течения, радуги над волнами.

Деньги на топливо, команду и научный персонал собрали несколько иностранных компаний – для того, чтобы опуститься на дно в районе затонувшего «Титаника», поднять, что возможно, и выставить в нескольких музеях. Помимо историков, интересовавшихся непосредственно артефактами, среди иностранцев были повара и парочка водолазов, болтавшихся без дела. Компания попыталась не заплатить водолазам, но договор был прописан достаточно детально, и сэкономить таким образом не получилось.

На полигоне над «Титаником» поднимали со дна все, что удавалось, вплоть до кусочков угля из корабельной топки. Достали очень много сантехники, чемоданов с одеждой, а еще саквояжи, ботинки, вазы. После нескольких погружений сложилась основа будущей коллекции артефактов, и организаторы решили провести мини-выставку в одной из лабораторных кают корабля. Качка никуда не исчезла, поэтому экспонаты пришлось привязывать, закреплять на поролоновых подушечках, охранять это все добро зорким глазом. Мелочей поднимали с глубин сравнительно мало, их сложно и искать, и захватывать манипуляторами глубоководных аппаратов. В небольших флаконах плескались жидкости: остатки духов. Цвет трудно было разглядеть сквозь мутноватое, темное, толстое стекло, но, видимо, благодаря такому стеклу пузырьки не разбились во время крушения. Флаконы напоминали баллончики, в каких сейчас продают газировку, но, конечно, отличались друг от друга и по форме, и по объему сохранившейся жидкости.

Егор глянул свысока на лотки с музейным будущим и подмигнул Алисе:

– Как тебе духи? Вижу, глазки горят...

Алису было легко шокировать неожиданной наглостью. Но Егору еще и удалось за прошедшие пару недель напяречь ее своим присутствием. Поэтому теперь Алиса просто опешила.

Я делила каюту с Алисой. Комнатка вмещала всю нашу жизнь: столы для каждого обитателя, полки, ящички, лесенки к кроватям, невероятные лампы, сейчас это выглядит как что-то про стиль семидесятых. Ножки мебели и все, что можно прикрутить к полу, было прикручено. В похожих каютах большего размера располагались лаборатории, тоже с прикрученной мебелью, раковинами, оборудованием. Вытяжки, сейсмографы, щитки с переключателями электричества крепились к стенам. Бинокуляры и небольшая техника жили на привязи, с некоторой возможностью поворота и перемещения. Бортовые журналы, определители, вообще все, что

можно было привязать, привязывалось веревками. Во время качки все эти предметы плавно ездили вдоль стола, как конькобежцы.

Океан каждый день потрясал переменами: вот он безумного синего цвета, назавтра серовато-зеленые волны покрываются пеной. Многочисленные радуги сквозь бескрайнее небо. Вот поднимается ветер, хотя при этом еще светит солнце, способное обогреть. Ветерок уже сильный, слышится гул издалека. Мы уходим от урагана: на научных судах данные штатных метеорологов при прокладке курса не менее важны, чем планы капитана. Потому в настоящий шторм мы не попадали. Зато часто жили в погоде пасмурной, в тумане, в накрапывающем дожде. Разнообразия в погоду добавляли и перепады между почти московским воздухом, иногда прохладным даже летом, и водами Гольфстрима. Попадая в область встречи этого теплого течения с холодными водами, судно уже практически не идет, а только дрейфует или просто стоит. Дрейф необходим для того, чтобы оценить движение разных водных масс в глубине. Стоянки определяются как места научных съемок.

Егор был на лебедке, поднимали ночной трал. Шеф стоял по борту корабля и пытался ориентировать в дрейфе:

– Вира. Вира, еще чуть. Трави медленно.

– Трос заглох. Подожди, сейчас посмотрим, нужно продрейфить, чтобы не порвать.

– Медленно, Егор, ага, сейчас. Майна. Последние десять минут, и по идее, трал должен появиться из воды.

– Идет. Понял. Скоро поднимем.

– Вира. Ага. Три минуты в запасе, пойду, позову остальных.

После подъема трала, его содержимое вываливалось на палубу в сетке, и проходила первая сортировка проб.

Атлантический океан не такой уж необитаемый. Иногда вдалеке появляются фонтаны китов, и, если следить за ними неотрывно, возникнут и силуэты. Можно увидеть несколько крупных акул, конечно, если повезет. Вот, пронеслась быстро вдоль борта корабля – коричневая, прогонистая, со светлыми боками. Пока мы тралили, мимо плыли черепахи, спинороги зависали над саргассовыми водорослями. Дельфины держались несколькими группами, прыгали колесом друг за другом, резвились, но от корабля нашего отстали. Огромное небо усеяно звездами. Ночью весь океан превращается в живое: сквозь воды видны потоки светящихся существ, крупных медуз, рыб.

В первые дни на корабле мы с Алисой шили планктонную сеть, это небольшой конус с ячейками, как в сетке от комаров, который крепится у борта корабля и собирает мелочь с поверхности воды. Это самая простая сетка, были еще и другие тралы для использования в водной толще. Нашу лабораторию по большей части интересовали рыбы и личинки рыб. Описанию биотопов столкновения теплых вод с холодными и были посвящены наши исследования.

Качка вгоняла меня в ужасную вялость, все ее по-разному переносят, но упадок сил большинство все-таки ощущает. Всего один день за весь рейс мы проходили со штилем. Я и не думала, что может быть такая ровная вода. Абсолютно гладкая поверхность, светло-голубая, вся в солнце.

Алиса выводила черной тушью контуры удильщика, я убирала банки с личинками в огромные, обвязанные веревками сундуки.

Часть рыб поднимали с помощью глубоководных аппаратов, с ними была такая проблема: животные приспособлены к условиям сильного давления, и во время подъема из толщи воды в несколько тысяч метров большинство из них не выдерживает перепадов, их буквально раз-

рывает на части, вылезают внутренности, переламываются костные структуры. Чудом обнаруживается целостная животинка. Так нам достался удильщик. Гладкий, черный, мягкий, он был совсем не похож на те серые тряпочки, по которым нас учили в университете определять животных.

Несмотря на грозное название, рыбка эта на самом деле не достигает больших размеров. Наша была по форме как грецкий орех, с удочкой: самка.

В полиграфии тогда использовались только точки и линии, без размывов и карандашей разной мягкости. Рапидографы, перья с тушью; только начали появляться маркеры, которые воспринимались как технический прорыв. Руки чесались рисовать гляцевых, бархатистых, со светящимися частями, рыб.

В лабораторию вошел Егор.

– О, привет всем! Во, удильщика рисуешь. Мой рисунок не видели?

Алиса иногда называла Егора крысой. Я против крыс в принципе ничего не имею, поэтому не сравниваю с ними неприятных, способных подставить, людей. Сейчас я была уверена, что даже если Егор что-то нарисовал, получилось у него плохо. Конечно, он так не считал. А вот этот факт парадоксально будил во мне чувство протеста.

– Я вчера положил рисунок здесь, а сегодня он куда-то делся, – нудил Егор.

– Нет, не видели. Сам думай, где оставил.

Алиса понимала, что дальнейшие препирательства приведут к раскручиванию неприятной темы. Но она часто попадалась на провокации.

Мне в это время удалось-таки примоститься среди бумаг и освобожденных от привязи книг, которые мы выбрали почитать. Я выводила тушью икринку летучей рыбы.

Егор полез рыться в наших книжках.

– Мммм, про группы удильщиков, надеюсь, читаете? У меня новый атлас в каюте есть, интервенты дали на время. О, Павич. «Ящик для письменных принадлежностей». Мм, на русском. Как перевод?

– Хорошо, Егор, написано, будто про меня. Получаю удовольствие на досуге, – я сегодня была в редкостно благодушном настроении.

– А, ну, хорошо, пойду, рисунок поищу еще. Кто-то ведь его спер.

Егор вышел.

– Вот ведь сволочь, – сказала Алиса.

– Ну, он не такой уж прям экстремально бестолковый, – у меня Егор не вызывал активного неприятия.

– Ага, только скользкий.

В лаборатории, как и на всем корабле, стоял особый легкий запах топлива. Почему-то этот техногенный запах добавлял уюта. Егор заглянул опять минут через сорок:

– А я, между прочим, нашел рисунок у себя на столе в каюте. А ведь оставлял я его в лаборатории.

Мы все оказались уязвимы. Корабль – это до предела замкнутый мир, и на человека не может не влиять настроение окружающих. На корабле негде побродить, уединиться. Есть верхняя палуба, там качаются ярко-рыжие футуристические подводные аппараты. Есть несколько бассейнов смешных размеров. Есть даже библиотека, шикарная. Когда в библиотеках других кораблей Алиса не увидела Камю и «Иностранной литературы», зато увидела большую подборку Дарьи Донцовой, она была сильно озадачена. Наша библиотека напоминала тот шкаф, что отворялся в Нарнию. Помимо художественных книг в новых переплетах, там была масса научной литературы. И постепенно мы, столь зависимые друг от друга, начинали ценить нашу отъединенность, чистый ветер, бесконечность воды.

Океан стоит плотный; как броня, защищает он самые чувствительные души от напора отходов цивилизации, от потока лишней пустой информации, защищает надолго. После рейсов с трапа сходят люди, спокойные, как слоны.

Выездная мастерская Марины Вишневецкой и Максима Амелина в Праге «Город как текст» (декабрь 2017)

*Создание рассказа, события которого вписаны в городскую среду
и сплетены с образом города: его мифологией, историей и архитектурой,
или только с памятью о месте, давно покинутом автором.*

Кристина Маиловская

«А на черной скамье...»

Уже много месяцев Тина спала с телефоном под подушкой. Кошелек не представлял никакой ценности – наличности в нем давно не было, а пароля от банковской карточки Сережа не знал. Ценных вещей в доме больше не осталось. С уходом ценных вещей ушла и забота о них. Пришло спокойствие. Ощущение надвигающейся катастрофы стало привычным и уже не пугало.

Сережа давно злоупотреблял всем, чем можно и даже всем, чем нельзя. Замедлялся и ускорялся. Жил в своей плоскости, в своей системе координат. Но спали они вместе. В этом и состояла их семейная жизнь. Ведь Сережа был ее мужем.

Конечно, она была сама виновата. Надо было думать головой. Свекровь, приехавшая из деревни посмотреть на избранницу, старательно отмывая годами невытую кухонную плиту в квартире у сына, говорила Тине заговорщицким шепотом:

– Тебе-то, деточка, зачем он нужен? Ты присмотришься, он же не в себе.

И Тина присматривалась. Но какие только любви и привязанности не случаются от душевной неприкаянности.

К тому же у Тины был своеобразный вкус на мужчин. Сначала она дружила с Вованом, у которого в один из романтических вечеров насчитала пять куполов на груди. Потом был Яша, бакинский еврей. У Яши не было ноги, но зато было несколько ходок и приличный бизнес на Волге. Седовласый Яша поил Тину армянским коньяком, гладил ее по коленке и рассказывал невероятные истории из своей жизни. Ногу ему отстрелили конкуренты-браконьеры. Яша лежал три дня на берегу Волги, истекая кровью, а когда его нашли, нога уже отмерла, и в ней завелись опарыши...

Это были мужчины, видевшую бездну, зашедшие за край, заплывшие за буйки. Бывалые, одним словом. Они, эти мужчины, были ее способом познания мира. Познавать мир через традиционных мужчин было скучно и неинформативно.

А потом появился Сережа.

Эта была необычная пара. Коренастый некрасивый мужчина и маленькая чернявенькая девочка восточной наружности.

Лысеющий Сережа широко улыбался золотыми зубами, призывно хлопал себя по коленке, ласково приговаривая:

– Малыш, иди сюда. Гляди, папаня, чё даст!

Они познакомились на берегах Волги в девяностые годы. В один из майских вечеров, когда на Волге становится так тепло, что можно сидеть на набережной целый вечер и даже ночь. И вовсе не холодно. И мошка еще не пошла. И комаров нет. И ветра нет. А есть только сладость разлившейся весны. И Волга дышит, как созревшая дева. Приди и возьми ее!

Тина пила вино в открытом кафе под зонтиками. Ей хотелось любви. Всем девушкам хочется любви, независимо от их статуса и интеллекта. Филфак был окончен, а впереди зияла пропасть. Мамаша была занята собой и своими молодыми любовниками и ясно дала понять Тине, что, теперь уж как-нибудь сама, милочка. Но только так, чтоб без последствий. О последствиях мамаша не распространялась. Но Тине они мерещились в виде незаконнорожденных младенцев и твердых шанкров и безумно пугали. Папаша же вообще выпал из ее жизни. Он был неудавшимся бизнесменом с огромными долгами и вечно пребывал в бегах. Папа был добрым малым, но ужасно бестолковым.

Тина сидела на берегу Волги, вдыхая майскую сочность сирени. В раздумьях наматывала кудряшки на палец. Мечтала. Ждала. И дождалась.

Сереза отсидел по молодости год – покалечил кого-то в драке. Из института его исключили. В двадцать лет из тюрьмы он вышел другим человеком. Теперь его сознание навсегда составляли «шконки» и «пайки». В институте удалось восстановиться (родня из казачьей станицы носила декану поросят каждый месяц). Но сознание было исковеркано навечно. Сереза был добр и щедр. Тину он любил, как ребенка и баловал как только мог.

– Малыш, а давай мы с тобой свадебку забачаем! Лабуха крутого найдем. У меня подруга-подельница ресторан держит. Погуляем!

Работать как обычные люди с утра до вечера Сереза не мог. Он был выше этого. Но деньги у него были всегда. Тина поначалу робко интересовалась, откуда берутся деньги. Но Сереза был мастер заговаривать зубы. Мол, Гагик-армянин мутит с икрой, а он в доле, и вообще, малыш, зачем тебе голову забивать. Не парься, малыш.

Тину Сереза считал невероятно умной и жутко гордился ею.

– Вот сплю, я с тобой, малыш, и думаю, как же мне, сука, повезло!

Сереза хотел попробовать в жизни все. Переспать с тремя женщинами одновременно, прыгнуть с парашютом и вмазаться герычем. Денег он не жалел. Давал беспечно в долг. В период безденежья Сереза не унывал:

– Не жили богато – нехер начинать!

А доставая последнюю купюру из кармана, задорно подмигивал:

– Нет денег – и это не деньги.

Вечерами, бывало, Сереза читал книги. Зачитывался, к примеру, биографией Кропоткина и мечтал попасть в Петропавловские казематы, чтобы полежать на той же шконке, что и знаменитый анархист, дабы прикоснуться к прекрасному.

Теперь они жили в крохотной живопырке в Веселом поселке на улице Дыбенко. Веселым в поселке было только название. Фамилия матроса Дыбенко не добавляла шику этому месту. Это было гетто для люмпенов. Но Тина полюбила этот город интеллигентных алкоголиков. Там на Волге алкоголики были просто быдлом...

В ноябре на город наваливалась непроглядная тягучая серость. Казалось, этой серости не будет конца. Солнце закатывало глаза, являя свои белки, и уходило навсегда. Ходили слухи, что оно вернется, и в марте уже будет легче. Но в это верилось с трудом. Тоска не имела пределов. Люди плакали, как плачут маленькие дети вслед уходящей матери, не понимая, когда она вернется. Морось проникала в людей, разливалась по жилам, и они, безоружные, не способны были противостоять силе этого города. Они любили его чахоточную бледность и анемичные будни, любили так, как любят больных и пропащих мужчин.

Сереза ушел в длительное пике. На его языке это называлось сесть на систему. Он не работал, а деньги ему требовались каждый день. В те дни, когда денег не было совсем – он пил болеутоляющие со снотворными, запивая все это водкой, получая хоть небольшую передышку. Откуда брались деньги – Тина не спрашивала. Она уже давно ни о чем не спрашивала, не увещевала, не просила, не требовала. Разговоры закончились. Осталась жизнь в ожидании конца. Ведь конец есть у всего. На него и была вся надежда.

Никто вокруг не знал о том, что творилось в маленькой квартирке на улице Дыбенко. Не знали ни родные ни соседи, ни коллеги по работе.

Тина не раз порывалась уйти. Собирала чемоданы. И дело было даже не в том, что идти было некуда. Там на Волге жила русская бабушка, а в Израиле – нерусская, и, конечно, можно было уйти... Но выходило так, что уйти было невозможно. Потому что даже собак и кошек

не бросают вот так погибать. А оставить человека, который за восемь лет стал бесхозной девочке мамой, папой и другом было просто невозможно.

Тина возвращалась с работы. В вагоне метро паренек с рюкзаком стоял напротив нее и улыбался.

– Девушка, вы красивая!

Тина не ответила ему и стала протискиваться к выходу.

Еще с утра ее мучили дурные предчувствия. Сережа сильно осунулся и постарел за последний месяц. Он, который, никогда ни на что не жаловался, утром произнес скрипучим безжизненным голосом:

– Тиша, я устал. Помоги мне!

Как она могла ему помочь? Все способы уже были испробованы. Больницы, капельницы. Сколько денег было потрачено!

Дорога из метро к дому вела через парк Есенина. Фонари освещали только аллею. Деревья и кусты по бокам аллеи стояли в темноте и всегда наводили ужас на Тину в это время года. Этот парк был местом сборищ наркоманов и алкоголиков. Она шла, боязливо поглядывая на чернеющие кусты, и вдруг боковым зрением заметила какое-то движение.

Это был человек. Он двигался очень медленно, согнувшись пополам. Пытаясь продраться сквозь кусты, человек завалился набок и не мог подняться.

Каким-то животным чутьем Тина почувствовала, что человек, лежащий в кустах, ее муж.

– Сережа, это ты?

– Я, – прохрипел голос из темноты, – малыш, помоги мне.

Тина помогла подняться Сереже. Его трудно было узнать. Сгнившие липкие листья облепили его голову. На лице грязь смешалась с кровью. Сережа не мог разогнуться. Они пошли медленно. Каждое движение давалось ему с трудом. Тина шла, придерживая его за руку.

– Тебя били?

– Битой по спине. На..бали, суки, на деньги. Это была левая хата.

Вдруг идти стало легче. Кто-то ухватил Сережу с другой стороны. Под фонарями Тина узнала паренька с рюкзаком.

– Девушка, какая вы отважная! Вы фея? Вы помогаете бездомным? Или работаете в службе спасения? – паренек улыбался, – потащим этого бродягу вместе.

И они пошли маленькими шажками. Сережа время от времени заваливался набок.

– Вы хоть знаете, куда мы его тащим? У него дом-то есть? Вы с такими поаккуратней. Смотрите, как он вас испачал.

– Пойдемте туда – Тина кивнула в сторону домов, – я знаю, где он живет.

Уже у лифта паренек сказал.

– Ладно... Сегодня у меня вечер добрых дел. А знаете что, – он посмотрел на Тину добрыми детскими глазами, – дайте-ка мне ваш номер телефона и если со мной что-нибудь случится, я вам позвоню. И вы меня спасете. Например, от одиночества... Кстати, откуда вы знаете, где он живет? Он ваш сосед?

– Он мой муж, – ответила Тина, заходя с Сережей в лифт.

Дома Тина долго отмывала Сережу. От врачей он отказывался наотрез.

– Тиша, родная моя, давай уедем куда-нибудь. Давай в станицу уедем. Я в ловушке. Мне не выбраться. Ты поедешь со мной?

– Поеду, Сережа, конечно, поеду... – Тина погладила мужа по голове, – завтра... давай поговорим об этом завтра. А теперь спать. Все будет хорошо.

Но в станицу назавтра они не поехали. И на работу Тина не пошла. И не потому, что телефон под подушкой не прозвенел. Телефон был на месте. А вот Сережи уже не было.

Дуня Молчанова

Albo dies notanda lapillo

5.10.17

Решил поехать на море, когда нет толп туристов, и стоит все в разы дешевле. Я здесь второй день, но уже стало понятно, что быт такого места можно описать библейской метафорой – через жизнь, смерть, воскресение и проч. Как в природе – прибрежный городишко на зиму впадает в спячку, но с ранними теплыми лучами солнца (и первыми туристами) все просыпается и готовится ко встрече, и так повторяется из года в год.

8.10.17

Скучно ужасно, на самом деле.

«Жизнеобразующим» здесь становится понятие сезона. Весной с первыми путешественниками начинают открываться кафе, работать гостиницы, аттракционы (пусть и кряхтя, как старички) приходят в движение. Помню, летом (при наличии денег) я чувствовал себя если не богом, то, по крайней мере, мелким таким царьком, потому что получить мог все, что душе угодно – от копченой барабульки на пляже до поездки на яхте в грот с погружением на морские глубины (за дополнительную плату, естесна). Сейчас – ровно наоборот. Все закрыто, все, вот серьезно. Карточки нигде не принимают. За презервативами или там каплями для носа надо ехать на автобусе времен чуть ли не Второй мировой в другой город. Я каким-то чудом нашел работающую гостиницу, но и тут не обошлось без приключений. Вот начал у меня подтекать унитаз, проблему решила тряпочка, которую мне пришлось выжимать каждые три часа. Сантехники, по клятвенным уверениям администратора гостиницы, с закрытием сезона все куда-то волшебным образом пропадают. Было бы любопытно сделать расследование на этот счет, но, думаю, итог был бы чересчур прозаичным – «сезонные» работяги до весны уходят в запой. Каждый уважающий себя мастер должен это делать время от времени – поддерживать статус, так сказать.

К черту это захоlustье. Уже посмотрел билеты на самолет, – выезжаю завтра вечером.

10.10.17

Вчера напоследок ходил к морю, и удивительное дело – я решил здесь остаться после очень чудной (=странной) встречи. На набережной было довольно пусто, только пара мальчишек, прогуливающих занятия, и какой-то старик на лавке. Когда я проходил мимо него, он поинтересовался у меня, который час, а потом спросил, давно ли я здесь. Мы разговорились, и я узнал, что старика зовут Велимир, и он художник. Он пригласил меня взглянуть на картины и после – отобедать у него дома. Я согласился, скорее из вежливости и желания скоротать время до самолета, нежели из действительного любопытства.

Велимир как-то довольно архаично выражал свои мысли, при этом много цитировал Бродского и курил травку. Дом ничем толком не выделялся – серый такой, небольшой, но с пристройкой наверху – «кабинетом» старика. Внутри дома – постсоветский треш – выцветшие обои в цветочек, просевшие кресла, маленький телек со смешной антенной – не фурычит, естесна. Между тем, в доме все чистенько и даже, пожалуй, уютно.

– Я позволю себе познакомить Вас с картинами сейчас, до обеда. Помните, как Хэмингуэй писал о том, что полотна надо рассматривать на голодный желудок? *Fames artium magistra* – голод – учитель искусств.

– Как скажете:)

Короче, я остался здесь из-за них, из-за его картин. Это что-то потрясающее. В первый раз я смотрел на замершую жизнь и видел в ней настоящую поэзию этого города – в его предсказуемости, определенности. Нет, серьезно, это очень сложно передать словами, но как же я был рад и даже больше – счастлив. И этому Велимиру-блин-что-за-имя, и этому городу, и этим полотнам. Я так отчетливо представлял, что мне придется лицемерно нахваливать дилетантскую мазню, что почувствовал невероятное облегчение при виде его работ. Он талантлив, по-настоящему талантлив. Я понял бы это и не учась шесть лет на искусствоведческом, уверен абсолютно.

Мы обедали, и я хотел узнать у него обо всем: откуда он, где учился, почему оказался здесь, кому продает картины и участвует ли в выставках, но он «остудил мой пыл», как говорится. Велимир сказал, надо отдать должное – максимально деликатно, – что он привык есть молча, поскольку «знаете, ведь мы забываем о вкусе и о значении еды, когда говорим за столом, мы забываем наслаждаться ею» и еще какое-то изречение на латыни, но я его не запомнил. Мне показались его слова странными и вместе с теми, такими глубокими, что я не нашел, что возразить, а потом почувствовал и сам, что мои вопросы как будто не очень уместны. Пока.

Я побежал печатать очередную статью. Планировал сделать это в дороге, но бронь после встречи с Велимиром отменил, – он пригласил меня на утренний «променад».

15.10.17

Понял, наконец, как он зарабатывает. Велимир говорил, что его картины здесь никто не понимает. Блин, это звучит ужасно пафосно, так романтически-пафосно, но на самом деле, люди здесь действительно не видят и не чувствуют всей прелести написанного. Я пришел днем к художнику, смотрю – у него толстый мужик, который объясняет ему чего-то, тыча пальцем в сторону нескладной девицы. Оказалось – заказывал портрет. Я решил не мешать и вернулся к себе, чтобы написать еще одну статью. Прихожу через пару часов, – Велимир как раз прощается с девицей и ее папаней (или кто он там ей?). Я мельком посмотрел на картинку в ее руках и прифигел немного, потому что это была та самая дилетантская мазня. Когда они ушли, я увидел, что он улыбается. А я был ужасно зол: как можно вот так себя растрчивать, если есть талант, почему он не написал ничего достойного? Велимир мне объяснил, что он пытался раньше, а потом понял, что безнадежно это. «Поймите, им нужны портреты в духе арбатского рисовальщика, а вовсе не работа живописца. И изменить я их не могу, а вот жить на что-то мне надо».

28.10.17

Сегодня с Велимиром опять долго гуляли. Мы взобрались на холм и бродили там в лесу, совершенно сказочном – мох на деревьях, яркие пятна листьев, запах земли. Велимир рассказывал, что родился он в Сербии, но когда ему исполнился год, его родители переехали в Москву. После школы Велимир учился в Строгановке. У него даже выставка была, которую потом прикрыли. Причем, по-видимому, эта история была достаточно громкой, потому что даже я (спустя столько времени) что-то о ней слышал. Потом он много ездил, насколько это было возможно, но все время возвращался в Москву. А потом он понял, что в пространстве Москвы ему уже тесно, он «вырос» из него, «оковы города» не давали свободно дышать, и он свалил подальше от столицы. И оказался здесь. Там была еще какая-то любовная история, но в подробности я вдаваться не стал, а сам он не особенно распространялся.

29.10.17

Курили травку. Я как-то смутно помню, честно говоря, о чем мы там говорили. Кажется, Велимир загонял что-то про пространственно-временные закономерности, скорости Земного

шара, про научные союзы, похожие на волны, людские стада и про то, что он «отымает у прошлого клочок времени». Вот это я отметил. А еще на прощание он сказал: «Albo dies notanda lapillo» – день, который следует отметить, белым камешком – и не уходил, пока не удостоверился, что я в точности запомнил это выражение.

5.11.17

Становится все холоднее, по утрам даже морозно, но страшно приятно, – такой воздух очень бодрит. Сегодня мы ходили к морю. Велимир по памяти читал мне и Мандельштама, и Гумилева, и Зенкевича, и Георгия Иванова, и др. Он очень любит Серебряный век, как и я. Только я столько наизусть не знаю.

Я оставил его писать, а сам решил еще прогуляться вдоль моря. Я думал о том, что этот человек стал мне очень близок за последнее время, как будто у меня снова появился дедушка. И это очень радостное ощущение.

8.11.17

Сегодня не дозвонился и не достучался до Велимира. Наверное, он ушел куда-нибудь рисовать. А я съездил в город за продуктами.

9.11.17

Умер.

15.11.17

У Велимира случился инсульт. Когда я взломал дверь и оказался в его доме после того, как все не мог достучаться, тело уже было остывшим. Я ничего не соображал, неясно только помню – вызвал скорую и даже, кажется, ментов. Потом, через пару дней, связался с его дочкой – нашел у него в записной книжке контакт. Потом она приехала. Я пытался с ней поговорить, но она всячески мне давала понять, что дико занята, и я больше ее не трогал. Узнал только, что дом Велимира она продает.

Я решил, что мне пора возвращаться в Москву. Я шел к автобусной остановке. У дороги стоял мусоровоз, в который двое работяг в форме старательно загружали и уплотняли содержимое контейнеров. Проходя мимо, я вдруг с ужасом понял, что трудяги бодро закидывают в пасть машины одну за другой картины моего друга, прислоненные к мусорному баку. Работы Велимира мгновенно превращались в пестрое изгаженное месиво. Фак!!! Я кинулся к машине и даже вырвал несколько из-под ее жерновов, но они были уже непоправимо испорчены. Я взял все оставшиеся картины, но их было так мало, что состояние было ужасно паршивым. Я плакал от безысходности.

Его картины как бы растворились в городе, который дал им жизнь, в природе, которая вдохновляла их автора, в жителях, которые не чувствовали красоты полотен, потому что видели ее каждый день и видели по-другому. А еще потому, что настоящим существованием для местных был только период сезона, а межсезонье воспринималось как большая несправедливость по отношению к ним, как живущим на побережье, а не на середине материка. Ну а дочь его – та еще сука.

16.11.17

Единственная, пожалуй, деталь во всей этой истории, которая ужасно веселит меня каждый раз, когда я ее вспоминаю – это эпизод с мусорщиком. Я уже понял, что все картины мне спасти не удастся, и с безнадежной тоской собирал сохранившиеся, когда один из парней спросил застенчиво: «Слушай, а можно я эту, с сиськами, оставлю себе?» Это было так трогательно,

что я не стал говорить о предмете изображения – знаменитой вазе из опалесцентного стекла Рене Лалика, которую Велимир так удачно представил в натюрморте.

Думаю, ему эта история понравилась бы.

Арина Остромина

Злая сказка о Праге

Лететь осталось совсем немного. Внизу петляли серые ниточки дорог, ползли крошечные машинки. Зеленые пятна полей сменились ровными рядами разноцветных крыш. Но что это? Впереди вместо привычного городского пейзажа простиралось распаханное поле.

Самолет развернулся, полетел в другой аэропорт. Пассажиры молча переглядывались: никто не понимал, что происходит.

Интернет кипел и бурлил: куда пропал целый город? Каких только версий не выдвигали, кого только не обвиняли. Но время шло, исчезнувшую Прагу вытеснили другие новости, и постепенно о ней забыли.

* * *

Горожане крепко спали под толстыми пуховыми одеялами, оконные стекла дребезжали в старых деревянных рамах, когда по ним били косые струи дождя, голые ветки приплясывали в такт. Фонари мигнули и погасли. В темноте слышался только вой ветра. Никто не заметил, как земля вздрогнула, приподнялась и медленно поползла вперед, унося с собой дома, церкви, парки и все, что люди успели построить за долгие века. Если бы они знали, что город стоит на широкой бугристой спине живого существа!

Им еще повезло, что она так долго терпела. Могла ведь и раньше уйти. Ей давно уже надоели крошечные человечки, которые копошились у нее на спине, долбили дыры, копали ямы. Да еще и туннелей насверлили, пустили туда железных червяков – носятся туда-сюда внутри спины, покоя не дают.

Год за годом она лежала, не открывая глаз, вдыхала запахи зимы и лета, быстро сменявших друг друга, и неторопливо размышляла о своей спокойной однообразной жизни. Сначала ей нравилось, что прямо у нее на спине появился город: она прислушивалась к звукам, которые издавали пришельцы, постепенно научилась различать в тонком писке отдельные слова и даже начала понимать их язык – времени у нее было много, целая вечность.

Однако и она старела, лежать неподвижно под живым одеялом становилось все тяжелее. А город, наоборот, как будто молодел: все дольше шумел по вечерам, все энергичнее гонял по улицам машины и трамваи. И воздух! Она ведь не могла посмотреть, что происходит у нее на спине – поэтому она угадывала все по запахам, они рассказывали ей о жизни города. Но раньше ветер приносил запах реки, запах листьев – то свежих, едва раскрывшихся, то горьких, осенних, размоченных дождем. А теперь все чаще приходилось дышать выхлопными газами.

Ей хотелось потянуться, размяться, а то и пройтись. Когда она последний раз ходила? Она не помнила. Неужели она так и пролежит всю оставшуюся жизнь? Умрет – тихая, молчаливая, изъеденная железными червями – и никто даже не заметит.

Нет, так нельзя. Даже вот эти ничтожные крошки там, наверху – и те могут себе позволить отпуск, уезжают, развлекаются. Она знала, она же слушала их разговоры: надо отдохнуть, сменить обстановку. А что, если и ей попробовать? Правда, они всегда упоминают деньги. Но в ее городе и денег полно, и другого имущества. Можно тратить.

И она встала. Осторожно встряхнулась, стараясь не повредить хрупкие строения. Окраины сползли вниз и плавно улеглись, почти не сдвинувшись с прежних мест, а центр города

остался стоять на твердых буграх ее древнего панциря. Она неуверенно выставила вперед крепкую лапу, поросшую травой, потом подтянула вторую лапу и медленно зашагала, оставив за собой неровный овал примятой голой земли.

Она бесцельно шла вперед, стараясь ступать по мягким лужайкам, по полям со свежей зеленым озимых. Иногда под лапами хрустели стволы деревьев, но она не чувствовала боли, толстая кожа защищала от укулов. Тяжелые тучи закрыли луну и звезды, но она привыкла к темноте, она умела подолгу не открывать глаза, а только слушать и нюхать.

Ветер зазвучал по-новому: к его свисту добавилась далекая музыка. Вскоре над верхушками деревьев заметались яркие огни. Она прищурилась и чуть ускорила шаг. Впереди, среди лесов и полей, показалось огромное казино. Светилась вывеска, мигали гирлянды лампочек, черные фигурки толпились у входа. Она слышала о местах, где никогда не наступает ночь, где всегда идет игра. Вспомнила разговоры о везении, потерях, азарте – для нее эти слова ничего не значили, ей не с кем было играть, пока она лежала в низине и покорно позволяла людям копошиться у нее на спине.

Ей захотелось проверить: а вдруг это хорошо, вдруг ей тоже понравится? Пришлось немного понаблюдать, как ведут себя игроки, и вскоре она уже накупила фишек на все деньги, которые принесла с собой. Игра увлекла ее, впервые в жизни она ощутила вкус победы и поражения, тягучую сладость ожидания. Бешено вращалась рулетка, подпрыгивал шарик, горка разноцветных фишек то росла, то таяла. И растаяла совсем.

Она еще могла вернуться назад, улечься на привычное место. Будто и не уходила никуда. Правда, денег больше нет, горожане это быстро заметят: им же придется чинить кое-что по краям панциря – тут провода оборвались, там трубы лопнули, да и дома некоторые покосились. Неловко вышло. Надо все исправить. У нее ведь есть дома, это почти как деньги. Можно менять их на фишки.

Изо всех сил вытянув толстую морщинистую шею, она повернула голову и заглянула себе на спину. Прямо перед ней стоял отличный дом: многоэтажный, старинный, дорогой. Купила фишек, поставила на красное, фишек стало вдвое больше.

И снова выигрыши чередовались с проигрышами, и снова она ощущала пугающий и приятный холодок внутри, когда крутилась рулетка. Фишки быстро кончались, дома на спине тоже. Уходить она не собиралась: еще чуть-чуть, и она отыграется, вернет свой город. Когда она снова посмотрела назад, на спине больше ничего не осталось.

Она неуклюже попятилась, тяжело ступая толстыми лапами, развернулась и пошла, куда глаза глядят. Туда, где темно, где нет фонарей и освещенных окон. Где никто не увидит, как по ее неровным коричневым щекам сползают крупные мутные капли.

Далеко от дорог и жилья она заметила широкий просвет между двумя унылыми серыми рощами. Она плюхнулась плоским костяным животом на мокрую траву, поерзала, устраиваясь поудобнее, взрыхлила землю и спрятала голову в яму, в спасительный знакомый запах сырой почвы, бессмертия, заснувших до весны корней. Она закрыла глаза, и вся ее прежняя жизнь осталась в прошлом, исчезла навсегда.

Когда она снова проснется, ее панцирь уже зарастет травой, кустами, деревьями. Возможно, там опять будет стоять город. Возможно, такой же прекрасный, как Прага. Но все это будет нескоро, и все уже забудут таинственную историю о пропавшем городе.

* * *

Окраины прежней Праги постепенно расплзались в стороны, занимали опустевшую землю, превращались в новые города. Никто не вспоминал, что здесь было раньше.

Но дотошные туристы до сих пор иногда находят пражские улочки и здания в самых разных местах: то кусочек Вышеграда вдруг появится в холодном чопорном Лондоне, то Кар-

лов мост соединит берега Шпрее в Берлине, то замок Збирог встанет на холме над Неаполем. Говорят, кто-то даже видел Национальный музей Праги в Арабских Эмиратах, а в Австралии – Танцующий дом.

Вы скажете: разве так бывает? Конечно, не бывает.

Мария Соловьёва

О целебных свойствах мопсов и пончиков

Человек и собака не спешили домой. Осенняя ночь была теплой. Они уже почти вышли из парка на мост Маргит, как мопс нашел что-то в кустах, и натянутый поводок выдернул господина Кальмана из медленных мыслей.

До девушки на мосту было метров двадцать. Кальман задержал на ней взгляд – что-то его зацепило. Рыжие длинные волосы, тонкая фигурка, черное полупальто и длинная несуразная юбка, почему-то молодежи кажется, что это стильно. Словом, ничего особенного. Если бы не безразлично брошенный на землю рюкзачок и руки, вцепившиеся в парпет... Ночью в центре большого города тьма только в небе, на земле же слишком много света, даже мелкие детали как на ладони.

Девушка стояла лицом к черному Дунаю, там, где открывается лучший вид на сияющий Парламент. Только она не была похожа на ценителя архитектуры. Пока Кальман решал, прав он или нет, она скинула пальто, как ненужный груз.

Кальман охнул, дернул поводок и, широко расставив негнущиеся в коленях большие ноги, поспешил к ней. Девушка стала наклоняться вперед, и тогда он крикнул первое, что пришло на ум:

– Девушка! Прогоните кошку, скорее!

Она испуганно обернулась и увидела невысокого седого господина, ковыляющего с мопсом на поводке.

– Какую кошку?

– Ну вон же, около вас!

Девушка осмотрелась.

– Какая кошка, это мой рюкзак!

– Уф, ну надо же, а как похож на кошку! С кошками у нас проблемы. Добрый вечер. Подержите, пожалуйста, я очки достану.

Не дожидаясь ответа, он сунул ей в руки рулетку поводка. Девушка машинально ее сжала. Мопс тут же уселся на носок ее туфли. Она только хлопала ресницами – эти два персонажа были так не вовремя.

Седой господин разместил на носу очки и охнул:

– О, вы пальто уронили. Разрешите помочь?

Опять же, не дожидаясь ее ответа, он набросил пальто на худые плечи и только тогда взял у нее из рук поводок.

– Позвольте представиться, Иштван Кальман. А это Пепс. Вы ему понравились.

Господин Кальман кривил душой. Мопсу было все равно, но внимательная пучеглазая собачья морда заставила девушку на мгновение улыбнуться.

– Как к вам обращаться?

– Это не имеет значения – она отвернулась к реке, но потом все же ответила – Мелинда.

– Красивое имя. Скажите, Мелинда, а вы уверены, что на него это произведет нужное впечатление? – Кальману показалось, что девушка перестала дышать.

– Вы... о чем?

– Если вы не собирались узнать, каков на ощупь Дунай в этот час, то с меня горячий кофе вон из той кофейни. Она круглосуточная.

– А если собиралась? – в ее голосе был вызов, но какой-то выдохшийся.

– Тогда сначала выпейте кофе и съешьте пончик с глазурью, они там превосходные. А заодно послушайте одну правдивую историю. Пепс тоже любит пончики. Проводите нас?

Мелинда сама не поняла, как это произошло, но через десять минут они сидели под фонарем у Парламента и ели действительно потрясающие пончики с глазурью, запивая их горячим кофе. Все это время Кальман что-то говорил, но Мелинда начала вслушиваться только сейчас.

– Она всегда мечтала быть такой вот огненно-рыжей, как вы. Красилась. Она нуждалась в бесперебойном топливе для своего душевного пламени. Эмоции были ее хворостом, углем и газом. Она требовала постоянных доказательств моих чувств. Писала прекрасные стихи, читала мне их на память. Я не помню ни строчки, но стихи были о безумной любви.

Кальман замолчал, и она спросила:

– Что с ней случилось?

– Дунай.

– Вы тоже изменили ей?

– Почему тоже? – он закашлялся – Простите. Нет. Я просто не смог держать огонь голыми руками. Ей казалось, что у нас неравноценные отношения. Она действительно страдала и знать не хотела о разных темпераментах, о том, что любить можно и молча. Моя работа была связана с разъездами, и когда я несколько дней не звонил ей, по возвращении меня встречал шквал обвинений в бесчувственности. Я тогда брал отгул, и мы целый день бездумно шатались по Будапешту. Кларисса выросла в деревне, поэтому ей все в городе было интересно. Она не уставала бродить вдоль Дуная в любую погоду. Сначала по Пештской стороне от Сабадшага до Маргита, потом обратно по Будайской. О, это были чудесные прогулки!

– Я все еще не понимаю.

– Я устал. Просто не смог давать ей постоянно то, чего она ждала. Я был хронически виноват в недостаточном проявлении чувств. Она додумывала мои мысли на свой лад. Требовала, чтобы я признался, что не люблю ее, мол, это будет честно.

– И вы признались?

– Я сказал, что не смогу любить ее так, как ей нужно, что люблю, как умею.

– А она?

– Она сказала, что я сильно пожалею, что не старался.

– И что вы почувствовали, когда... ну, когда узнали?

– Шок, горе и свобода. Да, свобода. Если она хотела наказать меня, заставить страдать всю жизнь, то этого не случилось. Не смотрите на меня так, Мелинда. Я не упомянул, что безоговорочно счастлив.

Она отвернулась и сказала куда-то в сторону:

– Я не хотела никому зла. Я вообще ничего не хотела и не думала. Иногда так бывает от переживаний – я просто отключаюсь, вернее, переключаюсь куда-то внутрь. Что-то происходит вокруг, а мне все равно. А потом неясность, ну, типа тумана в мозгу, она рассеивается и все идет своим чередом. Но так сильно меня еще не шарахало никогда...

– Поделитесь?

– Почему бы и нет...

И она рассказала про Лайоша, их бесшабашную студенческую дружбу, которая после одной вечеринки превратилась в неуправляемую страсть, загонявшую их летними ночами то в заросли на горе Геллерт, то в темные переулки Бельвароша, если они не успевали добраться до его дома. Про то, как она сегодня вечером приехала к нему в мастерскую и нашла там новую подругу, полуголую, пьяную, дьявольски красивую. Про его взгляд, в котором не было ни капли вины, только досада. Про то, как неменяемая, она пешком шла из гламурного Хедьвидека к Дунаю через весь город с одной мыслью – исчезнуть так же ярко и безумно, как все, что было между ними.

Кальман допил кофе, вздохнул, и спросил невпопад:

– Где вы учитесь?

– В Университете Искусств, факультет живописи.

– Художница? Как замечательно! А что вам нравится писать больше всего?

– Море.

– Наверное, любите Айвазовского?

– И вы туда же! Все первым делом вспоминают его, будто это единственный гениальный маринист. Но да, люблю.

– Говорят, самое красивое море в тропиках...

– Не знаю, мне больше нравится северное море, с айсбергами.

– Вы уже писали его с натуры?

– Это было бы круто, я мечтала увидеть своими глазами айсберги. Но не успела.

– «Не успела» можно сказать в семьдесят лет, и то не факт. Вам-то что мешает?

– Ну...

Мелинда замолчала. Кальман, затаив дыхание, наблюдал за ее лицом. Озадаченность. Поиск решения. Удовлетворение. Новогодний огонек в глазах. Он увидел то, чего она сама пока не осознала. Только что мечта стала планом действий. И тогда он беззвучно выдохнул.

Мелинда не заметила его напряжения. Она уже была мыслями где-то в Исландии или Норвегии, на берегу темного беспокойного моря с громадами айсбергов, ломающих линию горизонта. Как же он прав, ей действительно ничего не мешает! Уехать сейчас за границу – отличная идея!

Заскучавший мопс привалился толстым боком к ее ноге и вернул с северных берегов на скамейку у Парламента. Она улыбнулась Кальману:

– Спасибо вам за все. Мне пора домой.

– Вам спасибо, Мелинда. Долгие прогулки полезны для здоровья. Мы проводим вас до такси.

Человек и собака смотрели вслед удаляющемуся желтому автомобилю. Ночной ветер над Дунаем окреп, но был по-прежнему теплым. Город, одетый в осень, сонно моргал своими бесчисленными огнями.

Забулькал телефон. Кальман долго искал его по внутренним карманам. Достал, улыбнулся ему, как живому и крепко прижал к уху.

– Потеряла нас? Уже идем... нет, все в порядке, просто пришлось утопить тебя в Дунае... Да, опять... Ну, не шуми, мы пончиков принесем, с глазурью... Я тебя тоже...

Мастерская Алисы Ганиевой « Как делать прозу» (весна 2018)

*Как разобраться в главных законах сюжетостроения
и композиции: сюжет и мотив, перипетии и коллизии, интрига и саспенс.*

Глеб Буланников

Розочка

Руслан старше меня на два года.

Он сутулый, поджарый, все время удивлялся – как он носит эти кеды? почему эта обувь, похожая на подростковую сумочку unisex, называется кеды? почему я несу на кассу газировку и батончик, а он везет коляску?

– Руслан!

– Привет, друг! Как жизнь?

– Руслан!

– Простите, вы кто?

– Руслан!

– Руслан!

– Руслан!

– Вы мне? Сожалею, вы ошиблись.

Конечно, может быть и по-другому. Например, ответят из коляски. Малыш Руслан Русланович.

Но даже тогда у разговора будет только два пути.

Есть еще третий.

Мы будем неловко расшаркиваться, а потом он пробьет у кассира свои товары и стыдливо (или с облегчением) убежит, забыв скидочную карту магазина (или оставит ее, чтобы я нашел его; или это взятка, чтобы я не искал).

Руслану двадцать два.

На правой ноге, чуть выше носка, у него шрам от бутылки пива. От розочки. Это горлышко, похожее на незажженный факел.

Он выбирает яблочное пюре для сына. Руками ничего не трогает, баночки стоят так плотно, они почти образуют цепочку, что неуклюжее прикосновение – и стеллажа нет.

Вряд ли у молодого отца есть чем расплатиться.

Хотя Руслан, конечно, знает, что такое расплата. Если стеллаж рухнет, он переживет. Если баночка упадет ему на ногу, и я подбегу, мы переживем.

Переживем дежавю.

Я этим не горжусь. Однажды я собрался прыгнуть с гаража на гараж, между ними было пять метров, задышал носом, взял разбег, ринулся и в последний момент передумал – Руслан был тем, кто схватил меня за рукав, когда я балансировал на краю. Внизу – грубая, затоптанная земля, из которой торчали пробки, стекла, камни, в которой были будто шишки от ударов – они выглядели как поднятый и согнутый палец, накрытый простыней.

Старик пытался предостеречь нас.

Он шугал нас: идите, сукины идите, и не возвращайтесь, и прочее. Грозил нам своей клюкой с набалдашником. Мы не понимали, он слепой или нет; он ходил в темных очках и никогда их не снимал, ходил ощупью, клюка всегда шла впереди.

Я кричал ему: дядя Андрей – паршивый гей, дядя Андрей – одноглаз, дядя Андрей – пидорас.

Руслан тоже кричал.

Все кричали.

В какой-то момент он стал бросать в нас бутылками. Он их собирал; наверное, чтобы сдавать – но кидал в нас. Потом мы убежали, и он собирал эти бутылки, те, что разбились, тоже.

Руслан берет сына на руки. Сын заплакал, отец берет его на руки – все правильно.

Я тоже брал ребенка на руки. Это был Руслан.

Мы брали его на руки. Нас было четверо или пятеро.

Наверное, следующим этапом были бы горячие смеси. После розочек пошли бы коктейли.

Руслана подначили, Руслану сказали, что он трус, что он баба, и он задышал носом, выдохнул последний дым, взял разбег, ринулся и – дядя Андрей бросил в него бутылку. Откуда он взялся, этот одноглаз, вот откуда? Хромоножка.

Ребенок успокоился. Руслан оторвал пакет и подошел к баклажанам.

Когда мы остановились, когда мы положили его на ступень подъезда, когда посмотрели на его ногу – она была такой же фиолетовой.

Руслан подошел к весам, нажал кнопку, аппарат выдал ценник.

Мы перестали общаться. Перестали прыгать по гаражам. Стали лазить на крышу двадцатизэтажного дома.

Там дяди Андрея не было.

К Руслану подошла девушка. У нее сильно выдавался живот.

Руслан старше меня на два года.

Дионисио Гарсиа

Огонь и пламя любви МетаМелаСитком в одном действии.

Действующие лица:

Максим – лысый мужчина 32 лет со страдающим лицом.

Алена – его девушка с чрезвычайно длинными волосами.

Вика – коротко стриженная лучшая подруга Алены.

Примечание: каждый раз после *подчеркнутой фразы* в зале раздается закадровый смех.

Действие первое. Акт 1. Сцена 1

Максим и Алена в конце прекрасного романтического вечера, который заканчивается в Алениной гостиной. Сцена разделена на две части: саму гостиную (два кресла, между которыми стоит маленький стеклянный столик с напитками и закусками, на стене висит гигантский постер «Я люблю Люси» в толстой, с лепниной, позолоченной рамке) и закрытое дверью, как от зрителей, так и от действующих лиц небольшое помещение. Максим и Алена сидят на креслах. Алена расслаблена, но в то же время постоянно смотрит на экран телефона. Максим широко улыбается, но его поза – очень напряженная.

Алена: Сегодняшний вечер – совершенно удивительный. Я хотела бы тебя поблагодарить за все это. Не боишься ли ты, что *израсходовал весь арсенал (смех в зале)*? И лодки, и пони, и тайская кухня и... (*отвлекается на сообщение в телефоне*)

Как только Алена перестает смотреть на Максима, его улыбка перетекает в гримасу страдания. Он вытирает пот с лысины.

Максим: Ну, я же для тебя (*тут подхрипывая*) стараюсь (*смех в зале*). Я хотел, чтобы этот вечер ты запомнила навсегда, и мне кажется, пока что все (*подхрипывая*) получается (*смех в зале*). Послушай, есть одна вещь, которую... (*пауза*)

Алена отвлекается от телефона и снова смотрит на Максима. На его лице вместо страдания мгновенно рождается широченная улыбка.

Алена: Да-да, ты что-то хотел сказать?

Максим: Да, я хотел сказать, что это очень правильно, что сегодня у нас такой вечер, и, пусть тебе кажется, что он уже не может быть...

Речь Максима прерывает звонок в дверь.

Алена: Ничего себе (*картинно округляет глаза и пожимает плечами*)! Кто бы это мог быть так поздно! Пойду проверю, наверное что-то случилось! (*уходит*)

Как только Алена выходит, Максим бегом бежит в то самое закрытое помещение, которое оказывается туалетом. Как только закрывается дверь, мы слышим защелкивающийся замок, а затем громкий и *протяжный пук (смех в зале)*. Проходит секунд 15, после чего Максим говорит из-за двери: «Черт! Ну, что такое!», включает-выключает воду, выходит из туалета. Он тяжело вздыхает, достает упаковку таблеток, вытаскивает первый блистер – пустой, выбрасывает его, достает две таблетки из следующего и с тяжелым вздохом глотает их, не запивая. Затем, слыша голос Алены, бегом кидается к своему креслу, и снова принимает невероятно улыбчивый вид.

Сцена 2

Алена заходит в комнату, но не одна, а под ручку с Викой.

Алена: Представляешь, тут у Вики кое-что случилось...

Вика: Правда, мы не можем тебе сказать (смех в зале) (обе смеются, Вика садится на подлокотник кресла Алены)

Алена: В общем. Она тут немного побудет, хорошо? Ну, с полчаса?

Максим: Да, конечно. Привет, Вик, но я вот хотел закончить одну мысль...

Вика: (перебивая) Привет, Максик! Мы так давно не виделись? Что это у тебя? Новая прическа? (смех в зале)

Максим: (мямля) Эээ, ну...

Вика: (перебивает его громким, и очень высоким смехом) Ха, да я шучу, Максик, шутка юмора! (начинает напевать, а скорее завывать) «Что с тобой, опять не пойму я. Скажи, мне, что давно о другом тоскуешь...» Дошло? (смех в зале)

Максим: Вик, у нас тут в некотором роде (подхрипывая) незаконченное дело... (смех в зале)

Алена: (перебивая) Дорогой, а ты не мог бы принести Вике выпить? Ей очень срочно надо, и чего-то покрепче...

Максим очень медленно и аккуратно встает, уходит.

Алена: Ну что, видела? Видела?

Вика: Да, блин, реально. Какую рожу корчит-то. Вот бедный. И так – весь вечер?

Алена: Ну! Я же говорю – я сама как прочитала в сообщениях у него, так и поверить не могла.

Вика: (завывая) «И в последний раз свободой насладиться...»

Алена: Зависть твоя – страшная сила (смех в зале), (шутливо ударяет подругу по руке). Вот только я не знаю, готова ли. Так что ты тут посиди с полчаса, я соберусь немного с мыслями... Я же даже не репетировала, как конкретно буду отвечать.

Алена встает с кресла, театрально прижимает ладони к щекам.

Алена: (чуть не плача) Нет! Прости, Максимушка, но я никак не могу! Не заставляй меня (затем успокаивается и пробует другую позу: руки на груди, рот открыт буквой «О»). Или так (делает удивленный голос). Божечки! Вот этого я никак не могла предвидеть! Конечно, безусловно, нет! Как ты мог даже подумать, что я соглашусь?

В это время, Максим тихонько возвращается обратно на сцену с бутылкой виски в руках и крадется в туалет. Закрывает за собой дверь, мы слышим громкий щелчок замка и протяжный пук, а затем крик: «Сука, ну давай же, где ты!» (смех в зале)

Алена: (не обращая внимания на звуки, падает на одно колено) Или может быть лучше так, упасть на пол (совершает руками обнимательные движения, в голосе – восторженные нотки). Максик, дорогой, ты прости меня, но я еще пока не готова, это ничего не значит, ты поверь, ты у меня самый любимый, но может лучше еще немного подождать...

Вика: Вот про ждатель, я бы не стала (завывает). «О, не лети без меня в небо, белоснежную птицей». Дошло? (смех в зале)

Алена: (поднимаясь с колен, и садясь обратно в кресло) Поймет, что я знала? (задумчиво) Наверное... (снова весело) Интересно, а какое было бы кольцо? Я весь его шкаф с носками обшарила, ничего не нашла (смех в зале). Интересно, где он его прячет?

Шум воды из туалета, затем оттуда выходит Максим с бутылкой в руках. Промокает лысину, достает еще две таблетки, запивает их виски из горла.

Максим: (в сторону) Грёбаная тайская кухня...

Внезапно свет на сцене полностью гаснет.

Голос сверху: (с развеселой телевизионной интонацией) Получится ли у Максима справиться со своим непростым заданием? Какую именно реакцию выберет Алена? Будут ли они

жить долго и счастливо? Что скрывает Вика? И какую роль во всех этих событиях играет Эдуардо и его брат близнец? Мы узнаем после рекламы, не переключайтесь!

Свет включается. Мизансцена та же самая, только теперь на месте Максима стоит Алена, Вика сидит в кресле на месте Алены, а Максим пристроился на подлокотнике на месте Вики.

Сцена 3

Алена: *(в сторону)* Сраные таблетки, походу, недостаточно сраные... *(смех в зале)* Ох *(промакивает шею платком, и возвращается к остальным)*. А вот и выпивка!

Максим: *(утрированно манерным голосом)* «Шампанское, икра и запах сигарет – на все готов очередной клиент!» *Понянятно?* *(смех в зале)*

Вика: Спасибо, любимая, налей и мне тоже *(пододвигает к Алене два стакана)*. Правда тут только два...

Алена: Да это ничего, так, из горла *(подхрипывая)* справлюсь... *(смех в зале)*

Вика: А тебе может и вообще не надо, после ресторана... *(Максиму)* Представляешь, сегодня за ужином, нам приносят шампанское, а мы вроде как не заказывали, а я в этот момент рассказывала про Пушистика, ну помнишь...

Максим: *(перебивая)* Ага, я своим девчатам все время рассказываю, что у меня есть одна знакомая шалава, с любимой свинкой вместо собачонки...

Вика: А ты попробуй в деревне завести одного из твоих шпичев... *(смех в зале)*

Алена: *(перебивает, медленно вставая с кресла)* Простите дамы, я на секундочку *(достает мобильный телефон, показывает его залу)* по делу... *(смех в зале)* *(уходит в сторону туалета)*.

Остальные не прерывают разговор, как будто не замечая чудовищных звуков кишечных мук, которые доносятся оттуда *(смех в зале)*

Вика: так вот, мама позвонила, что Пушистик попал под трактор, и я сижу такая, вся расфуфыренная...

Максим: *(перебивая, утрированно манерным голосом)* «Путана... Путана... Путанааа, ночная бабочка, но кто же виноват»

Вика: Да ну тебя! Короче, сижу, слезы в тарелку капаят, давлюсь, рассказываю Аленке, какая Пушистик у меня была умная, какая справная, тянусь за бокалом, а она берет, и выпивает его залпом, представляешь?

Максим: То есть прямо твой?

Вика: Ну да! Почти из рук вырвала! Я, конечно, вначале не поняла, что это такое...

В этот момент, из-за двери туалета раздается громкий крик Алены «Аааа!», затем еще более громкий звук облегченного кишечника, и после – *радостный выдох* *(смех в зале)*.

Вика: *(продолжает как ни в чем не бывало)* Она бедняжка просто... такая чувствительная...

Максим: *(складывает руки на груди, и театрально качает головой)* Алешенька? Ну неееет! Если кто в вашей паре эмоционал, так это ты!

Вика: Я тоже так думала, но тут наверное наложилось... И мой Пушистик, и ее волнение перед, ну, ты понимаешь... предложением...

Максим: Хотя... Я тут вспомнил... я когда ей рассказывал про мою ситуацию с Абдуллой и его тремя братьями, она тогда тоже извинилась и ушла, а теперь понимаю, что может быть это она просто...

Вика: Вот и я о том же! *Тонкая натура!* *(смех в зале)*

Максим: *(утрированно манерным голосом)* «Здравствуй печаль, я тебя узнаю... *(тихо)* ты-ты-та-та-та-та... Я замираю на самом краю».. *(вздыхает)* Понянятно.

Вика: И вот еще что. Я тут думаю только о себе, тебя вот позвала, чтобы с мыслями собраться... А надо было-то что?

Максим: (озадаченно) что?

Вика: О ней подумать! Это она же собирается сегодня мне руку и сердце предлагать? Может быть, надо было и самой, раньше, сподобиться и сказать твердое нет...

Максим: Но-но, подруга, тпру! Ты же еще час назад мне писала, что не знаешь, отказывать ли!

Вика: Да кого я обманываю, Максюш! Я не люблю ее. Хоть и лучше нее мне никого никогда не найти.

Вика встает с кресла, и ходит вокруг. В это время из туалета слышны возгласы Алены: «Ну, где же ты, ты, должно быть, тут!».

Вика: (бормочет, но громко, чтобы все слышали) Может и стоит самой... Только вот кольцо жалко, пропадет...

Максим: (в сторону) ну вот это правда, ты сама-то максимум семерка, а Аленка не меньше двенашки выйдет... (смех в зале)

Вика: (останавливается, уверенным голосом) Короче все, спасибо большое, дружок. Дальше я сама – вали отсюда. Завтра напишу, как пройдет!

Максим: (хихикая) и как ночка после, тоже напиши! (смех в зале) Я только в клозет на секунду загляну...

Максим встает и идет в сторону туалета, Вика идет за ним, поправляя выбившуюся из его брюк рубашку. Максим открывает дверь туалета, и мы видим Алену, стоящую на коленях перед унитазом. Одной рукой она держит свои волосы, другой активно шарит внутри.

Внезапно, свет на сцене полностью гаснет.

Голос сверху: (с развеселой телевизионной интонацией) Кто первый сделает друг другу предложение? Удалось ли Максиму оприходовать всех трех братьев Абдуллы? Сохранит ли Алена свои волосы? Справится ли Эдуардо с осознанием того, что его легкий флирт закончился инцестуальным сексуальным контактом? Обо всем этом мы узнаем после рекламы!

Свет включается. Мизансцена та же, только вместо Алены у унитаза сидит Вика, вместо Максима открывает дверь в туалет Алена, а удивляется представшей картине Максим, вместо Вики.

Сцена 4

Алена: Боже мой!

Максим: Викуля!

Вика ошарашено смотрит на Алену и Максима, и опускает руку вниз. Не может произнести ни слова.

Максим: Вика, что с тобой?

Вика: Тут, понимаешь какое дело, дорогой...

Алена: (гнусявя) «А человек гостит у вас, прощается и в ночь уходит». Так что и я наверное... (смех в зале)

Вика: Нет, Ален, погоди, ты не так поняла... Максим. Я должна тебе кое-что сказать (вынимает руку из унитаза, складывает ладони в мольбе).

Алена: Боже, да у тебя рука все в дерьме! (смех в зале)

Вика: Макс! Послушай... Я объясню... Я сегодня в ресторане перенервничала, когда ты рассказывал про своего кабана

Максим: (отсутствующим голосом поправляет Вику) Поросятка...

Вика: Поросятка... В этот момент как раз неудачно принесли, и я хотела, чтобы как в кино, мы чокнулись и тут ты зашла, но я запаниковала и проглотила, а затем...

Алена: Не может быть!

Вика: А потом, я таблеток наглotalась и...

Алена: Какая жесть!

Вика: А оно все никак, и вот наконец... *вышло...* (смех в зале)

Алена: (гнусая и задыхаясь, обмахивая лицо руками) «Всего один, один глоток, один глоток прошу, не впрок!»

Вика: Это я от любви, я просто хотела, чтобы у нас все было особенно и...

Максим: (тихо, но уверенно) Стоп (все замолкают и смотрят на Максима). Не нужно оправдываться. Не нужно ничего рассказывать. Я все понимаю.

Вика: (с надеждой) Понимаешь?

Алена: (с недоумением) Понимаешь?

Максим: (уверенно) Понимаю (Максим падает на колени рядом с Викой). Я не знаю, как именно ты узнала, может быть подсмотрела в истории браузера, может быть, сама догадалась... Спасибо тебе.

Вика и Алена недоумевающе смотрят на Максима. Вика машинально хочет поправить волосы грязной рукой, и в этот момент Максим перехватывает ее руку.

Максим: (тихо) Мне нужно было признаться давным-давно. А теперь... Теперь я смотрю на тебя (поворачивается лицом к зрителям и дальше говорит уже в сторону зрителей, а не в сторону Вики). Смотрю на тебя и понимаю. Даже если тебе кажется, что ты другой, особенный. Даже если ты думаешь, что никто никогда не сможет полюбить тебя таким, какой ты есть. Что бы кто ни говорил, что бы кто ни думал – важно помнить, что в мире существует любовь. Любовь, которая сильнее любых предубеждений. Любовь, которая принимает другого человека полностью, без остатка, со всеми его слабостями и прегрешениями, со всеми странностями и со всей инаковостью (поднимается с колен, и поднимает Вику, все еще держа за ее грязную руку. Продолжает в зал). Я запомню этот день навсегда. Каждый из нас сегодня многое понял. И как же я рад, что мне не нужно больше прятать от своей любимой этот кусочек моей души. (Максим подносит грязную руку Вики ко рту, целует ее, затем начинает облизывать. Девушки смотрят на него с ужасом) Я люблю тебя! (продолжает облизывать руку Вики, в это время Алена пятится от них к краю сцены). Люблю! Люблю! (В этот момент, Максим отстраняется, и вынимает изо рта маленькое колечко с бриллиантом, после чего начинает пищать невероятно высоким голосом) О, боже мой! Да! Да! Конечно, тысячу, миллионы раз – да! Господи, я так счастлив! Я не знаю, смогу ли я выдержать все это счастье, переполняющее меня! Иди сюда скорее, моя любовь!

Максим притягивает Вику к себе и начинает целовать. Вика пытается вырваться, сдавленно кричит, но у нее ничего не получается. Алена уже почти у края сцены достает мобильный телефон и кому-то звонит.

Алена: (в трубку) Педро? Ты слышишь меня? Я это, пожалуй, к вам сейчас заеду... Что? Да нет, тут такое... Я лучше с тобой и братом потусуюсь... Ага, до встречи! (кладет телефон в сумочку, смотрит на целующихся Максима и Вику и гнусаво пропевает) «Куда уехал цирк, куда уехал цирк...».

Алена уходит со сцены, вместе с этим падает занавес.

Голос сверху: Как Вика справится с новой информацией о своем возлюбленном? Расскажет ли Эдуардо Алене, о том, что произошло между ним и его братом? Что не так с обручальным кольцом Максима? Придется ли ему связывать Вику еще раз? Кто из давно полюбившихся нам персонажей, в следующей серии задохнется от собственных газов, и навсегда покинет сериал? Все это вы узнаете на следующей неделе, в новой серии «Огня и пламени любви». До скорых встреч!

Занавес

Алиса Голованова

Нормальный человек

Эля с грохотом захлопнула крышку унитаза и села напротив Константина Семеновича.

– Ты собираешься тут сидеть? – спросил Паша и, протянув голую руку, выключил воду. В наступившей тишине капли, оставшиеся в кране, падали звонко и уверенно. Эля почувствовала короткий, но мощный прилив сил – такой, что ее чуть не снесло с места.

– Я хочу, чтобы мы пришли к консенсусу, – сказала она, деловито взъерошив короткие черные волосы.

– Мы придем к кому хочешь, хоть к чертям собачьим, только дай мне спокойно принять ванну. Ты же знаешь... – Паша вытащил из емкости палочку и с наслаждением выпустил цепочку больших мыльных пузырей.

– Душно. Отдохнуть бы, – подумала про себя Эля.

Пузыри медленно поплыли в жаркой, набитой паром комнате. Потом уселись на воду и через секунду полопались, как слова, сказанные без регистрации.

– Регистрации? – вскинулась Эля. – Опять регистрация?

– Какая еще регистрация? – раздраженно спросил Паша. – Заснула? С этими выборами ты вообще сама не своя.

– А чья? Твоя, что ли? – Эля достала пилку для ног и скинула тапок. – Мы свое не отдадим! – заявила она, и, подтянув к себе одну ногу, стала тереть пятку.

Паша устало выбросил палочку от пузырей в воду. Она скрылась в густой массе пены. Он стал водить по белому слою двумя пальцами, представляя, что едет на лыжах.

– У меня может быть хотя бы полчаса личного времени? – наконец, бросив игру, спросил он. – Отпраздновали уже твои выборы, я поздравляю. И я принимаю ванну, ты прекрасно знаешь...

Он посмотрел на Элю, покачивающуюся в тумане на волнах своего патриотичного задора. Образ ее тут же соединился с любимым запахом апельсина, и это ему не понравилось. Он перевел взгляд на чудом выживший пузырь, засевший у него на плече, и стал с интересом тыкать в него пальцем. Пузырь втягивался, гнулся и возвращался в исходную форму, но не лопался.

– Ты, Паша, в свои тридцать купаешься, как трехлетка: апельсиновая пена, пузыри, уточки, – донеслось до него с того берега.

– А что ты так против уточек? – спросил Паша и лопнул пузырь.

– Вот и с выборами так, – продолжала Эля, не замечая колкости, и яростно водила пилкой по ступням, – детский сад развели, когда страна в опасности. Нам угрожает весь мир, а из-за таких вот революционеров, как ты... Но знаешь, что? Мы все-таки свое возьмем, – твердо сказала Эля.

– О, да взяли уже. И не только свое, а и чужое, – и Паша победоносно накрыл ладонью полуостровок пены.

– Достал уже. Ну неужели ты и правда такой тупой!? – не выдержав вскочила Эля, бросая пилку на пол. – Сними ты уже эту маску! Я верю, что за ней есть нормальный человек, а не тупоголовый осел, не безмозглый конформист, не псевдореволюционер и не гнилой демократ!

– Секундочку, – попросил Паша, остановив ее жестом.

– Ну что? – вздохнула Эля и снова уселась на крышку унитаза.

Паша намочил руки в мыльной воде, промокнул ими лицо и стал осторожно оттирать края от периферии к центру, не торопясь, чтобы не порвать. Он сначала снял тупоголового

осла, затем безмозглого конформиста, потом псевдореволюционера и, наконец, гнилого демократа. Ошметки масок расплывались вокруг его тела, пузырились и шипели, придавая воде разные причудливые цвета и запахи.

– Ну, как я тебе? – спросил он, лежа в разноцветной воде и высматривая Элю в сероватом тумане.

Но Эля ничего не ответила, потому что уже несколько минут лежала на полу без сознания.

– Вот, Константин Семенович, – сказал Паша, обращаясь к самому себе. – Вас принять пока не готовы. А я говорил!

Ольга Дерюгина

Кто меня не любит

– Может, ему завидовал кто? – спросил Володя.

До того, как начать торговать белорусскими дверями, он полгода проработал в милиции и до сих пор сохранял ореол правоохранительной мощи.

– Ха-х, – нервно выдохнула Наташа, – спроси, кто ему не завидовал. А то сам не знаешь.

– Так ты ж только что сказала, что его все любили!

– Ну, одно другому не третье. Нельзя, что ли, человека любить и при этом ему завидовать?

– Нельзя, по-моему, – веско ответил Володя. – Зависть – дурное чувство, оно любовь убивает.

– Очень глубокая мысль, – сказала Наташа.

– «А кто меня не любит, тот просто мне завидует», – задумчиво процитировал из угла пьяный Веселовский.

– Вот именно, – согласился Володя.

Наташа цокнула языком.

– Вов, ты, может, вопросы будешь задавать поживее? Мы так до утра отсюда не уйдем.

– Так я задаю, – обиделся Володя. – А вы вместо того, чтобы отвечать, философию разводите какую-то доморощенную, любит-не любит.

– «Все любят Тимати...» – пояснил Веселовский.

– Это понятно. Я другое хотел уточнить. Какие вот, к примеру, были у потерпевшего отношения с бывшей женой?

– А что сразу с бывшей женой? – нахмурилась Ирина. – Что, если развелись, автоматически, у меня к нему какие-то счеты? Автоматически я становлюсь способна на... на... – Ирина беспомощно махнула рукой в сторону Тела и зарыдала. К ней, с носовым платком и утешениями, тут же подбежал Серега.

Смотреть на страдания близких родственников потерпевших Володе не позволяла особая милиционерская брезгливость, поэтому он отвернулся и тоже посмотрел на Тело. Тело лежало на диване, упершись затылком в подлокотник. Руки Тела были сложены на груди, голова повернута к стенке.

– Безмятежный такой, – мечтательно сказал Антон. – А только недавно рассказывал, что ему на эфир завтра лететь...

– Не судьба теперь, – сказал Володя и неожиданно для всех всхлипнул. – Простите, это «Шато Тамань». Я ведь не пью совсем, первый раз за год сегодня, только ради Славки.

– Слушайте, – отклеившись от Ирины, подал голос Сергей, – ну дайте я гляну хоть, чего там с ним? Вы его нашли, а я не видел.

– Да не тронь ты его, – Володя гулко высморкался. – Нехай лежит. Специально его головой к стенке отвернули, чтобы дам не оскорблять. Давайте, короче, сознавайтесь. Кто? Мы тут одни, люки все задраены, явно кто-то из своих. Пока не сознаетесь, из номера не выпущу.

– Ну, Веселовский явно ни при чем, – сказала Наташа. – Он в зюю был еще до того, как все по первому бокалу выпили.

– «Где лучшие тусовки?» – услышав свою фамилию, встрепенулся Веселовский.

– У тебя в жопе, – ответил Сергей. Все еще злился, что не дали взглянуть на Тело. – Удалась, блин, тусовка, ничего не скажешь...

Антон гулко вздохнул.

– А помните, как Славка нас после выпуска в Аланье собрал?

Все вспомнили. Особенно Наташа. Она тогда была Славкиной девушкой, а Ирина была просто так – дурацкая однокурсница, которую и позвать нелепо, и не звать жалко. Славка всегда был широкая душа, звал всех. Чего ему, в общем, стоило, самолет-то отцовский, не его. И отель тоже отцовский.

Шел 2006 год, все любили Тимати, и Славка тоже любил, даже в Аланье заставлял местного диджея его ставить по пять раз за ночь. Под Тимати и Ирку склеил, а Наташа уехала как бы уже и ничья. Сперва поприглядывалась к Володе, но уже тогда было ясно, что никакая работа в «Останкино» ему не светит. Славка месяца три обещал его пристроить. Все знали, что он либо сразу делает, либо кормит завтраками, пока не лопнешь. Только Володя не знал. Всегда был туповат, куда ему в «Останкино». Вот Антона взяли, он смазливенький. Они со Славкой сначала на одной передаче работали, потом Антона вроде хотели взять во «Время», но в итоге почему-то уволили, Славка божился, что ничего не знает, и потом тоже божился, когда сам ушел во «Время» работать.

Он, Славка, хоть и известный стал, но своих не забывал – широкая душа. То в Хургаду всех позовет, то еще куда. Ни словом ни разу не попрекнул. Ну, пару раз, может, было, когда Серега совсем уж напивался и начинал на Славку бычить, ты, мол, зачем на Ирке женился, если по бабам скачешь, как олень, у всех на виду. Тогда Славка, конечно, напоминал, за чей счет банкет, а у кого в кармане дыра. Ну, имел право, так ведь? А вообще, он хороший очень, Славка.

– Широкой души человек, – сказал Володя.

– Угу, – угрюмо подтвердили все.

– Только он же нас у..., – предположил Володя.

Все согласно покивали.

– Да блин, вы мне дадите посмотреть уже, чего с ним там? – заорал Серега. Растолкав остальных, он подбежал к дивану и развернул Тело лицом к себе.

На Славкином лбу убористым почерком было выведено: «Mr. Black Star, золотой ребенок, привык жить в люксе уже с пеленок». Ниже, на щеке чья-то уверенная рука крупно дописала: «Я ПИДР». Остальное пространство было заполнено довольно бессвязной, но очень густой и очень нецензурной бранью. Орудие преступления – перманентный маркер синего цвета – лежало тут же, на диване.

– Ну, спасибо, что не татуировочная машинка, – сказал Сергей. – Смоется.

– Да пробовали уже, – ответил Володя. – Ни хрена не смывается. У меня дочка таким нарисовала себе усы – две недели сходили.

– Это ж надо так набухаться, чтобы не заметить, что тебе всю рожу разукрасили.

– Это ж надо так обозлиться на человека, – возразила Наташа, – чтобы ему так старательно разукрасить рожу.

Серега пожал плечами, взял в руки маркер.

– Ну, вместе и дело спорится, – сказал он, и на небольшом свободном участочке Славкиного лица написал самое короткое и выразительное слово, которое знал.

Остальные, как по команде, отвели глаза и спрятали руки.

– «Где лучшие подруги?» – сонно поинтересовался из своего угла Веселовский.

Ему не ответили.

Вероника Янковская

Это не моя война

«Корабли лавировали, лавировали да не вылавилали. Черт. Не вы-ла-ви-ро-ва-ли. Ой! Забыл айфон», – Геворг развернулся, и его распахнутый голубой махровый халат с перистыми облаками подвис в воздухе, превращая Геворга в супермена. Где-то в глубине души он даже верил в это свое суперменство. Ванная комната на секунду опустела, пока супер-облако-человек не вернулся с разливающимися из динамиков звуками природы.

Напевая что-то себе под нос, Геворг начал приготовления. Положил айфон на тумбочку, заткнул пробкой дыру, включил воду. Немного потупив, наш супергерой взял тубик, стоявший на бортике ванны, и стал выливать из него жидкость прямо в то место, где струя воды ударяется о белоснежное дно и словно по заклинанию превращается в пену. Заклинание не сработало. Дожав последнюю каплю пенящейся жидкости, Геворг разочарованно поглядел на редкие пузырьки, покрывавшие лишь треть ванны.

Не в силах смотреть и дальше на свой очередной провал, Геворг посмотрел в зеркало. «А ну, улыбнись широко!», – Геворг отдал себе приказ и немедленно приступил к выполнению. Сухая кожа у рта натянулась до боли и готова была треснуть. Но треснуло где-то в районе позвоночника. Тело супермена решило напомнить, что ему уже тридцать пять. Улыбаться сразу расхотелось. «Ну и чмо», – прошептал ему напутствие Геворг-в-отражении. Не поддавшись на провокацию, он снял халат, обнажив свое суперменство, компактно сконцентрированное в худощавом теле, и аккуратно повесил его (к сожалению, халат, а не это жалкое тело) на дверной крючок. Теперь все готово к погружению.

Погружение происходило медленно и неторопливо. Горячая вода прожигала кожу, оставляя после себя легкое покраснение на ногах. От края ванны поднимался густой пар, захотелось закурить. «Что? Провоняет все. Вот дурак», – прозвучало где-то в голове. Осев на самое дно, так чтобы на поверхности торчала только голова, Геворг наблюдал, как утекала его жизнь. «Что за бред? Это просто вода. Найди метафору попрличнее, тупица», Геворг продолжал наблюдать, как вода наполняет ванну, искреннее желая застать момент, когда она выйдет из берегов. И не просто выйдет, а целенаправленно перевалит через бортик, намочит ковер, накроет пол вот уже почти десятисантиметровым слоем, затопит половину ванной комнаты и, наконец, проломит дверь, захватывая новые территории. И когда ей покорится коридор, она отправится в спальню, кухню и совсем обнаглев, всем напором обрушится на лестничную площадку, сметая все на своем пути. Он назовет эту затопленную территорию «Нейтральные воды». И никто ему не посмеет здесь указывать. «Арра. Арра», – какая-то неведомая птица подбадривала его из динамиков. Геворг глубоко вдохнул, чтобы почувствовать свое могущество, но чуть не захлебнулся водой, залившей ему в нос. Пришлось открыть слипшиеся глаза. И вдохнуть по-настоящему.

«Ну а чего ты хотел, идиот?», – советчик по-прежнему был где-то рядом. Геворг закрыл кран. Слегка приподнял со дна пробку, чтобы слить лишнее, и затем вернул свой затылок на холодную поверхность. Глаза стали снова слипаться. Ванная погружалась в плотный туман. Новые капли появлялись на кафельной стене и стекали вниз, пропадая без вести. Кислород заканчивался. Только бы дотянуться до чертова пропеллера под потолком. Старый вентиляционный люк никем не охранялся, нужно только дернуть за веревку. Но он не мог подняться. Вода его не отпускала, засасывала. «Проснись, дурак, нас засасывает!». Геворг очнулся и почувствовал, как его пятка самоотверженно закрывала собой пробочину в ванной.

Половина воды все-таки успела стечь. Геворг почувствовал, как его кожа покрывается мурашками. «Эй, вытаскивай нас отсюда, холодно», – прозвучал безапелляционным тоном очередной приказ. Чтоб ты сдох. Геворг выдохнул, решил, что лучше быть дезертиром, и погрузился с головой в остатки уже охладевшей воды. Открыв глаза, он наблюдал со дна, как проплывают сверху редкие куски пены, то в виде облака, то в виде черепахи. «А помнишь этот мультик про красную черепаху? Смотришь всякую ерунду». Хочу – смотрю. А тебя никто не заставляет. «Как будто у меня есть выбор!». А какой выбор есть у меня? «О, дак, мы теперь разговариваем?». Черт.

Геворг пытался остановить утомительный диалог в своей голове. Где-то издалека доносилось: «Это были звуки леса. Надеюсь, вы расслабились и теперь полны сил. А сейчас делаем глубокий вдох-выдох (диктор глубоко и громко задышал в динамике айфона). Широко улыбаемся и с боем кидаемся покорять новый день». Геворг не улыбнулся, лишь молча убрал пятку, дав слиться остаткам воды.

Мастерская интервью Ольги Орловой (весна 2018)

*Как разговаривать собеседника, а потом сделать из этого материал,
интересный читателю, зрителю и слушателю.*

Анна Валуйских

Преподаватель спрашивает: «Какая иностранка, где?»

Эмилия Вуйчич родилась в Сербии, после школы приехала учиться в Государственный институт русского языка имени Пушкина. Закончила бакалавриат, магистратуру и аспирантуру. Уже 9 лет живет в Москве, изучает русскую литературу и занимается кавказскими танцами. Анна Валуйских побеседовала о том, как сербский филолог почувствовала себя своей в России.

«Моя вторая жизнь»

Почему в Россию?

Мои родители в школе учили русский, переписывались со своими сверстниками – в Союзе, тогда это было модно. Они хранили эти письма всю жизнь, и я в детстве любила их рассматривать. Такие красивые конверты, открытки, почерк у советских детей – просто безупречный. Это было как первая любовь. В пятом классе я начала учить русский. Тогда в отношениях с Россией как раз наступило затишье, и русский в школах был не самым популярным вариантом иностранного. Но я родилась и выросла в деревне под Нови-Садом, а до деревни все тренды добираются медленно.

Помните свои первые дни в Москве? Новый город, институт...

Меня записали в иностранную группу. Прихожу, оглядываюсь – двадцать человек китайцев и я. На следующий день перевелась в русскую группу. А город... расстояния огромные, очень много времени уходит на дорогу, но я, как и все москвичи, привыкла – сел в метро, книжку почитал, к семинару подготовился. Просто приняла это как данность.

Как складывались ваши отношения с «местными»? Отличаются ли сербы от русских?

Менталитет и поведение похожи. Хотя коренные москвичи немножко замкнутые, но это только поначалу. За свою жизнь я с очень разными людьми встречалась и общалась и могу сказать – когда человек с уважением относится к своему, но пытается узнать другого, он всегда много параллелей находит, и не возникает никаких проблем с установлением межнациональных контактов. Проблема в том, что некоторые молодые люди в разных странах сейчас просто ура-патриоты, бьют себя в грудь, а на самом деле мало что знают. Конфликт возникает, когда начинают действовать стереотипы, когда люди мало знают о себе самих.

Какие существуют стереотипы?

Если про сербов – говорят, что мы такие дикие, никому жить не даем, всех гнобим, чуть ли не во всех смертных грехах виноваты. Хотя такое мнение чаще как раз не от русских можно услышать, но в мире стереотип распространенный.

А про русских классические – все водку пьют, ручных медведей водят. Икру мы ложками едим здесь. И, естественно, холод – первые вопросы всегда про холод. Еще меня часто просят рассказать про клубы в Москве. Не верят мне, что я тут живу, а по клубам не хожу.

Насколько адекватны наши представления друг о друге?

И с той, и с другой стороны есть идеализация. Мы всегда говорим – «большая Россия, наши старшие братья, всегда во всем помогут», но на самом деле в России совсем не все про нас знают, да и своих дел достаточно.

А в Сербии люди очень любят философствовать. Даже если ни разу в жизни не выезжали из своего города или деревни – все равно все обо всем знают.

«Вот я тебе сейчас расскажу, как оно в России!» А ничего, что я уже столько лет живу в Москве? «Нет, ты не понимаешь, сейчас я тебе объясню!» Часто можно встретить такое.

Как люди в России реагируют, когда узнают, что вы из Сербии?

Был однажды негативный момент, когда человек сразу задал вопрос: а что вы сделали с албанцами? Он из одной из южных республик, и религии у нас отличаются, вот он и встал на сторону, в его понимании, своих.

Русские реагируют в основном положительно – говорят, о, сербы, братский народ. Часто люди удивляются – ой, а мы думали, что ты наша. У меня же и с языком никогда проблем не было, я говорю практически без акцента.

На первом курсе мы сдавали экзамен по фонетике, и принимать его пришла профессор из другой группы. Она меня не знала, да, фамилия Вуйчич, но мало ли кто в России родился. И вот она что-то спрашивает, а наша преподавательница повернулась и говорит – не надо иностранке такие сложные вопросы задавать. Та отвечает – какая иностранка, где? Ну ей и раскрыли небольшой секрет. Сейчас я детей готовлю к экзаменам в школах, учу русскому языку и литературе; у меня есть постоянный ученик, который тоже до сих пор не понял, что я приезжая.

Москва огромный город, можно выбрать круг общения, в этом большое отличие от нашего села. Я общаюсь с теми, с кем чувствую родство, с кем я действительно своя до мозга костей.

Как получилось, что вы занялись кавказскими танцами?

В детстве, как все маленькие девочки, я мечтала заниматься гимнастикой или балетом, быть артисткой. Но в мое время и в моем селе учиться танцевать было просто негде. Зато папа – тренер по дзюдо, так что наша с братом юность прошла в кимоно на татами. Так детская мечта и осталась нереализованной. Но я все равно интересовалась танцами, в России стала следить за «Березкой», за Кубанским казачьим хором...

Про Осетию я в первый раз услышала при трагических обстоятельствах – в 2004 году, когда была трагедия в Беслане. И меня зацепило: а что, россиянин – это не обязательно русский? А кто такие осетины, а как они живут, а почему это все у них случилось? Я начала интересоваться и очень много общего нашла у Сербии с Осетией, вплоть до того, что у нас тоже в 92-м был конфликт с соседями. А потом к нам на соревнования по дзюдо приехала команда, в которой были кавказские ребята, и осетин в том числе.

Я поняла, что это люди очень откровенные, открытые, гостеприимные, похожие на нас. Тогда я и начала за их танцами следить, а там и сама пошла на занятия.

Обычно люди начинают года в четыре, а я – двадцать лет спустя. Но лучше поздно, чем никогда, теперь жизнь идет от выходных к выходным – лишь бы скорее на репетицию.

Вы планируете со временем сделать хобби профессией?

Это уже зависит от развития ансамбля. Нам сейчас пять лет исполнится, те, кто со стажем, уже могут зарабатывать: их приглашают на всякие мероприятия, торжества. Я пока не езжу, может, все впереди.

Чем вы в России зарабатываете?

Пока репетиторством: готовлю к экзаменам по русскому школьников, еще с иностранцами занимаюсь русским языком, у меня магистратура была «Русский как иностранный», ну и, естественно, сербский преподаю. Когда сделаю документы, смогу официально работать. У меня сейчас разрешение на временное проживание, но я его оформила в Московской области, так что только там пока могу устроиться.

Сложно получить гражданство?

Очень. Несмотря на то что я уже девять лет нахожусь в стране, несмотря на уровень владения русским языком... Все это как будто исчезает, когда дело доходит до документов. До этого мы все свои, как только речь заходит о документах – вы дальше зарубежье, у вас родственников нет, никто не родился на территории СССР, какие документы?

Как вы видите себя в будущем в России? Чего бы вам хотелось?

Я уже не могу не преподавать, мне нравится вместе учиться – и с детьми, и со взрослыми. У подруги есть центр дополнительного образования, и она готова меня взять на работу, как только я разберусь с документами. Естественно, и от танцев я не намерена отказываться, это уже в кровь вошло.

Моя большая мечта – привезти ансамбль в Сербию. Мне эти люди стали очень близки. Я приезжаю домой, начинаю разговаривать с друзьями, они спрашивают: «А чем ты занимаешься?» – «А вот начала ходить на осетинские танцы». – «В смысле, это что? Это что за Осетия?» Меня это немножко задевает, мне бы хотелось показать друзьям разнообразие кавказских танцев, немножко приблизить людей друг к другу.

Никогда не думали вернуться на родину?

Иногда очень тянет домой. Летом приезжаю на два месяца – замечательно, тепло, друзья, родственники, но уже ближе к концу каникул меня несет обратно, мне не хватает движения, уж простите – «движухи».

Привыкаешь к этому образу жизни, к скорости. У нас, у гастарбайтеров, такое бывает.

Так что с концами возвращаться я не собираюсь. Да и обстановка в Сербии за эти годы сильно изменилась – очень много молодых уезжает, прежде всего из-за экономической ситуации.

Вы приехали из Сербии в Россию, но и из России тоже уезжают – в том числе в Сербию

Да, это так, и едут не только в Белград – у нас есть знакомые из России в Нови-Саде. Дешевле, теплее, про продукты я уж не говорю, когда приезжаю домой – не могу наесться помидоров со вкусом помидоров. С московским уровнем зарплаты в Сербии можно прекрасно жить. Но жить там и работать там – уже совсем другая история.

И цены ниже, но и зарплаты ниже?

Вот именно. По-моему, надо жить здесь, зарабатывать здесь, а отдыхать там. Но дело не только в экономической ситуации – дома угнетает ощущение безысходности. Еще несколько лет назад люди еще верили во что-то, а сейчас все только и думают, как бы сбежать. Вот это, конечно, очень больно, очень обидно.

Иногда, когда остаюсь наедине с собой, невольно задаюсь вопросом – а кто я вообще такая?

Потому что я тут не родилась, я никогда не стану русской, я и не стремлюсь – родилась сербкой, ею и умру. Но опять же – нас воспитывали в одних ценностях, а теперь все изменилось, начинаешь думать – моя ли это Сербия, тут ли я росла?

Ваш брат тоже уехал из дома?

Нет, брат остался, его позиция: как бы плохо ни было, он никуда из дома не уедет. У него хобби – историческая реконструкция, изучает Средневековье, занимается тиснением кожи. Сейчас сработался с еще одним парнем, который делает доспехи. Им уже поступают заказы, хобби стало профессией и источником дохода, хотя по образованию он – биохимик.

Вы, кроме русского, преподаете сербский. Это все-таки не очевидный выбор для изучения, обычно взрослым нужны уроки английского, немецкого, испанского. Кто приходит учить сербский и почему?

Есть несколько подгрупп. Первая – взрослые состоявшиеся люди 40+, у которых бизнес в Сербии или Черногории. Вторая – молодые семьи, которые просто любят там отдыхать, часто ездят и уже обзавелись недвижимостью. И, наконец, есть молодые девушки, которые изучают сербский потому, что влюбились в кого-то, с кем теперь не могут объясниться.

А вот недавно была интересная ситуация – у меня был ученик, молодой человек, у него когда-то родственники уехали из России, и сейчас есть уже целый родственный клан сербов, которые не говорят по-русски. Вот он по работе поехал в Сербию, с родственниками познакомился, как-то жестами они пообщались, а теперь он начал учить язык, чтобы уже обстоятельно побеседовать. Говорю же, братские народы, в этом случае – в буквальном смысле.

Анна Пестерева

Тюрьма меняет сознание

Правозащитник Алексей Федяров долгое время работал в прокуратуре, занимался бизнесом, а потом попал в колонию. Там он начал помогать другим заключенным: добивался пересмотра их приговоров и освобождения. После выхода на свободу пошел работать в фонд «Русь сидящая». Правозащитник рассказал журналисту Анне Пестеревой о том, как встретился в колонии с бойцом «Беркута», который разгонял Майдан в 2014 году, почему судьи в России практически не выносят оправдательные приговоры и почему обрадовался бы, если бы фонд «Русь сидящая» самораспустился.

– Журналисты о правозащитниках часто пишут, что те «воюют» с государством. А вы бы как сказали?

– Бьемся. Никого не боимся.

– В какой момент вы поняли, что готовы заниматься правозащитой?

– Когда на меня завели дело. После того, как ушел из прокуратуры, занимался бизнесом. Понимал, что предпринимателя всегда есть за что посадить. Но не догадывался, что можно просто взять и переломать человека. Причем я-то мог нанять хороших адвокатов, наизусть знал, как работает следствие. Но система просто будет отсекал любые возможности защитить себя.

– Вас задержали в 2013 году по обвинению в мошенничестве. Год вы находились под домашним арестом, год и семь месяцев – в колонии в Нижнем Тагиле. Что вы совершили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.